

Ирина Горбачева

Приступить к выяснению

Вновь домой вернуться журавли

Ирина Горбачева

Вновь домой вернутся журавли

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Горбачева И. Г.

Вновь домой вернуться журавли / И. Г. Горбачева — «ЛитРес: Самиздат», 2016

«Вновь домой вернуться журавли» — четвёртая книга серии «Приступить к выяснению». Наряду с историей любви своего отца, участника Корейской войны 1950—1953 гг., к китайской девушке и встречей с китайской племянницей Марго расследует убийство гадалки, которое произошло на её глазах. Изучив судьбу убитой, она помогает найти её похищенную крестницу, находит флешки с обличающими доказательствами высокопоставленного чиновника от МВД, хотя при этом подвергается нескольким нападениям. Но при всей запутанности истории, Марго как всегда из всех положений выходит с честью и королевским достоинством.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	46
Глава 8	55
Глава 9	62
Глава 10	68
Глава 11	74
Глава 12	80
Глава 13	88
Глава 14	94
Глава 15	100
Глава 16	105
Глава 17	111
Глава 19	121

Глава 1

СССР. г. Ростов-на-Дону. 1951 г.

Почему этот период последних тёплых дней красочно раскрашенных кустарников и деревьев называют Бабым летом? Потому, что женщины вобрав в себя все прелести летних месяцев в виде солнца и натуральных витаминов расцветают, соревнуясь с осенью красотой? В эти последние чудесные мгновения уходящего лета или наступившей осени у них чувствуется прилив сил и настроения. Да и у мужчин в эти дни так же поднимается настроение. Хочется жить! Нет, хочется жить и наслаждаться жизнью. Хочется вдыхать полной грудью этот воздух родного любимого города с запахом реки, несущимся с Дона, смешанным с ароматом осенних цветов дымком от небольших костерков, сжигающих опавшие листья.

Прошло шесть лет после Победы, а разрушенный город преобразился до неузнаваемости. Город и горожане, уставшие от тревог и оккупаций, а они перенесли их две, словно расцвёл заново, будто жители хотели изжить серо-чёрный цвет войны и порадовать себя радужностью цветущих веранд, клумб в скверах и парках города.

Сергей Колобов после окончания смены на заводе «Ростсельмаш», где он работал газосварщиком, заскочил домой переодеться и перекусить. От вкусного аромата ухи засосало под «ложечкой». Настоящий дончак от рыбки никогда не откажется. А что может быть вкусней пахучей маминой ухи?

– Сынок, не спеши, поешь нормально. Я ещё рыбки нажарила. С утра ездила на рынок, да так повезло, так повезло, – на звук дверного звонка мама вышла в коридор.

– Колобов Сергей Михайлович здесь проживает? – услышал Сергей басовитый мужской голос.

Через минуту в комнату вошёл человек в военной форме, но без погон. По выправке в нём сразу угадывался бывший фронтовик.

– Распишитесь, пожалуйста. Вам повестка на срочную службу в ряды Советской Армии.

– Боженьки мои, – запричитала мать, но её причитания остановил неожиданный гость.

– Успокойтесь мамаша не на войну сын пойдёт. С ней заразой покончено раз и навсегда! А долг своей Родине отдать надо. Это почётная обязанность любого гражданина, – после росписи Сергея в каком-то журнале, он протянул ему руку и крепко пожал ладонь призывника, – поздравляю, – и, обернувшись к испуганной женщине, громко произнёс, – или вы опять хотите, чтобы всякая гадина к нам своей страшной рожей повернулась?

– Нет, не хочу, – испугано произнесла мать Сергея.

– Это правильно, – пробасил военный с наградными кубиками на левой груди и несколькими красными полосками определяющими количество ранений на правой.

– Ну, чего ты, мамуль, – Сергей, проводив мужчину, нежно обнял мать, – ты же у меня одна и я у тебя один, скорее всего где-то рядом буду служить. Не переживай, три года пролетят мигом. Что со мной случится?

Мать кончиком передника вытерла слёзы, поцеловала сына в щёку.

– Куда собрался? Всё не набегаешься? То в футбол гоняешь, то с ребятами пропадаешь до утра. Тебе что написано? Явиться в трёхдневный срок. Надо бы проводы собрать.

– Мам, какие проводы? Прогладь мне лучше стрелки на брюках.

– Как какие? Что ж если мы с тобой вдвоём остались, то и проводы справить не можем?

Слава Богу, не бедствуем, есть, что на стол поставить.

– Родни у нас нет. Осталось раз, два, да обчёлся. Кому меня провожать?

– Нам соседи, что родня! Всю войну друг дружке помогали. Мы во дворе и накроем. Как Сашку Беспалого провожали, помнишь? Как хорошо было, душевно. Все принесли кто, что смог, да и Антон с Клавдией наготовили. А как песни мы всю ночь пели!

Мать положила брюки с очень широкими брючинами на одеяло для глажки накрытое белой простынкой, – вот мода пошла, это ж надо такие широченные! Если по нормальному скроить, так из них и брюки тебе и мне юбка вышла бы отличная. Серёж, слышь, что говорю? Говорю, хорошо проводили Санька, так ему и отслужилось легко.

– Мамуль, как проводишь меня, так и сделай из этих брюк себе юбку. Я вернусь, уже такие носить не будут. А провожай, как хочешь. Можно и во дворе. Лишь бы дождь не подвёл. Завтра суббота я последний день отработаю, получу расчёт, и заявление в кадрах оставлю об уходе на службу. В выходной в воскресенье проводите меня, а в понедельник пойду в военкомат с вещами. А сейчас, мамуль, не обидишься? С ребятами погуляю. Я не поздно вернусь, но ты меня не жди. Ложись спать. Не переживай.

– Только не поздно и осторожно, бандюгов по городу бродит, что грязи! Из них целый сарафан получится, перелицевать, так совсем, как новый будет, – задумчиво сказала женщина, но тут же спохватившись, прикрыла ладонью рот, – Господи, что это я, сына в Армию забирают, а я о чём?

Сергей выскочил из парадного подъезда высокого четырёхэтажного дома сталинской постройки прямо к троллейбусной остановке.

– Серёга, дай закурить, а то выпить так хочется, что от голода подохну, – шутя, но чистую правду сказал безногий сосед дядя Вася, сидевший на своей деревянной каталке с пристроенными к ней роликами.

Его широкие ладони были продеты через прибитые к двум деревянным брускам ремни, которыми он отталкивался от земли, помогая тем самым своему передвижению на каталке. Для быстроты передвижения у дяди Васи лежал между его култышек, до сих пор отдающих ноющей болью в оставшемся израненном теле, металлический крюк, которым он цеплялся за задний бампер останавливающегося около дома троллейбуса.

– Держите, – Сергей протянул ему несколько денежных купюр, – дядь Вась, вы бы и, правда, поели чего, а то на зацепе опять к «Спартаку» подадитесь?

– Эх, Серёга, чего ты понимаешь? У «Спартака» моё последнее место дислокации на этом свете.

– Ну что вы такое говорите, вы ещё молодой, вам жить и жить.

– Ну, ты даёшь, пацан. Не понимаешь. На кой ляд мне такая жизнь?

– Давайте я вас хотя бы в троллейбус посажу.

Так безногий фронтовик добирается до своего постоянного места нахождения – пивнушки, которая втёрлась между небольшим молочным магазином и летним залом кинотеатра «Спартак». Молоко и сметану в магазин каждое утро в больших бидонах, возит старый добродушный старик татарин на телеге с впряжённой такой же старой, слепой на один глаз лошастью Галкой.

Пивнушка похожа на муравейник от вечного круговорота посетителей и постоянного застывшего над ней людского гула. Здесь собираются в основном прошедшие войну мужчины, покалеченные войной с уставшими душами и полными горя глазами.

– Скажешь тоже. Нет, я с ветерком люблю. А лучше пивка, Серёга, еды нет. И сытно и хмельно.

– Завтра выходите во двор, меня в Армию будут провожать. Хоть поедите нормально, – сказал Сергей, запрыгивая в троллейбус.

– Уважаю. Молодец Серёга. Буду, как штык!

До парка им. Фрунзе всего две остановки, это расстояние Сергей всегда проделывал пешком. Но сегодня он спешил. Они договорились с Лариской встретиться у деревянного здания

клуба имени Фрунзе и поехать в парк Горького. Выйдя на своей остановке, он помог дяде Васе освободиться от троллейбуса с вечно кричащей на инвалида кондукторшей и, подцепив каталку этим же металлическим крюком, перевёз его на противоположную сторону дороги. Забежав на Нахичеванский базар, Сергей купил небольшой букет разноцветных астр. Пробежав мимо магазина «Промтовары», заскочил в «Главхлеб» и, проглотив слюну от запаха вкусно пахнущего свежеспечённого хлеба, продававшегося там, взял пару мягких бубликов с маком и большую плитку ириса «Кис-кис», который любила Лариса. Проходя мимо памятника Карлу Марксу, он издали заметил, что у клуба Лариски не было. Сергей перебежал широкую площадь Толстого и оказался на Двадцать третьей линии. За зданием библиотеки имени Пушкина, через несколько метров вниз к Дону, был двор, в котором она жила. Словоохотливая и громкоголая мать Лары, сообщила ему, что дочь давно ушла с Жориком со второй Пролетарской. Растерявшись, Сергей сунул букет в руки всё ещё что-то говорившей ему женщины и медленно пошёл назад к остановке.

Ребята из его бригады Володька и Юрок уже ждали Сергея у входа в Центральный городской парк.

– Ты что такой кислый? – увидев Сергея, спрашивали они.

– Повестку мне вручили, завтра на проводы приходите, – грустно ответил он.

– И чё? Куда? Не грусти, брат, – загалдели товарищи наперебой.

– Да я не о том. Ларка с Жоркой с Пролетарки ушла. А обещала со мной пойти. Сегодня хотели Лолиту с ней посмотреть.

– Да брось ты, нашёл по ком сохнуть! Пошли ребята по пивку по такому случаю, – предложил Володька.

– Бублик дай! И сам заешь обиду, – обнял за плечи товарища Юрок.

Ребята вошли в парк. Красивые клумбы, чистые покрытые мелким жёлтым ракушником дорожки и тропинки, спускающиеся лианы, какие-то вьющиеся растения, успокаивали взор и пыл входящих сюда людей. Ребята поднялись на мостик из ракушника через небольшой ручей, протекающий под ним, облокотились на перила и засмотрелись на рыб, сверкающих своим золотом у поверхности воды.

– Молодец новый директор парка!

– Говорят, что фронтовик.

– Ага, без одной руки, а рукастый оказался.

Через несколько минут друзья были у кинотеатра «Россия» с вечной очередью за билетами на очередной сеанс, а там совсем рядом пивной зал со стоячими круглыми столиками на улице.

Бойкий Юрка протиснулся через шумную очередь за пивом к прилавку, а Сергей с Володей, подошли к крайнему освободившемуся столику перед входом в пивнушку. В душном со спёртым воздухом помещении собиралась постоянная публика всё из тех же разбитых на страшной бойне измученных воспоминаниями о ней людей.

– Держите, – Юрка поставил на столик три кружки со светлым пивом, – здесь всегда свежее, пивной завод рядом.

– Ага, свежеразбавленное, – недовольно добавил Сергей.

– Да, ладно тебе, Серёга, погнали к «Ракушке», там после концерта танцы будут.

Перед открытой сценой эстрадной площадки, все места были заняты зрителями. Ребята стояли поодаль, прислонившись к раскидистому каштану.

– «Серым утром крик печальный, снова слышу я вдали. Мне привет свой шлют прощальный в хмуром небе журавли...», – со сцены приятным баритоном пел мужчина.

– Песня хорошая, надо слова срисовать, – задумчиво произнёс Сергей.

– И мотив запомнить, – Юрка тихо стал насвистывать в такт звучащей музыке.

– Пошли к танцплощадке, – Володя обнял за плечи обоих товарищей и, насвистывая понравившуюся мелодию, они пошли вглубь парка.

– «Ясным утром в день весенний, с песней счастья и любви. К старым гнездам над рекою вновь вернутся журавли...», – доносилось с эстрады.

Впереди себя ребята увидели, как на почти безлюдной слабоосвещённой дорожке парка двое парней грубо хватая девушку за руки, тащили её в гущу кустарника.

– Чего ты ломаешься? – говорил хамоватый парень, пытаясь схватить её за руку с одной стороны, другой парень пытался ухватить ещё совсем молодую девчонку за плечи.

– Ребята, отстаньте от меня, я сейчас милицию позову! – увёртываясь от них, плакала девушка.

– У, какая ты недотрога! Я таких люблю!

– И я! – хулиганы отпускали пошлые шутки, противно смеясь и пуская в лицо девушки папиросный дым.

Володя, Юрий и Сергей быстро подошли к ним, встали вокруг парней и девушки.

– Пацаны зачем к даме пристаёте? Видите, она не хочет с вами идти, – сказал Сергей, но тут, же получил удар в лицо.

Пока Юрка и Володька мутузили хулиганов, девушка достала из маленькой вышитой бисером сумочки носовой платок и стала вытирать кровь с лица Сергея.

– Милиция, милиция! – закричали появившиеся на парковой дорожке прохожие.

Этот крик и трель милицейского свистка отрезвил дерущихся.

– Атае! – крикнул кто-то из хулиганов. Все парни кинулись врассыпную и через секунду скрылись в кустах парка.

– Бегите! – крикнул Сергей друзьям вдогонку.

– Четверо на одного! Безобразия! Покоя нет от хулиганья! – слышались выкрики из вдруг образовавшейся ниоткуда толпы людей.

Сергей и девушка ничего не смогли объяснить ни им, ни прибежавшим милиционерам. Наконец убедив их, что никаких претензий ни к кому они не имеют, Сергей взял девушку за руку и они, смеясь, выскочили из ворот парка.

– Как тебя звать невеста? – спросил Сергей девушку.

– Вера. А ты фантазёр или враль? – смеясь, ответила ему Вера.

– Я не врал!

– Тогда Барон Мюнхгаузен. Нафантазировал, что я твоя невеста, что тебя завтра провожают в Армию.

– Это правда.

– Что я твоя невеста? Так твоя невеста Лариска! И ни в какую Армию тебя не провожают.

– Лариска? Она не моя невеста. А в Армию меня провожают завтра. Я и тебя приглашаю. Приходи, узнаешь. Подожди, а откуда тебе известно о Лариске?

– И не только о ней. Я знаю, что тебя Серёжей зовут, и работаешь ты сварщиком на «Ростсельмаше».

– Ну, ты даёшь носопетка! Откуда такие сведения? И вообще тебе сколько лет? Почему в таком раннем возрасте гуляешь и так поздно?

– Побежали! Троллейбус идёт. Опоздаем на него, пешком придётся идти. Тебе куда? – спросила Вера.

– Не всё обо мне знаешь. Мне на Двадцатую линию, а тебе?

– А мне ближе на Двадцать третью. Знаешь такую?

– Ещё бы, – ответил Сергей, заметив себе, что девочка очень даже симпатичная и смех у неё такой красивый залиvistый. Жалко только, что совсем молоденькая, – всё понятно! Сколько же тебе лет? – поинтересовался он, запрыгивая в троллейбус.

- Шестнадцать, а что?
- Да ничего. Думаю, чья ты такая? Вроде я всех на вашей линии знаю.
- Знаешь, да не замечаешь. Ты же всё в седьмой номер к Лариске бегаешь?
- Ага! Отбегался уже.
- А я, напротив живу, через дорогу. В шестом номере.
- Едем до Театральной площади! За проезд платить, кто за вас будет? Черчилль или без билетов доедите? – к ним не заругает?
- Она в ночной смене на мельнице. Чего тут идти осталось. Только темно очень.

Вскоре их шаг стал медленней, разговоры длиннее, а ночь короче. Уже забрезжил рассвет, когда Сергей подвёл Веру к воротам большого коммунального двора.

Недовольно фыркнул старый дворовый пёс Пират, ночью всегда спавший у ворот, но учуяв знакомые запахи, он положил лохматую морду на лапы и закрыл свои добрые глаза.

– Слушай, Вера, а ты, правда, приходи завтра на мои проводы!

– Да? Я же ещё мала. А Лариска, что скажет? – Вера быстро побежала к своей двери. – Приходи, я буду ждать!

Насвистывая новый мотив понравившейся песни, Сергей повернул назад. Ему ещё предстояло пройти несколько остановок к своему дому.

Часа в четыре по полудню, вернувшиеся с первой смены соседи мужчины стали выходить на ими оборудованную большую детскую площадку и прилаживать длинные доски, хранившиеся в дворницкой специально для таких случаев к приносимым из квартир табуретам. На накрытые скатертями столы для забивания «козла», составленные вместе, женщины выносили, кто что мог. Кто-то вынес донскую блестящую от жира селёдочку, порезанную крупными кусками с уложенными на них кружками репчатого лука. Кто-то нарезал салат из сочных местных помидоров с огурцами, с крупными кружками сладкого болгарского перца, сдобренный донским пахучим подсолнечным маслом. Кто-то нажарил кабачков. Стол оказался по южному заставленным обилием овощных закусок. К нему как раз подошли вкусные котлеты и фаршированные морковкой крупные болгарские перцы, пропитанные острым томатным соусом, приготовленные Серёжиной мамой и пирожки с капустой и картошкой, которые жарили все хозяйки коммунальной квартиры, в которой проживал Сергей. Молодёжь вынесла патефон и по двору разнеслась популярная «Кукарача». Сергей подошёл к груде пластинок лежащих на столе.

– У тебя нет пластинки с песней, знаешь, там про журавлей? – спросил он собирателя пластинок Виталика.

– Что-то не припомню. Слушай, что достал на рёбрах, чечёточка! Что надо, поставить?

– Да нет. Послушай, может, вспомнишь? Там такие слова. «Серым утром крик печальный, снова слышу я вдали. Мне привет свой шлют прощальный в хмуром небе журавли», – Сергей напел ему несколько строк из куплета.

– Да, ладно тебе Серёга, к твоему возвращению найду тебе такую песню. Лучше скажи, где служить будешь ещё не известно?

– Завтра скажут. Куда пошлют, там и придётся служить.

Сергей с Володей и Юркой стояли в глубине двора подальше от материнских глаз и распивали бутылку «прощальной».

– Ну и что вчера? Чем всё закончилось, спаситель? – пропустив рюмку за хорошую службу, спросил Володя.

– Отвёл домой и...? – заулыбался Юрий, – целовались?

– Никаких «и». Тем более целоваться. Она совсем девчонка, всего шестнадцать только исполнилось, – серьёзно ответил Сергей.

– Понравилась, понравилась Серёге дивчина, – наперебой подзадоривали парня друзья.

- Понравилась да будет не моей.
- Чего так?
- А то, что она через два года выскочит замуж, а мне-то три года служить.
- А ты что, знал её раньше?
- Говорю же, знал, да не узнал. Когда успела вырасти? Ларискина соседка по улице.
- Вот это да!

У второго выхода из большого двора, скромно стояла девушка и не решалась подойти или окликнуть Сергея. Это была Вера. Она видела, как какие-то только что пришедшие на проводы девчонки протягивали Сергею бутылку белого вина и бесцеремонно целовали его в щёки, вытирая потом с них яркую алую помаду, как другая девушка, потянула его в круг танцующих вальс, и они закружились в танце, глядя друг другу в глаза.

У Веры на щеках появился румянец. Глаза покрылись прозрачной плёнкой слёз. Она обиженно повернулась и вышла со двора на улицу.

- Ну и танцуй, а я всё равно тебя дождусь. Так и знай! – решительно произнесла она.

Глава 2

Россия. Дальний Восток – Китай. Корея. 1951 г.

Сергею повезло. Его оставили служить в Ростовской области. Такая удача выпадает не каждому. Служить поблизости со своим городом, иногда навещать мать, которая не могла нарадоваться коротким приездам сына. Закрутил Сергея водоворот солдатских будней, быстро пролетело время. За год службы он получил права и стал водителем-автомехаником. Служить бы так и дальше, если бы однажды осенним тёплым утром не прозвучала тревога.

Солдату не положено рассуждать. Приказано с вещмешками в строй и по машинам, а куда и зачем, неизвестно. Уже к вечеру по тряской дороге их доставили на железнодорожный вокзал Ростова. Ещё через почти полтора суток стало понятно и то, только потому, что кто-то из ребят узнал Казанский вокзал, что прибыли они в Москву. Ночью их перевезли опять на какой-то вокзал и погрузили в пульмановские вагоны с нарами.

Долгая дорога, длинные мысли. А дорога казалась бесконечной. Куда их везут в течение почти двух месяцев пути и для чего? Спрашивать у сопровождающих их офицеров было бесполезно. Ответ на вопрос заданный солдатами в начале поездки был лаконично краток – не ваше дело. Устав слушать солдатские байки Сергей лежал на жёстких нарах, укрывшись шинелью, и старался отогнать от себя мысли о голоде и холоде, сковавшем всё тело. Буржуйка, установленная в вагоне, только пыхла и сжирала своей жаркой пастью лимитированный уголь, даже не пытаясь обогреть солдат. Всё равно всё тепло, которое она могла подарить молодым парням, уходило в щели стареньких вагонов. Заглушая урчание желудка, постоянно просящего его наполнения, Сергей старался свои мысли унести далеко от этих чужих мест.

Мама. Она всегда стояла в его воображении, стоило только закрыть глаза. Сильно постаревшая за войну, в которой потеряла мужа и старшего сына, она чуть не лишилась рассудка, когда во время второй оккупации города, он одиннадцатилетним мальчишкой помог подселенному к ним в квартиру румыну лишиться пальца на одной руке.

– Гадом был этот румын, – вспоминал Сергей, – надо было ему в ружьё натолкать больше пороха, чтобы он не только пальца, но и головы лишился. Но тогда я ещё мальцом был. Хорошо, что в тот час бегал на улице с ребятами, те и предупредили о том, что меня разыскивают. Пришлось на Левом берегу Дона скрываться, пока наши войска фашистов не попёрли из города.

В первую оккупацию немец с нами жил. Вроде тоже фашист. А приходил, матери и мне продукты приносил, шоколад. Вытащит из кармана кителя свою семейную карточку и всё нам с мамой её показывает, что-то рассказывает, а у самого слёзы текут. Очки протирает платком и всё говорит: – Найн, войне. Война плохо.

Конечно, плохо. Вот и сейчас везут. Куда, зачем? Потому что проехали Байкал, можно догадаться, что мы чешем напрямик на Дальний Восток. Так война с Японией закончена. Может на границу, так мы не погранвойска. Стерегут нас как пленных. И не спросить, не объяснить нам обстановку. А как хочется домой. Сейчас у нас ещё тепло, каштаны падают. Интересно, как там Лариска, не выскочила замуж за Жорика? Да ну её. А Вера? Что Вера? Ещё до женихов не доросла. Как там мой город? Сейчас бы в Дону ополоснуться.

Любил Сергей бродить по улицам города. Старался везде успеть ногами. Да и то ими ножками родными успевал везде. Транспорта не дожидаться. А дождёшься, толку мало опоздаешь на работу. То провод оборвётся на троллейбусной линии, то ток отключат. А на заводе с опозданием строго. Первый раз опоздал, получай выговор, а значит, лишишься квартальной премии. Второй раз опоздал, не получишь тринадцатую зарплату в конце года. Третий раз, увольнение по статье. Считай не трудовая книжка, а волчий билет. Поэтому, к первому заводскому гудку, Сергей всегда был на ногах.

С утра жизнь в городе кипела, двигалась, спешила. Ещё не совсем проснувшийся народ, а поэтому молчаливый, если хорошая погода, весёлый, а в ненастье угрюмый, раздражительный, расходился по своим рабочим местам. Следом, чуть позже домохозяйки и старушки разбредались по магазинам или базарам. За ними учащиеся и студенты разбегались по учебным заведениям.

Но ближе к полдню движение городского люда почти замирало до вечера. Магазины пустели, давая продавцам, разомлевшим на жарком южном солнце, передохнуть от набега вечерних покупателей. Ближе к пяти вечера городская жизнь оживала.

Первыми начинали своё шествие по обратному маршруту многолюдные толпы уставших заводских и фабричных рабочих. Из заводской проходной «Ростсельмаша» они выходили небольшими группами и с шумом и громкими возгласами брали на бордаж каждый подхвачивший троллейбус. Многие не желали возвращаться домой упакованными, как килька в банке в «рогатой кряхтелке». Тем более, прежде чем войти в это средство передвижения, уставшим рабочим обоего пола, надо было ещё выстоять длинную очередь. Да и ждать троллейбус приходилось часами. Поэтому, более молодые и имеющие крепкие ноги люди, шли домой пешим ходом. Мужчины, по дороге останавливаясь у бочек с пивом. Женщины спешили забрать из детских садиков, яслей и школ малышня, дома их ждала вторая смена работы. Успеть к приходу мужа сделать ещё кучу дел. Но с заходом солнца город, овеянный вечерней прохладой, оживал и начинал свою следующую жизнь.

Сладостные, берущие за душу воспоминания Сергея о доме, прервал возглас сопровождающего офицера покинуть с вещами вагон и строиться на перекличку. Обрадованные, уставшие от обездвижения солдаты вскоре оказались в казармах на какой-то станции, как потом выяснилось вблизи китайской границы. С каждым из солдат был проведён строгий инструктаж.

– Спичек не зажигать, не курить! После бани и горячей еды всем прибывшим поменять советскую форму на китайскую. Теперь вы считаетесь китайскими добровольцами.

– Значит всё-таки война, – подумал Сергей, надевая форменную одежду китайских солдат, зелёную куртку и синие брюки.

– Колобов на инструктаж!

Сергей с несколькими парнями зашёл в небольшую комнату, где за столом сидели двое мужчин тоже в китайской форме. По тому, что на них была надета такая же форма, но только из сукна с обшлагом на рукавах, Сергей догадался, что это офицеры.

– Значит так, – устало говорил один, пока другой что-то записывал в журнале, – о том, что вы увидите и услышите, в чём вам предстоит участвовать, вы должны забыть лет на двадцать. А лучше навсегда, запомните, вражеская разведка прилагает огромные усилия, чтобы взять в плен русского языка для подтверждения нашего присутствия в Корейской Народной Республике. Поэтому вы должны чётко усвоить, что живым в плен не сдаваться. Вам всё понятно? Вопросы будут? Вопросов не должно быть. Расписывайтесь вот здесь о неразглашении. В случае невыполнения подписки, – он окинул ребят внимательным и строгим взглядом, но потом опустил глаза и устало произнёс, – сами понимаете? Понятно, вы всё понимаете, – тихо добавил он. Давайте, кто там по списку следующие?

Через несколько дней после подписки о неразглашении всех прибывших ночью опять погрузили в эшелон и доставили в Харбин. Сергей получил американский МАК, их американцы поставляли Советской Армии ещё в годы войны, и колона автомашин выдвинулась своим ходом к границе с Кореей.

Туда же своим ходом по извилистой дороге перегонялись солдаты китайской армии. Сергею странно было наблюдать за нескончаемым потоком человеческих тел с небольшими рюкзаками за спиной. По двое в ряд они бежали день и ночь, и только получив приказ, присаживались на привале для короткого перекуса и отдыха, чтобы опять бежать и беспрекословно по приказу командиров оставлять свои жизни вдали от родных мест.

– Интересно, а знают они куда, зачем бегут? А я знаю? Кто может знать, где и когда настигнет его смерть? Почему она меня должна настигнуть именно здесь? А главное ради чего? Или кого?

Сергея оставили служить при штабе. Прошло более полугода сложной и опасной службы в Корее. Как-то его вызвал начальник политотдела дивизии.

– Усвой! Со служащими китайцами у нас не общаться. Ночью фар на территории гарнизона не включать. Сейчас заберёшь нашего переводчика и отвезёшь его, он скажет куда. Там чётко исполняя все инструкции, действуй его указаниям.

К Сергею в легковушку запрыгнул высокий, по сравнению с теми китайцами, которых пришлось видеть ему мужчина. По возрасту его ровесник.

– Су Жонг, – представился он, по-русски протягивая в приветствии руку Сергею.

– Сергей, – ответил он крепким рукопожатием, – куда едем Су.

– Прямо, – указав рукой дорогу, показал китаец. Он вытащил планшет и на карте показал, куда надо ехать, – Су, это фамилия. При знакомстве у нас принято сначала фамилию называть, потом имя. А зовут меня Жонг, – улыбаясь, объяснял китаец.

– Извини, товарищ, я не знал, – засмутился Сергей, заводя автомобиль, –

Ну, Жонг, приказано, поедем прямо, – и легковушка выехала из ворот гарнизона.

Первым заговорил китаец. С заметным акцентом он спросил Сергея.

– Ты из Москвы?

– Нет, – коротко ответил он, – думая стоит ли ему говорить, откуда он призывался.

– А я из этих мест. А учился в Ленинграде. Красивый город, хотел бы ещё там побывать.

– Поэтому так хорошо говорите по-русски?

– Учителя у меня были хорошие и жена отличная. Она русская, учились вместе. Так, что практика отличная. Она у меня, как это по-русски, не замолкает.

– Болтушка значит? – Сергей улыбнулся.

– Точно, точно, – они оба засмеялись.

Вдруг послышался гул самолётов.

– Смотри, смотри! – закричал Сергей.

– Американец его в море затягивает, – прокомментировал увиденное Жонг.

– Как в море?

– Чтобы ООН узнали о присутствии советских войск в Корее, им надо подбить самолёт в воздушном пространстве над морем. Смотри, истребитель пристроился к нашему.

– Подбил! Дотянет лётчик до границы?

– Дотянул.

Сергей и Жонг увидели, как в горящем самолёте сработала катапульта. Американский истребитель дал очередь по парашютисту.

– Заводи, езжай быстрее, – приказал Жонг Сергею.

Автомобиль рванул с места, но тут, же послышались выстрелы. Сергей маневрировал автомобилем, стараясь избежать попадания автоматных очередей.

– Гоминдановцы! Быстрее Сергей, жми! – кричал Жонг, – нельзя чтобы лётчика схватили гоминдановцы.

– А если его убили?

– Всё равно, надо забрать его, жми друг, жми!

Вдруг резкая боль пронзила плечо Сергея, но он, не замечая боли, продолжал держать машину на скорости.

– Тебя ранило! Держись Сергей!

Только проскочив опасный район, он остановил машину. Жонг разрезал его окровавленный рукав и перетянул раненную руку.

– Тебе в больницу надо, заводи мотор! – Видно было, как переживал Жонг.

- Нет, едем в район приземления парашютиста, вдруг гоминдановцы опередят нас.
- Ты же кровь потеряешь!

Но Сергей, преодолевая боль, повёл машину в сторону падения лётчика.

Когда автомобиль влетел на всей скорости в деревню, где он приземлился, около лётчика уже собралась толпа местных жителей. С их помощью им удалось быстро сложить парашют и уложить тяжелораненого лётчика в машину.

- Едем сюда, – Жонг показал Сергею маршрут по карте.

Въехав во двор госпиталя, облокотившись на руль, Сергей потерял сознание.

Очнулся он, лёжа в кровати с перебинтованной рукой. Наклонившись к нему, стояла девушка в белом халате. Её волосы прикрывал белый медицинский платок. Она промокала его лицо от испарины.

- Пить, – прошептал Сергей, почувствовав жар по всему телу и страшную сухость во рту.

Девушка что-то ответила ему на своём языке и быстро вышла из палаты. Вскоре она вернулась с мужчиной, русским врачом.

- Ну, что герой, очнулся? – спросил он Сергея.

- Пить, дайте воды, – одними губами прошептал он.

Врач, на китайском языке попросил девушку принести ему воды. Она поднесла к пересохшим губам больного похожий на маленький фарфоровый чайник сосуд, и медленно, придерживая белобрысую голову, напоила Сергея, от чего ему стало немного легче.

- Что со мной? – спросил он врача.

- Пуля застряла в кости, но не переживай, теперь всё хорошо, до свадьбы всё заживёт.

Он осмотрел его рану, померил пульс и, собравшись уходить, кивнув головой в сторону девушки, сказал.

- Её благодари. Теперь вы одной крови с ней.

- Это как? – не понял Сергей.

– А вот так, она рядом оказалась, когда тебе нужно было переливание. Ты много крови потерял, пока ехал. Её кровь спасла тебе жизнь.

По заинтересованному взгляду Сергея, девушка поняла, что врач рассказал ему о том, что произошло с ним.

- Лежи. Тебе ещё рано двигаться. Хорошо, что температура спала.

Отдав распоряжения медсестре, врач вышел из палаты.

– Как тебя звать? – здоровой рукой, Сергей придержал засмущавшуюся девушку, – а она симпатичная, – подумал он. Девушка не поняла вопроса и пыталась освободить свою руку, что-то пролепетав по-китайски.

- Я, Сергей. Се-рё-жа, – слабо ткнув себя пальцем в грудь, сказал он ей.

– Я, Занг Нинг, – проговорила она, – я – Се-рё-жа, – показав на него миниатюрной ладошкой с изящными пальцами.

- Ты – Нинг? Правильно? – медсестра утвердительно закивала головой, –

- по-нашему, значит, Нина, – тихо добавил он.

– Ни-на? Нинг, Нинг, – ответила она, но потом, наверное, уловив созвучие имён, что-то для себя решив, сказала, – Нина, Нина.

- Ну, спасибо, тебе Нина-Нинг, – еле проговорил Сергей и опять забылся в беспомощности.

Только через несколько дней у него наступило улучшение. Все эти беспокойные дни, Нинг не отходила от сгорающего от жара Сергея.

– Се-рё-жа, Се-рё-жа, – тихо говорила Нинг, с расстановкой произнося имя раненого парня, пытаясь вытащить его сознание из небытия.

Вскоре под утро, то ли от усердных забот медсестры, то ли благодаря крепкому здоровью, Сергею стало лучше. Нинг, все дни старалась не покидать палаты Сергея, и не потому, что

никого больше, кроме врача в палату не допускали. Уж очень понравился тонкой, как тростник, китайке этот сильный красивый парень, в жилах которого теперь текла и её кровь.

Девушка сидела рядом с кроватью раненного и думала, что вот ему она отдала бы не только свою кровь, всю жизнь подарила бы. Но это невозможно. Глядя на лицо, чуть улыбающееся во сне парня, Нинг положила голову рядом со здоровой рукой Сергея, да так и заснула крепким девичьим, летающим в мечтах сном.

На очнувшегося Сергея от спящей в неудобной позе девушки повеяло чем-то родным и знакомым. Домом. Он заметил, что сейчас почему-то совсем не слышно грохота взрывов и рева, взлетающих и идущих на посадку самолетов, словно война решила дать отдохнуть молодому организму, забыться хотя бы на короткое время сна в грёзах о любви и счастье.

Сергей засмотрелся на спящее милое лицо. Боясь потревожить своим прикосновением. Он, нежно еле касаясь, провёл пальцем по-детски чуть пухлым губам по щекам, охваченным румянцем, улыбаясь, гладил по шелковистым, чёрным, как смоль волосам, выбившимся из медицинской косынки. Но девушка сквозь сон только мило улыбалась.

Но вот её ресницы колыхнулись, она открыла глаза, и не в силах пошевелиться тоже смотрела на Сергея. Так они некоторое время смотрели друг на друга, пока Сергей не поманил её пальцем ближе к себе. Нинг не поняла этого жеста. Но Сергей приложил палец к губам и сделал ей знак, чтобы она молчала, и опять поманил пальцем к себе.

Ничего не подозревая Нинг привстала, нагнув лицо ближе к его губам думая, что он что-то тихо скажет ей на ухо, но Сергей ловко одной рукой приобнял девушку и поцеловал в щёку. Немного помедлив, она увернулась от объятий и, зардевшись, стала поправлять свой халатик и прятать волосы под косынку.

– Се-рё-жа, так делать не надо, – говорила она по-китайски, – меня сразу заменят другой медсестрой. С ней ты тоже так будешь?

Сергей, конечно же, не знал китайского языка, но влюблённость делает людей полиглотами. Он улыбался, понимая, что Нинг ругает его за несдержанность. И ещё он почувствовал, как любовь к этой миниатюрной, словно сошедшей с китайских гравюр девушке, тёплой волной накрывает его сердце.

Наконец, Нинг погрозив ему пальцем, вышла из палаты.

– Какая строгая. Хорошая девушка. Мне бы такую жену. Маленькая, как фарфоровая статуэтка, нежная. Забрал бы я её с собой домой, детишек бы мне нарожала.

Через некоторое время Нинг вернулась в палату и протянула Сергею свою ладонь, в которой лежала пуля, извлечённая из его раны. Нинг опять ему что-то говорила по-китайски, а Сергей ничего не понимая, просто любовался милым лицом девушки и наслаждался её тихим, красивым голосом.

Скоро Нина, как стал называть её Сергей, пропала на несколько дней. И от того, что он постоянно ждал встречи с Нинг, и ему очень хотелось слышать приятный, словно бархат её голос, видеть милую улыбку, Сергей понял, что к нему в сердце вошло то, чего он давно ждал у себя на Родине. В его сердце поселилась любовь.

– Серёжа, вставай, – сквозь сон Сергею показалось, что это мама будит его на работу. Он почувствовал ласковое прикосновение чьей-то руки к щеке, открыл глаза и обрадовано привстал с постели. Рядом с ним была Нинг. Она провела ладонью по его отросшей щетине и что-то сказала, показав на металлический прибор для бритья. Улыбаясь, повторила выученную фразу по-русски, – Серёжа вставай, пора умываться. Нинг помогала Сергею ходить по длинному коридору. Там, они находили потаённые от глаз персонала и больных уголки и целовались жарко и упоённо, мечтая о времени, когда они будут всегда вместе.

– Нина, возьми. Жаль мне нечего тебе подарить, – как-то Сергей протянул Нинг расплюсченную пулю, на которой нацарапал: Колобов Сергей, Ростов-н-Д, СССР.

Он поцеловал её ладошку и вложил в неё свой талисман. На следующий день Нинг показала его подарок, который в виде медальона на тонком шнуре висел на её тонкой шее.

– Колобов Серёжа. Ростов-на-Дону, СССР, – тихо произнесла она, поцеловав пулю.

Нинг достала из кармана халата небольшую деревянную коробочку, на дне которой лежал красивый раскладной металлический прибор для безопасной бритвы по ручке которого извивался дракон. Она приподняла шёлковую прокладку со дна коробочки и показала Сергею свою маленькое фото со своим изображением с написанными на обороте иероглифами.

– Зонг Нинг, – сказала она. Рядом по-русски было выведено – Нина.

Весна набирала обороты. Молодая кровь бурлила в сильном соскучившимся по любви теле Сергея. Однажды уединившись, они оба не устояли, и страсть взяла верх над самообладанием и разумом. Они не смогли оторваться друг от друга, словно чувствовали, что это счастье, чувство первой искренней безрассудной любви больше не повторится в их жизни никогда. Так и останется в памяти до конца их дней красивой картинкой.

Как не старались влюблённые спрятать от посторонних глаз свои отношения, у них ничего не получилось. Сколько раз предупреждал их Чапай, так за глаза называли наполовину русского врача Василия Ивановича, прибывшего из Харбина.

– Ты уедешь, подумай о Нинг. Ты сейчас многого не понимаешь.

– Я Нину люблю и заберу с собой, – отвечал Сергей.

Несколько раз он встречался с Жонгом, который так же предупреждал его, чтобы друг не терял голову. Но влюблённость, что весенний тёплый ветер в голове, закружит, закружит, раздавая надежды, а молодость придаёт уверенность в себе, ложно успокаивая, что всё получится, потому, что по-другому и получиться не может. И у Сергея и у Нинг и музыка в душе играла, и слова любви лились рекой и страсть, переполняя молодые тела, бушевала и не давали покоя безумные и нереальные мечты.

– Серёга ты подумай. Кто вам даст разрешение жениться? Тем более Нинг никогда не выпустят из Китая. Ваша операция участия в войне секретная. Ты же подписку давал. Смотри, твоя любовь может закончиться арестом, – пытался привести в чувства Сергея Жонг.

Всё закончилось без прелюдий. Нинг, стоя у окна госпиталя увидела, как за Сергеем приехала машина. Пока офицер курил стоя у автомобиля и беседуя с подошедшим к нему врачом Чапаем, Жонг поднялся к Сергею.

– Сергей, ты был неосторожен. Тебя хотели наградить за спасение лётчика, но потом отменили приказ. Все уже знают о твоей связи с медсестрой.

– Жонг помоги. Где она сейчас?

– Не могу помочь. Дела не очень хорошие даже для меня. А Нинг ты больше не увидишь.

Сергей в сопровождении Жонга и офицера постоянно оглядываясь на окна здания, покинул госпиталь, так и не увидев рыдающую Нинг.

– Проститься хотя бы дайте, навсегда ведь уезжаю, – просил Сергей.

– Не положено, – безразлично отвечал сопровождающий.

Всю дорогу Сергей сидел молча на заднем сидении автомобиля, делая вид, что слушает наставления офицера и его байки. А в голове крутился мотив и слова любимой песни, которую он напевал Нине.

– «К старым гнездам над рекою, вновь вернутся журавли. Только их встречать весною, ты придешь к реке с другой. Как же так случилось с нами, нам гнезда с тобой не свить».

– Се-рё-жа, – шептала Нинг, наблюдая из окна пустой палаты, как машина с любимым выезжает из госпиталя. Слезы лились из её глаз.

– Забудь, – говорил, успокаивая её Чапай.

– Не смогу никогда забыть, – рыдая на его груди, отвечала она.

– Иди, работай и всё встанет на свои места.

Время шло. Нинг работала, как всегда усердно, но тяжёлая работа не могла заглушить любовь и стереть воспоминания о русском парне. В голове всё крутились слова Сергея. Перед глазами стоял любимый образ. Глаза не переставали опухать от постоянно появляющихся слёз.

– Не плачьте, – Нинг вздрогнула, услышав тихий шёпот, очнувшегося от долгого небытия израненного китайского лётчика.

Быстро утерев слёзы, девушка кинулась к тяжелораненому.

– Очнулся, очнулся, – Нинг выбежала из палаты за врачом.

Нинг жила повседневыми рабочими буднями. Она относилась к своей работе ответственно, но теперь делала всё машинально. Девушка стала ещё более молчаливой, менее общительной, чем прежде. Казалось, в минуты короткого отдыха, своими мыслями она уходила глубоко в себя. И это было правдой. Она при любой возможности старалась закрыть глаза, для того, чтобы в её воображении встал облик Сергея. Она очень боялась забыть его лицо. Его глубокие искрящиеся синевой глаза, непослушный русый чуб. Находя минутку, другую отдыха, прикрыв веки, она постоянно представляла любимого. Ощущала его прикосновения.

Как-то уставшая от беспокойного ночного дежурства, она вошла в палату недавно пришедшего в себя лётчика. Наконец он перестал стонать после сделанного ею укола и забылся в глубоком сне. Нинг обессилено присела рядом с ним на стуле. Усталость взяла свое, и минуты затишья ей хватило, чтобы погрузиться в сон. Воспоминания унесли уставшую женщину в мир сладких грёз. Как наяву она почувствовала сильные руки Сергея.

– Не переживай так, не плачь, – говорил он ей, глядя её по руке.

– Серёжа, – вслух произнесла она и очнулась от сна. На её руке лежала ладонь лётчика.

– Не плачьте, – тихо говорил он.

Нинг убрала свою руку и вытерла покотившиеся слёзы из её глаз.

***

Прошло четыре года после расставания с Сергеем. Нинг с мужем к тому времени получившему звание генерал майора находилась в Шанхае. Она спешила по своим делам, когда на улице среди идущих навстречу людей, увидела знакомое лицо.

– Жонг! – узнала она одетого в штатский костюм друга Сергея. Мужчина удивлённо обернулся и внимательно посмотрел на женщину.

– Вы меня не узнали? Я Нинг, вы тогда увезли Сергея из больницы.

Жонг поспешно взял Нинг за руку, и они свернули с шумной улицы в переулок.

– Вы очень изменились, – сказал он ей.

– Вам ничего не известно о Сергее? – встревожено спросила она.

– Нет. Его вскоре отправили в Россию. Как ты? Теперь здесь живёшь?

– Я вышла замуж. Мой муж тоже был тогда ранен. Его наградили и повысили в должности. Он сейчас генерал-майор и нас скоро переведут в Пекин.

– Нинг, тогда нам не стоит долго вести беседу. Это может быть для тебя опасно. Мы с женой покидаем Китай. Не тебе объяснять какое сейчас время. У меня теперь австралийское гражданство.

– У тебя жена русская и вы не хотите вернуться в Россию?

– Нет. Во всяком случае, не сейчас. Я рад, что у тебя всё хорошо сложилось. Пора прощаться.

– Жонг вдруг всё-таки вы или ваша жена попадёте в Россию, вдруг вы встретитесь с Серёжей передайте ему, что у него растёт сын. Его зовут Джиан. Запишите адрес Сергея, я его помню наизусть.

– Я отлично помню его адрес. С трудом верится, что мы встретимся с ним, но я запомню, что ты мне сказала.

Как призрачное облако Жонг исчез из её вида. Нинг ещё долго была окутана воспоминаниями. Только дома она пришла в себя. Вечером её ждал серьёзный разговор с мужем.

– Ты забыла о нашем уговоре? – строго спросил он её.

Нинг хорошо помнила и уговор, и разговор четырёхлетней давности. Она помнила ту растерянность и смятение, которое её охватило, когда она поняла, что внутри неё живёт маленькая частица её Серёжи. Она была этому очень рада, но не понимала, что ей делать дальше, как ей жить дальше. Что будет с ней и с ребёнком потом, после его рождения. Она часто плакала. Русский врач как мог, утешал её. Но вскоре он приставил её ухаживать за тяжело раненым героем лётчиком Шеном.

Выздоровление не делало Шена счастливее. Нинг видела, как часто с ним беседовал русский врач. Она стала замечать, что Шен присматривается к ней, потом и вовсе он стал ухаживать за Нинг. Ещё задолго до выписки он предложил ей обсудить один вопрос.

– Нинг я знаю твою историю от русского врача. Знаю, что у тебя вскоре появится ребёнок. Ты отлично понимаешь, что потом ждёт тебя и его. А у меня на взлёте военная карьера. Меня представили к награде и к очередному званию. Ты, наверное, в курсе моего ранения. Тебе не надо объяснять, что я не смогу иметь детей. Я предлагаю тебе стать моей женой. Давай мы с тобой договоримся. Я признаю ребёнка своим, ты забудешь о моей беде. Мы с тобой современные люди. И я как офицер обещаю, что никогда не обижу тебя. Тем более ты мне очень нравишься.

Долго думать Нинг не пришлось, дело шло к выписке и переводе Шена в другой город. Думая о благополучии и безопасности ребёнка Нинг дала своё согласие.

Русский врач, увидев их вместе, обрадовано пожал руку Шену.

– Молодцы ребята, – сказал он, – живите в мире и радости. Хотя радостного я так думаю, будет маловато, но вы держитесь.

Вскоре все русские врачи исчезли из госпиталя. Как и из города.

Шен обрадовался, когда родился мальчик. Ещё больше обрадовался тому, что он родился похожим на мать. Чёрные волосики торчали на его маленькой головке, как иголки у ёжика, только были мягкими, а сам малыш часто хмурил брови, делая забавные рожицы.

Шен полюбил мальчика, как если бы это был его кровный сын. Да и к Нинг он относился совсем не так, как с давних времён привыкли относиться к своим жёнам китайские мужья, основываясь на догмах Конфуцианства. Новое время, новые отношения. Да и Мао учит другому. И Нинг не забыла об уговоре. Она стала Шену честной и верной женой. Она была ему очень благодарна за отношение к сыну. К сыну Сергея.

– Ты не понимаешь, один неосторожный шаг и моя карьера... А ты разговариваешь с подданным чужого государства. Хорошо, что мне удалось выкрутиться из этого положения и только потому, что нас уже ждут в Пекине.

В Пекине Шена ждало не только повышение по службе, но в скором времени в начале «Культурной революции» арест и снятие всех воинских званий. И только после долгих тяжёлых лет мытарства по стране и унижений, после осуждения и признания ошибочными результатов проведения этой странной и жестокой революции, названной «культурной», его восстановили в звании и вернули все награды. К этому времени Джиану исполнилось тринадцать лет и только благодаря наставлениям и воспитанию отца, Джиан не примкнул к «красной молодёжи» – хунвейбинскому движению, которое отличалось крайним пренебрежением к традиционной культуре, жестокостью по отношению к людям и неуважением к правам личности. Как ему самому, к тому времени преподавателю военной академии, удалось избежать издевательств разбушевавшейся молодёжи, Шен сам удивлялся.

Джиан слышал, как однажды в шестьдесят седьмом году, отец зачитывал речь нового министра общественной безопасности.

– Нинг, ты только послушай, что он заявляет перед собранием сотрудников милиции. «Мы не можем зависеть от рутинного судопроизводства и от уголовного кодекса. Ошибается тот, кто арестовывает человека за то, что он избил другого... Стоит ли арестовывать хунвейбинов за то, что они убивают? Я думаю так: убил, так убил, не наше дело... Мне не нравится, когда люди убивают, но если народные массы так ненавидят кого-то, что их гнев нельзя сдерживать, мы не будем им мешать... Народная милиция должна быть на стороне хунвейбинов, объединиться с ними, сочувствовать им, информировать их...». Нет, это что творится вокруг?

– Я боюсь выходить на улицу, Шен. В прошлый раз я видела, как издевались над одной женщиной. Они раскрасили её лицо чёрными чернилами, заставляли лаять по-собачьи, потом приказали ей идти, нагнувшись, а потом ползти по улице.

– Они разобрали часть Китайской стены на свинарники! Что с народом случилось? Что с нашей молодёжью происходит?

И только к шестьдесят девятому году в стране стали происходить перемены, но Шен уже не мог, ни работать, ни преподавать. Сказались осложнения после тяжёлых ранений. Шен с достоинством ждал своего часа. Он решил не уносить их с Нинг тайну с собой.

– Нинг, мы с тобой прожили тяжёлую, но счастливую жизнь. Я старался исполнить данное тебе обещание. Я как мог, оберегал вас с сыном от беды, нагрянувшей на нашу страну. Я решил, что Джиан должен знать всю правду о своём рождении и не хочу оставлять тебя одни на один с недосказанностью. Наверное, твой Сергей был хорошим человеком, раз у нас с тобой вырос такой замечательный сын. Времена меняются, кто знает, что вас будет ждать в будущем.

– Шен, зачем ворошить прошлое? Ты стал достойным отцом, и я тебе очень благодарна за воспитание Джиана. Да и Джиан может по другому отнестись к такому сообщению.

– Поэтому, позови сына и оставь нас одних.

После долгого разговора с сыном, так и оставшегося тайной для Нинг, ночью Шен спокойно заснул, чтобы уже никогда не пробудиться на рассвете.

Глава 3

Россия. Ростов-на-Дону. 1953 г.

Вернулся Сергей домой на радость матери осенью. Он долго не мог успокоить совсем поседевшую женщину, целуя её заплаканные глаза. Почти до утра они сидели, обнявшись и всхлипывая от давивших её слёз, мать слушала рассказ сына о своей службе и невозможности писать ей письма.

– Ты же знаешь мама, что такое дружба между народами. Мы помогали китайским строителям возводить новый завод. Не переживай, ничего опасного там не было, но лучше не распространяться о моей командировке в Китай. Сама знаешь, как у нас с чересчур болтливыми обходятся. А я тебе подарки привёз, – сказал он, стараясь перевести разговор с запретной темы на более приятную.

Сергей достал из чемодана шёлковый отрез с красивым рисунком. На темно-зеленом фоне ярким цветом красовались большие пионы с извивающимися между ними золотыми драконами.

– Это мамочка тебе отрез на халат. А это зонтик из соломки.

Мать стояла, прижав руки, к груди растерянно глядя то на отрез, то на сына.

– Серёжа! Да как же из такого шить можно? На это только любоваться надо.

А вот что ты носить будешь? Я-то, из твоих брюк юбку себе сшила. Мне её теперь до конца моих дней хватит.

– Не переживай я и себя не забудь. Вот костюм себе купил, бостоновый ему сносу не будет. А это вот чашка такая тебе. Сюда чай насыпай, водой заливай и крышечкой накрывай. Ты же любишь чаёвничать.

– А это что за чашка такая, – мать взяла в руки другую фарфоровую чашку. На одной стороне высокой чашки красовался портрет Мао Цзэдуна, на другой иероглифы.

– А это в благодарность за службу. И вот ещё, – Сергей передал ей грамоту, на которой стояла подпись Мао и медаль, – только пусть хранится подальше от чужих глаз и молчок об этом.

Коробочку с подарком Нинг он спрятал в шкафу на своей полке и доставал её только тогда, когда оставался один. Он часто и долго смотрел на маленькую фотографию любимой, стараясь не забыть её черт лица. Глядя на неё он ощущал шелковистость её чёрных волос, ему слышался её мягкий спокойный голос.

Мать давно заметила перемены в характере сына. Всегда весёлый, подвижный, любящий шумные компании Сергей, как бы ушёл в себя. Часто она видела его нервно курящим, постоянно о чём-то думающем, после того, как повертит в руках привезённую из Китая маленькую коробочку. Однажды увидев глубокий шрам на его предплечье, она тихо заплакала, прикрыв лицо рукой, чтобы не выдать своих рыданий.

– Всё-таки достала проклятая война и Серёжу. Свою страну защищать по малолетству не мог, так в чужой стороне отметину на всю жизнь получил, – подумала она, глядя сына по шраму.

– Получил производственную травму. Такое со мной могло произойти и на заводе, – Сергей старался успокоить мать.

Как-то после ухода сына на работу, она решила посмотреть, что он прячет в маленькой деревянной коробочке. Но увидев красивый бритвенный прибор, решила, что эта вещь, просто дорога ему как память о стране, в которой пришлось сыну чуть не потерять руку, теперь постоянно ноющую перед частыми осенними дождями. Нечаянно коробочка выскользнула из

её рук и упала на пол. Она подняла маленькую фотографию, на обороте ниже иероглифов было начертано имя Нина. Она поняла, что сердце её Серёжи хранит любовь к этой далёкой Нине, но расспрашивать сына о его тайне не стала.

А сын изменился. Стал серьёзным, немногословным, даже каким-то суровым, как и зима, которая выдалась в этом году. Сергей перестал ходить, как бывало до армии на молодёжные посиделки со старыми друзьями. А как перешёл в ремонтную бригаду, мать вообще стала его редко видеть. Он кидался на любую работу, словно ею хотел заменить свои тревожные, беспокойные мысли.

– Сынок, скажи, что тебя тревожит? Откройся матери, тебе на душе легче станет, – иногда спрашивала она его.

Но сын только поцелует её глаза, полные беспокойства, да прижмёт к себе крепче.

– Всё в порядке, мамочка. Всё хорошо. Это я расстроен из-за смерти Сталина. Что теперь будет?

Новым веяниям времени Сергей был не особенно рад. Ярым сталинистом он не был, но и новый правитель ему не пришёлся по душе. «Хрущ», как называли люди, сменившего Сталина Хрущёва не только разрушил культ предшественника, но потерял с таким трудом налаженные отношения с Китаем. Всё время после возвращения со службы, в душе Сергея теплилась надежда на возвращение в эту страну. Он мечтал найти способ уехать туда по путёвке комсомола на стройки, которых было множество во времена «дружбы народов». Но новая политика партии, возглавляемая «Хрущём» – «Кукурузником», после поездки в США, его ещё так называли, разрушила все его надежды на встречу с Нинг.

Наконец настала не календарная, а настоящая весна. С благоуханием соцветий фруктовых деревьев, тёплым солнцем, поднимающим настроение. Первомайскую демонстрацию Сергей наблюдал со своего балкона. Как раз напротив его дома на площади перед парком собирались все группы заводчан шедшие на демонстрацию с северных районов города. Отсюда с музыкой песнями и плясками под баяны и трофейные аккордеоны, они шествовали по их линии. Потом, выстраиваясь стройными колонами, выходили на центральную улицу, где сливались с такими же шумными толпами людей и шли вместе на большую просторную Театральную площадь со знаменитым «трактором» – зданием театра им. Горького, где и произносились все торжественные речи и поздравления народу городскими правителями с наступившим праздником трудящихся.

Мама суежилась на кухне, готовясь к совместному пиршеству соседей во дворе, когда к Сергею, зашёл уже заметно весёленький Вовчик.

– Что, так и будешь сидеть дома в своём красивом костюмчике? Значит так, сегодня вечером открывают летний театр у «Спартака». Будет концерт, потом классный индийский фильм «Бродяга». Я тебе скажу! Это вещь! А хочешь, слетаем в парк Горького на танцплощадку? Там девочки собираются, просто цветочки!

– Не знаю, может к «Спартаку» подкачу, – нехотя ответил Сергей, лениво наблюдая за группой демонстрантов задорно отплясывающей под баян танец «Яблочко».

После окончания демонстрации, уставшие горожане, расходились по своим домам и гостям, где их ждали празднично накрытые столы. Город на некоторое время затихал, но к вечеру гуляния продолжались с новой силой и азартом.

Сергея, мама вытащила во двор и усадила за большой накрытый разнообразной закуской стол. Только теперь он заметил, что ему давно не встречался безногий фронтовик дядя Вася.

– Что, ты! Похоронили мы его прошлой весной. Совсем спился мужик. А погиб под колёсами троллейбуса. Гололёд был, да так под колёса и угодил, сердечный.

Прозвучал обязательный тост, «За тех, кого нет с нами». Мужчины стали вспоминать войну, женщины тихо вытирали платочками слёзы, вспоминая, что им пришлось пережить в эти страшные годы. Выпили ещё раз за всех погибших и не вернувшихся с войны, не забыли

тех, кто погиб от ран. Тихо вспомнили и молча, выпили и за тех, кого угнали немцы и кто сгинул в плену или в концлагерях. Без таких тостов и слёз сопровождающих их не начиналось ни одно праздничное послевоенное застолье. Сергей, выпив со всеми пару рюмок «Столичной» чмокнув мать в щёку, вышел из-за стола.

– Ты куда? – обеспокоенно спросила она его.

– С ребятами погуляю, – ответил ей Сергей и вышел со двора, насвистывая свой любимый мотив «Журавлей».

– Слава Богу! – перекрестилась мать и перекрестила спину уходящего сына.

– Чего так переживаешь? – интересовались женщины, – хороший у тебя парень, работающий.

– Так жениться ему пора, а он как вернулся из армии, так сам не свой. Так и бобылём останется.

А у Сергея поднялось настроение. Толи от выпитой водки, то ли от весёлых, улыбающихся лиц, идущих ему на встречу. У кинотеатра уже собиралась группами молодёжь. Отдельной кучкой стояли стилиаги в своих ярких нарядах, выделяющих их из однотипной массы людей. Сергей подошёл к Юрке.

– Привет Серёга! Вечер обещает быть бурным. Ещё ни разу без драк не обошлось. Рано пришли. Айда по пивку рванём. Володька позже будет.

Сергей шёл с Юрой и думал, что здесь ничего не изменилось. Разве, что появились стилиаги. А так все на своих местах: у тележки с газированной водой на ещё горячем от дневного солнца асфальте, также лежит и медленно тает, испуская струйки пара, гора льда, который колит рабочий из магазина напротив и кладёт в тележку для охлаждения воды. А воду продаёт, всё та же Тамара как всегда в белом фартуке с кружевами и высокой сильно накрахмаленной белой шапочке. С вечно ярко накрашенным маникюром и такой же под цвет лаку на ногтях губной помадой на губах. У пивнушки всё так же сидит мускулистый бульдог. Как и раньше из его открытой большой пасти с торчащими наружу клыками стекает слюна. Он так же ждёт своего хозяина, завсегдагая пивнушки фронтовика, охотника дядю Сашу. Только когда хозяин дойдёт до кондиции и, упав на тротуар, не сможет встать самостоятельно, верный пёс быстро побежит за угол, на Двадцать третью линию, за женой дяди Саши, которая волоком на себе, с громкими причитаниями о тяжёлой жизни, притащит его домой.

Юрка, как всегда без очереди умудрился взять по три кружки пива в каждую руку и живым выйти из шумного и душного помещения пивнушки.

– Ну, что с праздничком? – вовремя подоспевший Володька достал из внутреннего кармана пиджака чекушку водки, – я и «мерзавчика» прихватил, – давайте по-быстрому, концерт уже начался.

На летней сцене кинотеатра выступали студенты, находящегося рядом Культпросветучилища. Заливался трелями птиц и популярных мелодий будущий артист оригинального свиста. Выплясывали народный танец краснощёкие в нарядных сарафанах девчата, играли балалаечники.

– Всё ребята пошли сейчас ещё пару номеров и кино начнётся, – Володька поставил пустую кружку на столик.

– Наш концерт закончит студентка дирижерско-хорового отделения нашего училища Вера Ермашёва песней «Журавли».

Сергей не вслушивался в объявление конференсье. Но услышав мелодию и приятный голос исполнительницы, ему очень захотелось посмотреть на неё.

– «Серым утром крик печальный, снова слышу я вдали. Мне привет свой шлют прощальный в хмуром небе журавли. Помню их встречать весною мы пришли к реке с тобою»...

– Кто это поёт? – поинтересовался он у друзей.

– Не знаю, может приезжая, – ответили они.

– Какая приезжая, – к парням повернулся впередисидящий старичок, – это же Верка! С нашей двадцать третьей линии, с соседнего с нами двора. Выросла, не узнать. У её отца ещё... – старичок хотел что-то рассказать о знакомой семье, но его прервал Юрий.

– Спасибо, папаша, видим, девочка подросла, учтём.

– Да, подросла, – задумчиво произнёс Сергей, – всё, ребята на работе встретимся, – сказал он друзьям и скрылся в направлении к сцене.

– Вот это я понимаю, зацепило друга, – заулыбались ребята, не став удерживать его.

Осенью Сергей и Вера сыграли свадьбу. Через год у них родилась дочь, которую назвали Маргаритой, а ещё через четыре года появился сын. Так и понесла жизнь Сергея по своим просторам, со временем затягивая рану на душе и стирая из памяти то, что казалось, никогда не сотрётся – память о первой любви.

***

Россия. Москва, Ростов-на-Дону. 2014 г.

Наверное, мне по наследству от мамы досталось сердце чувствующее беду задолго до её прихода. Весь месяц меня преследовали сны, не дающие покоя своими страшными сюжетами и не предвещающими ничего хорошего. То за мной бегали какие-то страшные чудища, а я старалась спрятаться от них, но мне это никак не удавалось. То знакомые мне люди превращались в каких-то страшных монстров, и я просыпалась в поту. И наконец, мне явилось такое! Как наяву! Я понимала, что это был сон, но выглядело это так явственно, что я долго не могла поверить своему пробуждению. На стене напротив моей кровати появился образ святой женщины. Я не знаю, чей образ привиделся мне. Божьей матери или моего Ангела хранителя. Она была одета в синее до пят платье, голову её покрывал длинный белый платок. По шёлку платья ручейками струились слёзы, которые лились из её глаз. Я опустилась на колени перед образом и стала собирать эту святую влагу в ладони.

Пробудившись и придя в себя от увиденного во сне, я поняла, что беда рядом.

Нервно заваривая кофе, я старалась угадать, что и с кем может случиться и не могла дожидаться десяти утра, когда я смогу обзвонить всех своих родных и близких мне людей. А пока я пила почему-то сегодня совсем невкусный кофе, перебирала в памяти все последние разговоры с ними.

Дочь Даша с внучкой и зятем буквально два дня назад звонили из Кипра. У них всё прекрасно. Дело, которым они занимаются с моим бывшим мужем Олегом идёт хорошо. А сам он прекрасно себя чувствует с новой пассией. Вот и отлично!

В Англии, где работает и временно живёт с семьёй мой сын Матвей, хорошая погода. Недавно звонил мой друг англичанин Миша и сообщил о скором своём приезде в Москву. Эта новость обрадовала меня. Давно мы с ним не виделись.

Мои рассуждения прервал телефонный звонок.

– Вот она, моя беда, – подумала я, снимая трубку. И не ошиблась.

– Марго, – в трубке послышался голос моего младшего брата, который, как и наши родители живёт в Ростове-на-Дону, – папа умирает. Он просит всех нас собраться вместе, ему надо сказать нам что-то важное.

Мне всегда казалось, что мои родители будут жить столько, сколько буду жить я. А я собираюсь прожить долго. Пусть не вечно, но в окружении своих любимых и близких. И вот, мой папа, никогда не жаловавшийся на здоровье, находящийся вечно в бодром и позитивном настроении, вдруг умирает. Этого я даже представить не могла.

Странная особенность моего организма, при сильном стрессе из меня не выкачать ни одной слезинки. Но после исчезновения всех неприятностей я могу прореветь несколько дней

подряд. Но смерть отца не неприятность, для меня это большое горе. Сообщив детям и внукам о случившемся, я стала спешно собираться в Ростов.

У меня с папой с детства сложились очень доверительные отношения. Я всегда знала, что он любит меня. Не просто любит, а уважает как личность. Я всегда чувствовала от него поддержку. Даже если я была неправа, он никогда не пытался со спором и скандалом убеждать меня в этом. Достаточно было мне услышать от него:

– Доня, может, ты ещё подумаешь? Может где-то что-то ты пропустила?

И я с готовностью пересмотреть раннее задуманное, находила верное решение. Для нас с братом отец, это, прежде всего друг. А это, наверное, даже больше, чем просто родитель.

Первое о чём я спросила брата, войдя в дом было: – Успела?

– Успела, – грустно ответил он.

Папа лежал в своей кровати, сильно похудевший. Глаза впали в глазницы.

– Доня прилетела, – тихо прошептал он посиневшими, казалось совсем бескровными губами, – я боялся, не дождусь. Не плачь. Это нормально. Время моё пришло, – медленно с остановками отвечал он на мои ласковые слова.

Я держала его за руку, когда он попросил брата позвать маму. Мы сели вокруг отца.

– Верочка, прости меня за всё, – тихо произнёс он, – но ты должна знать, я любил тебя и всегда был верен только тебе. Но собрал я вас, чтобы сказать, то о чём узнал сам только в девяностых годах. Помнишь Марго, я приезжал к тебе, когда вы с Олегом разводились? Тогда в Москве я встретился с одним человеком. Его зовут Жонг. Он китаец. Мы с ним подружились во время корейской войны в Китае. Это было до нашей с тобой женитьбы, Верочка. Я говорил тебе, что служил в Китае.

– Да, да, милый. Знаешь, а я пришла тогда на твои проводы, ты просто меня не заметил. А потом я ждала твоего возвращения, – мама плакала, мы с братом переглянулись.

– Верочка в Китае я был влюблён в девушку, она меня выхаживала после тяжёлого ранения. Благодаря ей, её крови, которую мне перелили, я остался жив. Она китаянка, Нинг. Я её звал Ниной. Сынок сходи, принеси в моём ящике письменного стола лежит деревянная коробочка.

Пока брат ходил в кабинет отца, я вспомнила, что мама в моём детстве как-то обмолвилась, что отец хотел назвать меня Ниной. Но бабушка, папина мама была против этого имени. Отец попросил брата открыть коробочку, вытащить старенький станок для безопасной бритвы, поднять картонку с шёлковой подкладкой и под ней извлечь фотографию.

– Вот она. Её вместе со станком Нинг подарила мне. Вышло так, что подарила на прощание. А я ей подарил пулю, которую вытащили из моего плеча, и нацарапал на ней своё имя и название города. Она повесила её себе на шею, как медальон. Нам не дали больше встречаться. Меня отправили домой, а она, как мне рассказал Жонг при встрече, вышла замуж за военного человека.

– Ну и хорошо. Была и была. Ты только не переживай, – тихо говорила мама, видя, как волнуется отец.

– Подожди, Вера. Дети, Рита, когда я был у тебя, я встретился с Жонгом. Он искал меня, как только в Перестройку открылись границы. Позвонил и мы договорились о встрече в Москве. Сейчас он с женой, она у него русская живёт в Австралии. В пятидесятые годы они вынуждены были уехать из Китая. Тогда перед отъездом он встретил Нину. Она их просила, если вдруг они встретят меня, передать, что у неё родился сын. Дети у вас есть брат. Марго, он старше тебя. Я очень хотел бы, чтобы вы нашли его. Нинг назвала сына Джиан. Марго, у меня в столе найдёшь блокнот. Там всё, что я знаю о нём и о Нине. Верочка, ты не против?

– Я против того, чтобы ты покинул нас. Тем более у тебя, получается, ещё остались дела на этом свете.

– Я не ошибался в тебе, – папа, как мог, сжал руку мамы и обессилено закрыл глаза, – идите, идите, я хочу побыть один.

Прошла тяжёлая ночь. Под утро папа пришёл в сознание. Мне очень хочется верить, что он чувствовал наше присутствие, что слышал наши голоса, когда мы, шёпотом, перебивая друг друга, говорили ему слова любви.

Его усталые глаза до этого покрытые белой пеленой на миг засияли тёплым добрым светом. Тем светом, каким светились всегда, когда он смотрел на нас. Своих детей. На мир, окружающий его.

Он молча смотрел на нас, слабо шевеля губами, потому что уже не мог ничего произнести, но нам было всё понятно. Понятно, что и сейчас он нас всех любит, как и раньше, когда мы были младенцами, когда подросли и вылетели из его гнезда. Он всегда давал нам свободу выбора, всегда уважал наше мнение. Любил нас любыми хорошими, непослушными, упрямыми и эгоистичными. Когда невольно или несознательно обижали его, он прощал нас и продолжал любить. Он знал, что и мы очень любим его и жалеем. Что мы всегда уважали и брали пример с его поступков, принципов, отношения к жизни, из которой он сейчас уходил.

На несколько минут папе стало лучше. Сердце его успокоилось, потому что он понял, что покидает жизнь, увидев нас и простившись со всеми, кого любил. Некоторое время его руки сжимали наши ладони, передавая последнее тепло, ещё хранимое в непривычно изменившемся и неподвижном теле. Казалось, душа его плачет. Об этом говорили капельки слёз, скатившиеся с закрытых глаз, и он покидал нас под тихое пение мамы его любимой песни.

– «Серым утром крик печальный, снова слышу я вдали. Мне привет свой шлют прощальный в хмуром небе журавли. Помню их встречать весною мы пришли к реке с тобою».

Как мне хочется верить, что папе было хорошо с нами в последние минуты этой брэнной жизни. На наших руках, помогающих ему вобрать последний раз воздух этого мира, он отпустил свою душу в вечный путь.

Папочка, я исполню всё, о чём ты просил.

Глава 4

Кто знает, что такое прошлое? Для многих это факты собственной биографии как картинки, гуляющие по просторам нашей памяти. А я уверена, что прошлое это живая субстанция, сопровождающая людей до конца своих дней. Иногда прошлое нежно обнимает нас, согревая душу милыми, тёплыми воспоминаниями, являя запахи детства, любимые звуки. А иногда становится холодной, колючей и несправедливо забывчивой, способной на вымарывание из памяти неугодных или негативных для нас моментов.

Проще сказать прошлое, это всё что происходит с нами сегодня, только войдёт в это определение завтра. Сегодня с постоянством преподносит нам свои сюрпризы, которые завтра станут прошлым и оно разрастается, проглатывая, как ненасытный крокодил наше сегодня, которое вчера было ещё нашим будущим. И вот, нашего будущего остаётся до безобразия всё меньше и меньше.

Наверное, поэтому, с возрастом люди избегают разговоров о будущем, меньше мечтают. А о прошлом готовы говорить долго и подробно. Настолько подробно, насколько позволяет это сделать память.

Я долго не могла прийти в себя от горя утраты. Немного смягчил удар, приезд на похороны моих детей и внуков. С сыном прилетела и сноха Лана. Примчались и мои сваты, её родители, проживающие в Ростовской области. Прилетела и дочь Даша с внучкой и Олег, мой бывший муж, который, несмотря на наш развод всегда с уважением относился и никогда не забывал моих родителей.

После кончины папы прошло ещё некоторое время, когда мы с мамой остались совсем одни в доме, в котором они с ним прожили последние лет двадцать. Раньше они жили на Двадцатой линии в трёхкомнатной коммунальной квартире где, кстати, родился отец и мы с братом. Потом с переселением наших многолетних соседей в новые микрорайоны, нашей семье постепенно достались ещё две комнаты. Но в девяностые годы родители почему-то решили обменять дорогостоящие метры почти в центре города на небольшой, но старенький частный домик в посёлке Мясникован и купили брату однокомнатную квартиру в соседнем Северном жилом массиве, обосновывая своё решение бабушкиным желанием жить ближе к природе. Со временем папа достроил дом, сделав его двухэтажным и просторным. И не смотря на то, что мы с братом давно вылетели из родительского гнезда, в этом доме были и наши комнаты, обустроенные мебелью с которой мы выросли. Мама оставила дорогие нам в детстве и в студенческие годы вещи. Книги, пластинки, старенький магнитофон «Нота», всё лежало так, как и прежде. Когда я, увидев эти «ретро комнаты» спросила её, зачем она хранит весь этот «антиквариат» она ответила, что так ей легче встречать старость.

– Бывает так одиноко, тоскливо приду, посижу в твоей комнате, у сыночка и вроде, как с вами повидалась.

В отцовской комнате-кабинете в его большом мягком совсем стареньком кресле я не сразу заметила маму. Мне показалось, что она уснула. Накрыв её пледом, я села за папин старый с зелёным сукном письменный стол, на котором лежало толстое стекло. Тусклый свет из-под тоже зелёного стеклянного абажура падал на фотографии, лежащие под стеклом. Отец все эти старинные вещи перевёз из бывшей квартиры и не желал менять их на более современные, как бы мы его не уговаривали.

– В моём пространстве должно быть удобно мне. Командуйте в своих комнатах. А здесь находятся дорогие для меня вещи. Под этой лампой делал уроки мой брат, а стол принадлежал отцу. Они погибли на фронте, но они со мной всегда, потому, что эти вещи сохранили тепло

их рук. Тем более я эти раритеты привёл в порядок, они ещё столько лет прослужат, сколько я не проживу.

Я повертела в руках коробочку с китайским бритвенным прибором. Достала маленькую фотографию с почти выцветшими на обороте иероглифами, пытаюсь всмотреться в лицо женщины, которую когда-то любил мой отец.

– Маргоша, я так перед ним виновата. Я не могла признаться ему, – я вздрогнула.

Оказывается, мама не спала. Она просто окунулась в своё прошлое. В свои воспомина- ния. По её щекам струйками лились слёзы. Мама не плакала, она сидела с закрытыми глазами, а слёзы просто струйкой стекали по её щекам, медленно капая на плед. Она мне говорила, говорила, освобождая свою душу от тяжести, которую носила всю жизнь, а слёзы, словно сами по себе текли, текли, не мешая её рассказу.

***

Россия. Ростов-на-Дону. 1991 г.

Вера лежала на диване в своей комнате с сильным приступом мигрени. Свекровь суе- тилась возле неё, когда прозвенел звонок в дверь. Соседка, пока ещё живущая в соседней ком- нате, тихо позвала мать Сергея.

– Мария Петровна, это к вашему сыну. Верочке легче?

– Да немного боль утихла, кто там?

Открыв большую массивную дверь, она увидела мужчину азиатской наружности, лет сорока. Она сразу поняла, для чего этот человек ищет её сына. Пожилая женщина вышла из квартиры, закрыв собою дверь, словно не хотела впускать ничего такого, что могло бы поме- шать жить как прежде её сыну, невестке Вере, которую она любила, как дочь, их взрослым уже детям да, в конечном счете, и ей самой.

– Можно мне видеть Сергея Колосова? – с акцентом спросил парень.

– Вы, знаете, его нет, – в её глазах гость прочёл растерянность и испуг.

– Он уехал?

Она утвердительно мотнула головой, потом помедлив, выпалила, – он умер. – Когда? – побледнев, испугано спросил парень.

– Давно, давно, – поспешно ответила она и с мыслью, – что же я делаю, хороню живого сына, – поспешно скрылась за дверью.

Обескураженный неприветливым приёмом Джиан, ещё несколько секунд стоял у захлоп- нувшейся перед ним двери. Он понял, что здесь знали или догадывались о его существовании, но встретили так потому, что не хотели, чтобы встреча состоялась. Поэтому эта женщина, ско- рее всего, судя по возрасту, мать отца, а значит, его родная бабушка не захотела видеть внука. Не захотела познакомиться с ним, с Джианом.

Парень сел на каменные ступеньки и закурил. То, что ему солгали, сказав, что отец умер, Джиан знал точно, потому, что судьба совсем недавно свела его с Жонгом, давним другом и сослуживцем отца по корейской войне. Совсем недавно Жонг познакомился с ним в Москве и рассказал о недавней встрече с отцом.

***

1989 – 1991 гг. Китай, Пекин. СССР, Москва.

После смерти Шена, которого Джиан не переставал считать своим отцом, даже после его признания, Джиан растерялся. Тогда ему исполнилось пятнадцать лет. Известие, прозвучав-

шее из уст смертельно больного отца, не так сильно повлияло на его сознание, как сама его смерть. Отец для подростка был предметом гордости и подражания. Джиан не последовал его примеру и не стал военным только лишь потому, что этого не хотел отец. Приветствуя изучение мальчиком иностранных языков, он сам помогал ему, нанимая учителей в то трудное и опасное время.

Помимо английского, испанского Джиан неплохо владел и русским. А когда после смерти Мао страна стала меняться, Джиан серьёзно стал изучать всё, что касалось России. Вскоре знание языков, особенно русского ему пригодились. Однажды в Пекине его познакомили с одним влиятельным человеком, который собирался ехать в Советский Союз.

– Тебе повезло, Су Вейдж, очень влиятельный в определённых кругах человек. Главное, если ты ему подойдёшь, то твоя жизнь будет прекрасна. Сейчас главное знать русский язык, тогда точно не пропадёшь. Я недавно вернулся из России. Там конечно такое творится! Перестройкой называется. Хоть атомную бомбу вывози за бесценок, тебя ещё благодарить будут за это.

Джиан ничего не понял о новых российских порядках, но обрадовался предстоящей поездке. Су Вейдж оценил способности молодого человека.

– Подойдёт, – подумал он, – раньше, в наше время, этот интеллигентиска покрутился бы у меня, сам бы съел свои очки и галстуком закусил. Но теперь другие времена. Эх, молодость!

Су Вейдж часто вспоминал свои похождения по городу с друзьями из «Красной молодёжи» с дубинками, красками, ножницами в руках. Обычно с применением этого оружия они «учили» правильной жизни женщин, работающих в горкомах, но и другим доставалось. Члены их отрядов отрезали косы и сбрасывали крашенные волосы у девушек, обламывали высокие каблуки на обуви у женщин. Раздирали слишком узкие брюки и разламывали пополам остроносые туфли у мужчин. Хунвейбины обыскивали дома в поисках «доказательств» неблагонадёжности хозяев, реквизируя деньги и ценности.

Су Вейдж повезло, он отсидел после краха «Культурной революции» совсем ничего, но надолго запомнил те унижения, которым подвергался, попав в заключение. Но как, ни странно, после смерти «Великого кормчего» Су Вейджу стало везти больше. Вскоре, теперешний хозяин Джиана разбогател, став одним из членов одной очень опасной группировки – Тай Хуэнь Чай. Её участников объединяло прошлое. Все они бывшие хунвейбины, отсидевшие различные сроки за свои чистки при Мао. Эта банда как бы не имела одного лидера, но имела при этом свою структуру, членов банды, которые практически были не знакомы друг с другом, и являлась самой крупной и влиятельной в стране. О ней говорили и говорят шёпотом по всей Азии.

Когда Джиан понял всё о влиятельности своего босса, было уже поздно. Просто так выйти из сетей этого спрута стало совсем невозможно. И хотя в обязанности Джиана входило только лишь постоянно находиться с хозяином при деловых встречах и проверять переводы статей различных газет и журналов других переводчиков, такая работа его угнетала. Скорее всего, мотаясь с хозяином по миру, Джиан нашёл бы способ, как избавиться от ненавистной работы и хозяев. У него была идея остаться в Штатах, куда не раз они летали, но в Китае его держала любовь.

С Ли Кианг он был знаком почти с самого детства. Они жили в одном доме в соседних квартирах. С взрослением, Кианг была моложе Джиана на десять лет, их связывала любовь к искусству, книги, музыка. С детских лет девочка училась игре на скрипке и добилась больших успехов. В консерватории, где Кианг оканчивала учёбу, ей предложили принять участие в конкурсе имени Чайковского. Джиан, попросил помочь ему спонсировать её поездку Су Вейдж и понял, какую совершил ошибку, когда увидел, как хозяин посмотрел на красавицу Кианг.

С этого момента Джиан возненавидел не только свою работу, но и своего босса. Но он не мог противостоять силе, напору и наглости «большого человека». Кианг мучилась от нена-

вистных подарков пожилого влюблённого, но её отец даже слышать не хотел о Джiane. Вопрос о замужестве был решён.

– По возвращении из Москвы, будет свадьба.

Сфера деятельности Су Вейджа в России расширилась. Теперь из Дальнего Востока она переместилась в Москву.

– Вот, где поток золотой реки сам вливается в русло твоего капитала, – говорил Вейдж, довольный после очередной сделки.

Он сводил продавцов, готовых по дешёвке по цене металлолома продать всё, что можно было продать, играя с покупателями на разнице в цене. И продавали. И охотно покупали и КАМАЗы и танки по цене металлолома, алюминий, рельсы. Джian только удивлялся продажности российских чиновников – продавцов и алчности покупателей.

В Москву они прилетели вместе с Кианг. Джian, давно мечтавший попасть в столицу России был разочарован и серой, грязной, шумной и суетливой Москвой и в целом развалившейся вмиг ставшей нищей страной. Его мечты найти отца и попробовать на первое время спрятаться с Кианг у него, безнадёжно рушились. Кианг всё больше плакала и просила его найти выход.

В московском ресторане «Пекин» Джian присутствовал на встрече своего босса с предпринимателем, китайцем из Австралии. Речь шла о городе Ростове-на-Дону, где на большом объединении собралась большая партия, ненужной России сельскохозяйственной техники, которую можно выгодно перепродать, получив за это приличный куш. Услышав название города Джian не удержался, вытащил из-под рубашки медальон, висевший у него на шее. Он сверил услышанное название города с нацарапанном на медальоне.

Австралиец, говоривший до этого на английском языке, который Джian успешно переводил, вдруг поинтересовался на русском, откуда у него такой медальон.

– Мне его повесила мама, когда я уезжал в Россию.

– А у нее, откуда? – удивился австралиец.

– Этим патроном ранило отца в Корее.

Позже спустившись из номера, они опять встретились, и Джian узнал, что перед ним бывший военный переводчик Жонг, о котором ему рассказывала мать. В этот вечер они долго бродили по центру Москвы. Тогда же Джian узнал о том, что Жонгу удалось разыскать и встретиться с его отцом.

– Ничего в жизни просто так не случается. Каждый шаг нас ведёт к какой-либо цели. Главное, чтобы она была эта цель. Твоя жизнь вела тебя к встрече с отцом. Для него это будет великой радостью.

Он рассказал Джianу, как в шестидесятых годах, отец пытался найти Нинг. Но его вызвали в КГБ и строго приказали побережь свою жизнь. Хороший попался офицер. Спокойно и доходчиво объяснил, какое время переживает Китай. А времена Культурной революции и разгул хунвейбинов остались в памяти и у Джiana. Жонг дал адрес квартиры, в которой жил тогда отец со своей семьёй. Оставил он и свои координаты.

И вот долгожданная встреча не состоялась. Джianу с боссом сегодня надо срочно вылетать из Ростова в Москву после успешно заключённого контракта.

– А Жонг говорил, что для отца наша встреча будет великой радостью. Значит, не суждено.

***

Ростов-на-Дону, 2014 г.

– Марго, тогда я совершила подлость, – тихо сказала мама. Когда вошла в комнату свекровь, я сразу поняла что, что-то произошло. Она безжизненно опустилась на стул и еле проговорила.

– Верочка я сына своего похоронила.

Не понимая её слов, я выскочила на лестничную площадку. Я слышала гул шагов по лестнице, крикнула в пролёт, не зная кому и не ведая зачем: – Вернитесь, подождите, вернитесь! Но услышала только громко захлопнувшуюся дверь парадной. Я вернулась в квартиру. Свекровь, закрыв лицо руками, горько плакала. Потом, успокоившись, она показала мне фото этой женщины китаянки и я поняла, что это приходил её сын. Сын моего Сергея.

– Грех-то, какой, Мария Петровна, – я опять хотела выбежать на улицу, в надежде, что парень не ушёл, может, сидит в сквере ждёт, что мы образумимся.

А она упала передо мной на колени и опять в слёзы.

– Я этот грех на себя возьму. Пусть всё идет, как шло. Жили мы до этого хорошо, а что принесёт эта встреча, неизвестно. У вас дети, внуки, а знаешь, что такое первая любовь? От неё нет излечения. Дай мне дожить в покое и радости за вас.

Уговорила она меня скрыть приход молодого человека. Маргоша, а может это был совсем не Серёжин сын? А кто-то другой? Но только я поняла тогда, как отец любил эту женщину, раз его мать так переживает.

– А где был отец в это время? – спросила я маму.

– У тебя в Москве. Отца вызвали в военкомат и сообщили, что его ищет герой войны. Это оказался Жонг. Каким уж образом ему удалось найти отца, неважно. Только Серёжа быстро собрался и уехал в Москву. Перед этим ты как раз сообщила, что вы с Олегом собираетесь расстаться.

– Ну да, я помню этот его приезд.

– Только он не стал делиться с другом о твоих перипетиях, сказал, что поехал домой, а сам у тебя задержался на несколько дней.

Потом, когда Сергей вернулся из Москвы, свекровь стала уговаривать Серёжу обменять квартиру. Я-то знала причину этого её желания. Но вскоре после переезда, свекровь умерла. А я так и не смогла признаться ему во всём. Даже тогда, когда он умирал. Марго, я побоялась, что в последние минуты своей жизни, он возненавидит меня. Маргоша, прошу тебя, найди этого мальчика.

– Мама, какого мальчика? Очнись, он старше меня на два года. Дядька уже взрослый и седой.

Найди его дочка, ради нашего папы, найди.

***

Россия. Москва. 1990 г.

Весь полёт из Ростова-на-Дону в Москву Джиан был задумчив и немногословен. Вечером, после прилёта, ему надо было идти на заключительный концерт Конкурса имени Чайковского. После конкурса, босс делает торжественный ужин в «Пекине» и на следующий день они возвращаются в Китай. Времени осталось совсем мало для принятия, какого либо решения. И тут Джиану пришла идея, да собственно и выхода у него другого не осталось. Из своего гостиничного номера он позвонил Жонгу.

Россия стала очень криминальной страной, Джиан чувствовал, что счастливой жизни им с Кианг не будет ни в России, ни в Китае. Приняв решение и договорившись с Жонгом, Джиан еле дождался окончания номера Кианг. Он еле сдержал радостную улыбку на лице, когда босс попросил его отнести корзину с розами для Кианг.

Он также еле сдерживал своё волнение, когда незаметно, передавая цветы, сказал ей, что у выхода их ждёт автомобиль с Жонгом.

– Жди меня в гримёрке, я сейчас приду за тобой.

Кианг скрылась за занавесом. Вскоре они с Джианом быстро выходили из здания зала Чайковского. У дверей им преградил дорогу охранник, он же водитель босса. Влюблённым удалось увернуться от его цепких рук и запрыгнуть в автомобиль с посольскими номерами Австралии. Через некоторое время они были под защитой другого государства.

Глава 5

Ростов-на-Дону 2014 г.

Подошло моё время возвращаться в Москву, но сначала я решила съездить в гости к сватам станичникам. Уж очень они обижались, что в последние годы, часто приезжая в Ростов, я ни разу не удосужилась заехать к ним погостить.

– Не уважаешь нас сваха, – мы к тебе в Москву который раз приезжали, а ты брезгуешь нами, – обижено выговаривал мне подвыпивший на поминках отец Ланы Николай.

Пришлось дать ему слово, что перед отъездом я обязательно заеду к ним на несколько дней.

– И то, правда, Маргоша, ты же у нас только после свадьбы детей была. Сколько лет прошло? Мы же теперь фермеры с Николашей. Домик приличный отгрохали. Посмотришь, как мы живём, – приглашала меня Раиса, мать Ланы.

– Ага, скоро тебя выкинут из твоего дома, и хозяйство разорят, фермерша, – пробасил Николай.

– О чём это он говорит? – спросила я Раю.

– Да не бери в голову. Мелет себе под нос. Закусывай, когда пьёшь, – отчитала она мужа.

– А что я, брешу, что ли? Сама говорила, что эта приезжая ведьма тебе нагадала.

– О, господи, Рая, ты ещё к гадалкам ходишь?

– А что? Она всю правду мне сказала. Ну откуда она знала, если даже мы не в курсе были, что дети в Англию соберутся. А она сразу сказала, что мне надо готовиться провожать детей в дальнюю дорогу. И много рассказала того, чего кроме меня никто не знал.

– И что это такое мимо меня пролетело? Чего это я ещё не знаю? – удивился захмелевший Николай.

– Да то, что тебе и знать не положено, закусывай больше, а пей меньше.

– И это было её предвиденьем, что вы разоритесь? – старалась я отвлечь от мужа Раю.

– Но не разоримся, но нервы себе попортим. Я ей верю. Чувствую, откуда ветер дует. Да ладно. Я вот что думаю, тебе обязательно надо с ней встретиться. Вот она может, подскажет, где твоего нового братишку надо искать. Надо же история, какая интересная. Кто бы мог подумать?

Бабье лето я встретила в гостях у родителей Ланы.

– Вот наш курень, – Николай остановил свой автомобиль около добротного каменного забора, внутри которого стоял современный большой двухэтажный коттедж.

– Не знаю, какие раньше куреня были, но дом у вас отличный и современный, – хвалила я совершенно справедливо комфортабельное уютное жилище своих сватов.

– Сегодня мы с тобой к Галке не пойдём. Знаешь, она как-то осторожно принимает и только своих, кого знает. Тихо живёт. Но я договорюсь с ней. Примет нас, куда денется. Не каждый день ко мне сваха московская приезжает. Да и некогда нам сегодня к ней идти, гостей будем встречать, – суежилась Рая в большой светлой столовой, накрывая праздничный стол, – у нас же пол станицы родственники, не соберёшь их вместе зараз, так подиночке будут шастать.

– Зачем? – удивилась я.

– Как зачем? А познакомиться? Да ты не тушуйся, они у нас смирные, посидим душевно, песни погорланим.

Душевное застолье затянулось почти до утра. Меня познакомили со всей пришедшей роднёй, которую, я успешно путала, забывая с чей стороны, тот или иной родственник. Обошлось без песен, чему я была очень рада, так как мне было сейчас не до веселья.

Любуясь красотами донской земли, гуляя по берегу тихой реки, и участвуя постоянно в мероприятиях, устраиваемых моим шумным, говорливым и деятельным сватом, время про-

летало интересно, но быстро. Я понимала, что совместной с роднёй лепкой вареников или пельменей, походами на рыбалку и охоту, добрейшие родственники хотели отвлечь меня от грустных мыслей. Но, им это иногда не удавалось. Воспоминания об отце, сковывали горло непроходимым комком слёз, а его последняя просьба найти китайского брата приводили меня в смятение. Как я смогу его найти? Куда обращаться и с чего начать поиски.

Но вот настал вечер, когда Рая потащила меня к гадалке. Дом Галины находился на окраине станицы.

– Раньше там жила её прабабка, травками всё могла излечить. Потом бабка. Вот к ней со всего Союза приезжали. Очереди стояли. Я её помню, – рассказывала Рая, – она всегда правду говорила. Вот как не поверить. Я после школы собиралась в Ростов ехать поступать. А она меня у сельпо как-то встретила и говорит, чтобы я не ездила в город. Не поступишь, говорит, а счастье мимо тебя пройдёт. Езжай в райцентр. И училище закончишь и мужа своего встретишь, и в счастье проживёте долго и мирно.

– Так и было?

– Точно так и вышло. Служил у нас Коленька мой. Там в райцентре и познакомились. А как отслужил, я училище как раз окончила, там мы с ним сразу расписались. Вот и Галка в бабок своих. Вот только...

– Что такое?

– Да не было долго её у нас. Все станичники думали, что она покинула родительский дом навсегда. Она ещё совсем девчонкой подалась в город. На всю станицу было слышно, как бабка кричала ей вслед, что беда её ждёт в городе, но она даже не оглянулась назад. Потом, я уж и забыла о её существовании, но вдруг, она вернулась. Лето пожила и опять пропала. А вот недавно назад говорят, совсем вернулась. Слух идёт, что она давно сына в Москве похоронила, на родную землю потянуло. Сейчас живёт одна. А приехала с девицей какой-то. Помощницей. Странно как-то.

– Что в этом тебя удивляет? Может ученица её? Так сказать, передаёт ей свой опыт.

– Маргарита, а ты, что не веришь, что она угадывает всё, что было и предсказывает будущее?

– Рая... Чисто логическим путём можно выяснить очень многое. Кстати, таким гадалкам, как раз и нужны такие помощницы. Они же не святым духом питаются? Ходят по станице, слышат разговоры, сплетни. Два плюс два, как ни складывай, всё равно будет четыре. А если она ещё изучала хиромантию, физиогномику, немного прочла книги по психологии, вот и готовый предсказатель.

– Ага, ты ещё скажи, что любой может так наостриться и гадать.

– Не скажу, не каждый. Нужно перенять опыт бабушек, да и обладание таланта актёра, режиссера немаловажно.

– Это ещё для чего? – удивилась она.

– Ну, а как же. Спектакль надо же режиссировать. Как там у неё? Шары стеклянные, ногти длинные, свечи ароматные и тому подобное?

– Да ничего у неё там такого нет. Кофе попьёте, она по гуще всё скажет. Карты раскинет.

– Понятно, – решила я, – транквилизаторы. Напоеет гадостью, а потом человек язык развязывает. Нет, со мной такие штучки не пройдут, кофе пить не буду.

Мы подошли к типовому дому, таких много и в подмосковных селениях.

Южный зелёный от плодовых деревьев дворик, крыльцо, обвитое диким виноградом.

Галя приняла нас сдержанно. Оставив Раю за небольшим столиком, сервированным под чай с различными угощениями она молча, указала мне на дверь. Я вошла в соседнюю комнату. В углу иконостас. На стене над небольшим комодом крест. Окна наполовину зашторены, никаких странных, пугающих аксессуаров.

– Ты правильно решила. Если у человека есть дар, ему необязательно иметь кучу ненужного хлама, – словно прочитав мои мысли, сказала она, внимательно посмотрев мне в глаза.

Я успела только удивлённо взглянуть на неё, как она продолжила.

– Я в курсе, зачем тебя привели ко мне. Ты хочешь найти своего кровного брата. Не мучь себя зря, скоро у тебя появится другое дело. А брата твоего давно нет в живых. Но скоро будет предсмертная просьба твоего отца. Родная кровь струится в его продолжении. Вновь вернутся журавли, и молодой журавлик даст тебе знак.

Гадалка Галина показалась мне интересной женщиной. Приблизительно моего возраста, немного моложе, с плотной фигурой, красивой грудью, подчёркнутой строгим, чёрным платьем она виделась мне совсем в другом интерьере. Более изысканном, чем обстановка в этом простом сельском доме со старой, но добротной советской мебелью. Её каштановые волосы были собраны в пучок, будто она забыла причесаться, но эта свободная причёска необъяснимо шла к её облику. Взгляд больших карих глаз был проницательным и изучающим, но в них не было той колкости, которая иногда отпугивает меня от людей такого плана.

Галя подошла к комоду и стала поглаживать длинными тонкими пальцами с красивым маникюром по внушительному кресту, украшавшему обложку толстой, старой книги, лежавшей на нём.

– Наверное, Библия, – подумала я.

– Нет, не библия, – сказала гадалка, присев в глубокое кресло напротив меня.

– Вы у всех своих клиентов читаете мысли?

– Если они у них есть, то у всех. Не переживайте, я далеко никогда не захожу. Знаю меру. Стараюсь по возможности скрывать от всех то, что я могу проникнуть в тайные закоулки их мозга. Но иногда мне это не удаётся скрыть.

– Вы хотите сказать, что сейчас вы преднамеренно раскрыли передо мной свои фишки?

– Да.

– Зачем? – удивилась я.

Я сидела в таком же удобном, располагающем к беседам кресле, спиной к полуоткрытому окну. Ветерок, несший в комнату с запахом степей и аромата реки, шевелил на голове гадалки каштановый локон. Несмотря на возраст, она была очень красивой женщиной.

– Я чувствую опасность, – тихо сказала она.

– Поэтому вы сбежали из Москвы?

– Догадались? – улыбнулась она.

– Обыкновенная логика. То, что вы приехали из столицы, конечно, известно любому станичнику. Раз вы делитесь со мной своими чувствами, значит, вас вынудили к этому сложившиеся обстоятельства. А то, что вы раньше неохотно возвращались в родительский дом, а теперь много лет спустя, неожиданно вернулись, говорит о том, что из Москвы вас вынудили уехать тревожные обстоятельства. Ну, а то, почему вы хотите рассказать мне что-то важное, меня удивляет. Почему мне, а не полиции, например?

– Что я могу рассказать полиции, что я убежала из столицы потому, что очень боюсь одного человека. Как мне объяснить им, что он очень опасен.

– Почему вы доверяетесь мне?

– Мой небольшой трюк с Раей, вы уж простите меня. Она рассказала мне о некоторых случаях из вашей жизни, – Галина вскинула на меня полные слёз глаза, – нет, не то. Понимаете, мне нужен совет, я сейчас в таком замешательстве, нет, я боюсь и не знаю, что мне делать дальше. Мне показалась, что вы сможете мне помочь, хотя бы советом.

– Успокойтесь, Галя, не плачьте. Я поняла вас. Так кто этот человек?

– Мы были знакомы давно, он помогал мне не раз...

Галя не успела договорить, а я не успела осмыслить всего происходящего. С этого момента в моей памяти всё происходило, как на замедленной киноплёнке. Мне казалась, что

я не слышала грохота выстрела, но видела пролетевшую мимо моего виска пулю, которая вонзилась в её грудь. Я видела испуганный удивлённый взгляд Гали, всколыхнувшуюся от удара пули её грудь, шевелящие последние в её жизни слова губы.

– Флэшка, в распятии...

Мне казалось, что я не слышала слов, я прочла их по её губам. Потом, голова гадалки медленно склонилась на правое плечо, пальцы, судорожно впились в мягкие ручки кресла, словно пытались удержать её брэнное тело на этом свете. Я смотрела на Гаю, не в силах преодолеть тяготение, приковавшее всё моё тело к креслу. Только через некоторое время до меня дошёл весь ужас произошедшего. Сознание потихоньку стало возвращаться, и я увидела около себя что-то кричащую мне Раю, потом склонившуюся надо мной физиономию какого-то мужчины и только потом, ко мне вернулся слух.

– Меня оглушило выстрелом, – поняла я и резко попыталась подняться с кресла.

Но мне это не удалось. Ноги не слушались команд мозга. Ещё через минуту стало ясно, что склонившийся надо мной и что-то говоривший мужчина, это местный участковый. Он был в полицейской форме, держал в руках кожаную папку на молнии и форменную фуражку и постоянно вытирал пот с лица и шеи. Я посмотрела в окно, откуда через свисающую белую гардину, я видела, как к дому Гали несётся обеспокоенная разнёсшимся быстрее ветра слухом об убийстве гадалки, толпа станичников.

– Что вы здесь делаете? Чего стоите истуканом? – я еле выдавила из перехватившего спазмами горла слова.

– Как чего? Я это, я вызвал бригаду из района. Осмотр места происшествия, – замямлил он.

– Место происшествия и без вас осмотрят, вы, что не видите? Сейчас осматривать нечего будет. Остановите толпу, всё затопчут перед окном!

– А вы? Я же это, вас не могу оставить...

– Я, как сидела, так и буду сидеть. Марш на улицу и убрать всех лишних из дома, – раскомандовалась я, предчувствуя правоту своих действий.

Участковый немного помедлил, желая мне что-то возразить, но потом, бросив взгляд в окно, выбежал из комнаты с криком: – куда они несутся?

Наконец, мои ноги заработали, голос принял обычное звучание, я попросила Раису успокоиться и выпроводила её на прежнее место.

– Раечка, все и всё должно быть так, как было до выстрела.

Я села на прежнее место, хотя мне было жутковато смотреть на мёртвую женщину, с которой ещё несколько минут назад я мирно вела беседу. Я закрыла глаза и стала вспоминать, что мне говорила Галя до и после выстрела.

– Она прошептала что-то о распятии, – я окинула взглядом ещё раз комнату.

На стене над комодом висит крест, но он без распятия. А это немаловажно.

В видимом обозрении никакого распятия я не заметила. Я опять закрыла глаза.

– Что она говорила до выстрела? Она хотела рассказать о ком-то, кто ей сначала помогал в Москве. Потом она этого кого-то очень боялась, потому, что знала или узнала о нём что-то страшное. Поэтому они с помощницей и приехали сюда. Решили спрятаться от угроз?

Поразмышлять мне не удалось. Послышался вой «Скорой помощи», потом сирена милицейской машины. Громче слышались уговоры участкового, не пускающего людей подходить ближе к окну, через которое был произведён выстрел.

Вскоре из соседней комнаты послышался голос Раисы.

– Андрейка, как хорошо, что тебя прислали. Там сваха моя, давай выручай, а то ты знаешь моего узнает, что я её сюда притащила, убьёт.

– Разберёмся тётъ Рай, посидите, подождите.

Испуганные случившимся и уставшие от опросов оперативников мы с Раей еле добрались до дома.

– Ну что, узнали про своё счастье? Ну ладно она курица! А вы-то столичная дама! Ходить по гадалкам, – негодовал мой объёмный и басовитый сват.

– Так вышло, – устало промямлила я и поспешила удалиться в выделенную мне гостеприимными хозяевами комнату.

Из столовой доносилась незлобивая брань сватов.

– Ах, это я курица? – вопрошала Рая, – тогда ты кто?

– Ты мне ещё покудахтай, – отвечал ей сват.

– Да, – думала я, – курица, это, несомненно, я. И надо было мне пойти к гадалке именно сегодня и оказаться там именно в этот момент. Представляю, как бы на это отреагировал мой «настоящий полковник» Вадим Петрович? Где сейчас мой вечный помощник? Обиделся, что я не согласилась поехать с ним в его таёжный край. Интересно надолго обиделся?

Мои размышления прервал пришедший с места происшествия Андрейка.

– А где наш основной свидетель, ваша московская гостья? – спрашивал он у обеспокоенных хозяев.

– Ты это брось, Андрей! Она ни при чём. Это я старая дура, потащила её к Галине. Ну кто мог подумать, что случится такое?

– А я и говорю, что ты, курица, во всём виновата, – усмехаясь, говорил сват.

– Я тебе так скажу, Андрейка, если надо кого тебе подозревать, так подозревай её помощницу. Слышал, что люди говорят? – вставила своё предположение сваха.

– Андрей, а я слышал, что люди видели женщину похожую на помощницу гадалки, – вставил своё слово сват, – как её зовут? Придумают же имена такие, что не запомнить!

– Марианна. Вот, а я тебе чего втолковываю?

– Тётка Рая. То, что говорят люди, совсем не аргумент, – серьёзно сказал Андрей.

– Люди говорят, что она села в свой импортный автомобиль и только здесь её и видели! Аж пыль столбом стояла, как она рванула от дома, пока люди бежали к месту происшествия. Что Андрей опять брешут станичники? – допытывался Николай.

– Разберёмся. Проверим все факты. Всё завтра. А теперь спать охота, – Андрейка смачно зевнул, – я к себе в комнату.

– Так и я говорю, разобраться надо. Только точно, сбежала она. Убила тётку и сбежала, – выкладывала Рая свои предположения.

Я, как была в одежде, прилегла на кровать, не в силах встать и выйти в столовую. Мне необходимо было забыться, чтобы сменить в моём воображении постоянно висящую картинку убийства Галины.

– Надо обдумать сложившуюся ситуацию. Вспомнить до последнего слова, то, что пыталась сообщить мне гадалка. Да и не мешало, переговорить с Андреем, ведущим это дело.

Я приняла по настоянию Раи успокоительные капли и вскоре сети Морфея затянули меня в своё сонное царство.

Глава 6

Как только на горизонте появилась первая полоска рассвета, я тихо встала и вышла на крыльцо. Лёгкие вобрали чистейший воздух насыщенный кислородом, смешанным с ароматом трав, запахом близкой реки. Тявкнул и опять забылся в сладком утреннем сне Пират, лохматый добрый пёс. Роса серебром заблестела на всё ещё красивых клумбах. Мне захотелось полюбоваться утренним чарующим действием просыпающегося солнца над рекой. Я тихо вышла из калитки и пошла по тропинке, ведущей между высоких трав к мостку на речке.

Постояв у берега, я сняла обувь, зашла на деревянный мосток, присев на его край, спустив ноги в остывшую за ночь холодную воду реки. Красота пробудившегося рассвета очаровала меня настолько, что я забыла о том, что было вчера. Я сравнивала увиденные из окон своей московской квартиры на двадцать втором этаже рассветы над мегаполисом с этой необычайно красивой картиной, нарисованной природой.

– Странно, – думала я, – солнце встаёт одно на всю планету, а рассветы везде разные. Объединяет их только завораживающая красота.

Мне послышались чьи-то приближающиеся шаги, я хотела повернуться и посмотреть, кто это мог быть, но вдруг, почувствовала толчок в спину и тут, же оказалась с головой в воде.

– Мамочки мои! Подходящее время для закаливания. В моём возрасте это опасно, – думала я, стараясь удержаться на поверхности воды и отвлекая себя посторонними мыслями от опасного для меня вывода, что дно реки в этом месте далеко подо мной. Недавно я видела, как с мостка прыгали, купаясь, местные мальчишки.

Я барахталась в воде, как могла, ругая себя за неумение нормально плавать.

– Столько раз тонула, так могла бы уже научиться, – глотая воду, думала я.

Совсем ооченев но, пока не желая тонуть, я быстро решила собраться, сгруппироваться и всё-таки попытаться сделать хоть какие-то правильные движения. Стилем плавания «пособачьи» мне кое-как удалось приблизиться к берегу. И тут послышался крик свата Николая.

– Ну, сваха ты даёшь, кто же тебе позволил тонуть в такую рань? Хорошо, что я рано встаю, смотрю пошла за калитку. Я за ней, а она уже тонет. Нет, так дело не пойдёт, я сопьюсь с тобой, – балаболит он, помогая мне выйти из воды.

– С какого перепугу ты сопьёшься? – дрожа всем телом, удивилась я.

– Как с какого? Тебя сейчас лечить надо, а ещё рань такая, а мне пить придётся, – нёс он чушь, надевая на меня свою рабочую куртку.

– Коль, чего ты несёшь? – стуча зубами, спрашивала я его.

– Чего, чего? Ты же одна пить мой домашний коньяк не будешь? Вот, и я говорю, компанию тебе надо составить?

– Мы с Раисой и без твоей компании справимся и полечимся. Спасибо за спасение, – я отдала ему мокрую куртку и быстро вошла в дом, попав прямо в руки Раи.

– Матушки мои! Маргарита, что с тобой?

– Меня кто-то толкнул в воду, – забежав в свою комнату, громко говорила я, переодеваясь в сухую одежду.

– То есть, как это толкнул? Кто вас мог толкнуть? Зачем? – удивлённо спрашивал меня вышедший на шум Андрей.

– Я думаю тот, кто думает, что Галя могла мне что-то сказать важное перед смертью, – стуча от холода зубами, отвечала я, – но скорее всего, меня на всякий случай опрокинули. Думаю, такой шаг утешения.

– Ну, да. Вдруг она увидела стрелявшего в неё и успела вам сказать. Если, что знаешь, молчи? – согласился молодой следователь, – а вы точно ничего не знаете?

– Что она может знать? – вступилась за меня Рая, – мы, что пришли к гадалке проблемы её решать? Мы пришли узнать, найдёт ли Марго своего китайского брата. Понял?

– Какого брата? – удивился Андрей.

Пришлось ему вкратце рассказать мою историю.

– И что она сказала вам по этому поводу.

– Сказала, что брата давно нет в живых, но в общем, ерунда какая-то.

– Понятно, – многозначительно ответил Андрей, запивая бутерброд, горячим чаем, – значит так, женщины, вы уж сегодня сидите дома, лечитесь во избежание непредвиденных случаев утрашения. Если что, звоните.

Всё утро мы с Раей размышляли, кто мог, и кому это надо было искупать меня в волнах реки.

– Ты говорила, что у Гали не было родственников. А кто за домом следил в её отсутствие? Ты рассказывала, что она много лет здесь не появлялась. Без присмотра дом давно бы развалился, а он имеет свежий ухоженный вид.

– Соседи ухаживали. Маринка с матерью. Маринка с детства дружила с Галей. Одно время жила у неё в Москве. Не знаю, что там произошло между ними, но Маринка вернулась назад к родителям. Замуж так и не вышла, а когда вся родня Галины померла, сначала бабушка гадалка, а потом уже и мать Галины, Маринка похоронила её и стала за домом приглядывать.

– Так может это меня Маринка искупала?

– Ей-то зачем? Говорю же, они с Галей лучшими подругами были.

– Иногда так и бывает, что тайным врагом становятся самые лучшие друзья.

– Но вот этого, Маргоша, я тебе сказать не могу. Я видела, что Маринка помогала здесь Галине и по дому и по её так сказать работе. А что, да как, кто его знает?

Прошло несколько дней после убийства Галины. Мы с Раей ходили по станице, прислушиваясь к разговорам всё знающих соседей. Видела я и Марину, подругу гадалки. Держалась она обособленно от всех, сухо кивала головой на приветствия и, поправляя воздушную чёрную косынку на голове, старалась поскорей скрыться в своём доме от любопытных посторонних глаз и вопросов.

– Ну, что следопыты, – подтрунивал над нами сват, – вот подождите, вернётся Андрей, он вам задаст трёпки.

– Кому я должен задать трёпки? – словно услышав Николая, в дом вошёл вернувшийся из районного управления Андрей.

– Да этим следопытам, – кивнул сват на нас, – всё ходят, бродят по станице, вынюхивают что-то.

– И что вы вынюхали? – устроившись у обеденного стола, спросил, глядя на меня Андрей.

– Да ничего существенного, – ответила я ему.

– А несущественного?

– Да вспомнила я кое-что...

– Так, так, – Андрей отодвинул тарелку с горячим супом, поданную ему Раисой, – и что вы вспомнили?

– Перед смертью, Галина сказала мне, что она уверена в том, что её убьют и что она догадывается, кто это может сделать.

– И вы скрывали такую важную информацию от следствия?

– Ничего я не скрывала, тем более от следствия. Я поняла её слова так, что Галина опасалась мужчину, который ей всегда помогал. Во всяком случае, она так сказала.

– Ну, вы даёте! Это же важный момент, – Андрей встал со стула и подошёл к окну, – вы понимаете, что теперь становится понятно, почему скрылась её помощница.

– Помощница, а ничего, что она женского полу? А говорилось о мужчине. И потом, зачем убивать помощнице? Слишком простой ответ и быстрое раскрытие.

– Конечно, тебе бы сваха всё посложней дело, позапутаннее. Слушай, что народ говорит, – не удержался Николай от реплик в мой адрес.

– Да наслушались мы с Раей народной речи. Какой компромат могла хранить на свою помощницу Галина, если та неотлучно была рядом с ней? Не сходится.

– Подождите, подождите Маргарита Сергеевна, какой компромат? Откуда вам это известно?

– А я что, не сказала?

– Вы, вы! Вы понимаете, что сокрытие важных фактов от следствия преследуется законом?! – бедный Андрей, смотрел на меня до того широко открытыми глазами, что я думала, они сейчас выпадут из его глазниц и покатаются, покатаются куда-то.

– Успокойтесь, товарищ капитан. Я у вас основной свидетель, присутствовавший при убийстве человека. Причём испуганный свидетель. И моя память тоже может испугаться и кое, что забыть. А потом, после успокоения потихоньку выдавать важные факты. Смотри Андрей, напугаешь меня ответственностью, я опять всё забуду.

– Да, вы...

– И подписывать ничего не буду, если будешь на меня наезжать.

– Нет, Маргарита Сергеевна, вы даёте, – немного придя в себя, Андрей сел на диван.

Я дождалась пока Николай убежит на свою ферму, прихватив с собой Раису и села в кресло напротив Андрея.

– Ладно, товарищ капитан, я вам расскажу всё, как было на самом деле, только вы должны дать мне слово, что будете сообщать мне о ходе следствия.

– Почему я это должен делать? Слушайте? Может, это вы её убили? До вашего приезда всё было тихо и мирно.

– Не путайте, Андрей. Это после приезда Галины, что-то стало происходить в станице. Вы бы с людьми подробней переговорили, тогда бы узнали, что после своего возвращения, Галина почти не выходила на улицу. Что за время проживания в станице Галина не всегда принимала посетителей, а если и принимала, то только по рекомендации знакомых.

– Вы намекаете на то, что помощница гадалки может ещё не знать об её убийстве.

– Именно так.

– Да, Андрей, а вы разговаривали с лучшей подругой Галины молчаливой Мариной?

– Конечно, у меня и протокол опроса имеется.

– Понимаешь, Андрюша, протокол протоколом, а из рассказов старожилков мне стало известно, что когда в девяностых годах Марина неожиданно вернулась из Москвы, а в Москве она жила у Галины, то её мать учинила родственникам Галины грандиозный скандал с проклятиями и обещаниями убить их в скором времени. Тебе не интересно знать по какому поводу они скандалили?

– Да, мало ли по какому? Соседям лишь посплетничать, а мать Марины не совсем в своём уме.

– В своём не своём, а проверить надо.

– Но они же дружили с Галиной? Я имею в виду Марину.

– Дружить, дружили, но проверить надо, на чём держалась эта дружба. Вдруг под этой дружбой скрывалась хорошо замаскированная ненависть. А ненависть, как сказал один великий писатель, это месть за свой испытанный страх и унижение. Всё в жизни случается, а особенно между лучшими подругами.

– А больше ничего вам Галина не говорила? – Андрей всё ещё пытался выудить из меня подробности того страшного события.

– Да, вроде всё, – я попыталась ещё раз прокрутить весь наш разговор с Галиной, – ты знаешь, она ещё сказала, что какая-то флешка находится в распятии. Да, точно! Пока я ждала

следственную группу, прокрутила весь наш с ней разговор и внимательно оглядела комнату. Никакого распятия я не видела.

– Маргарита Сергеевна, ну как же так? Как же вы умолчали о таком важном факте? – Андрей поспешил к выходу.

– Ты куда это собираешься?

– Побегу ещё раз осмотрю место происшествия.

– Тогда бери меня понятой, – я поспешила вслед за следователем.

– И всё-то вы знаете, у вас, что муж в следствии работал?

– Муж объелся груш. Он из другой оперы. Я, кстати, тоже. Да, Андрей, должно быть двое понятых, так ты пригласи Марину.

– Это же надо? Вы теперь мне постоянно будете советовать, что и как делать?

– Да ладно, не обижайся, просто у меня хороший друг, полковник внутренних дел. Начальник одного из следственных управлений в Подмоскowie, поэтому, я и подкована в некоторых вопросах, – сказала я, вспомнив Вадима но, умолчав, что мой настоящий полковник, уже второй год командует медведями и зайцами, находясь на заслуженном отдыхе и работая егерем в тайге в своём родном сибирском краю.

Беседуя, мы подошли к дому Галины. Из соседнего дома в окно выглянула Марина и приглашённая Андреем стать понятой вскоре вошла вместе с нами в комнату, где произошло убийство. При входе в комнату меня охватило волнение. Залитое кровью кресло, в котором убили гадалку, было покрыто простынёй, которая впитала кровь и покрылась тёмными пятнами. Было жутко находиться на том месте, где недавно жил человек, а теперь, возможно где-то рядом витает его неуспокоенная душа. Я взглянула на Марину. Её лицо не выражало никаких эмоций, это мне показалось странным. За столько лет тесной дружбы, убийство подруги должно было принести какое-то огорчение. Но Марина стояла, молча, и равнодушно наблюдала за поисками Андрея.

– А что собственно вы ищите? – наконец, поинтересовалась она.

– Извините, я не сказал? Мы ищем распятие. Вы видели у убитой распятие?

– Какое ещё распятие? – удивилась Марина, – вот же крест на стене висит.

– Распятие, это где Христос на кресте распят. Может, видели?

– Нет, я не видела, а зачем оно вам?

– В нём Галина спрятала важную вещицу. Флэшку, – за Андрея ответила я.

– И кто вас просит влезать не в свои дела? – Андрей даже покраснел от возмущения.

– Ой, простите товарищ капитан, – я наблюдала за Мариной и увидела её вдруг изменившийся взгляд. Она точно хотела что-то вспомнить. Мне стало понятно, что моё сообщение было для неё неожиданной новостью.

Я стояла, облокотившись на комод, разглядывая, стоящие на нём разные сувенирные штучки. Рядом лежала книга в коричневом матерчатом переплёте с выпуклым золотого теснения крестом на обложке. Это был молитвенник. Машинально я открыла её, разглядывая рисунки на красивых страницах, пока Андрей опять не сделал мне замечание, чтобы я ни к чему не прикасалась. Никакого распятия он так и не нашёл. Покрутив на всякий случай в руках массивный крест, висевший на стене, Андрей, выпроводил нас из дома и повесил на двери свежую опечатку.

Ночью меня мучила бессонница и не отпускала внутренняя тревога. Я ещё и ещё раз прокручивала в мыслях все события, произошедшие в последние дни. Разложив по полочкам памяти все действия и события прошедшего дня, я вдруг поняла, где надо искать флэшку. Я вспомнила, что Галина, предложив мне сесть в кресло, стояла у Молитвослова и поглаживала выпуклый крест на его обложке. А я сегодня заметила, что на форзаце Молитвослова было изображено распятие. Значит, маленькая флэшка, вполне могла поместиться в чреве выпук-

лого креста на самой обложке книги. И Галина специально мне подсказала, где надо искать тайник. Неожиданно появившаяся догадка подняла меня с постели.

Незаметно я прокралась в холл дома. Ночная тишина делала шумным каждый мой шаг. Осторожно вытащив ключи от Галининой квартиры из пиджака Андрея, я вышла из усадьбы сватов и уже через некоторое время оказалась у крыльца дома Галины. Почему то я не удивилась, увидев приоткрытую дверь в дом. Тихо ступая по ступенькам крыльца, я спустилась обратно, повернула за угол и подошла к окну. Было видно, как в глубине тёмной комнаты блуждая, бегал, но вскоре потух луч фонаря.

– Кроме Маринки там никто не может быть, – подумала я, но вдруг почувствовала сильный удар по голове.

Сознание я не потеряла, если только на чуть-чуть, но удар по моей бедной голове, чем-то тяжёлым свалил меня наземь. Через звучащий шум в ушах, мне удалось услышать чьи-то быстрые шаги. Я приподняла голову и увидела удаляющуюся фигуру, облачённую в длинный плащ с капюшоном. Фигура спешно завернула за угол дома. Я попыталась подняться с земли, но вдруг услышала гневный шёпот Раисы.

– Чего тебе дома не сидится? Что ты всё ищешь приключения на свою...?

– Ты видела? Ты узнала, кто это был? – не дала я ей договорить.

– Кого, я должна была увидеть?

– Кто шандарахнул меня. Слушай, в доме Галины кто-то был. Там дверь открытая. Пошли, посмотрим, – потирая место ушиба, предложила я Рае.

– Ага, ещё хочешь получить, всё тебе мало, – бубнила Рая, помогая мне встать с земли.

Мы осторожно подошли к окну.

– Стой здесь, – приказала я Раисе, а сама поднялась на крыльцо дома.

Дверь была открыта, бумажная опечатка валялась на полу. Зайдя в дом, я обнаружила в комнате, где была убита гадалка настоящий бедлам. На комод лежала открытая книга Молитвослова. Я забрала книгу и выскочила на улицу.

– Раиса ты телефон взяла с собой? Надо Андрея поднимать. Кто-то проник в дом.

– Да какой телефон, я как увидела тебя, так сразу за тобой и побежала, – ответила она.

– Тогда беги быстро назад и веди его сюда. А я покараую.

Пока Раиса бегала за следователем, я наблюдала за домом Марины. Везде было тихо, темно, сонно. Вскоре прибежал ещё заспанный, сердитый Андрей. За ним еле попевала Раиса.

– Андрей, ты сильно не ругайся, это всё же наша родственница, – Раиса, видно, пыталась успокоить нервный пыл молодого оперативника.

– Ага, нашли родственницу на мою голову. Чего вам не спится? – гневно обратился он ко мне.

– Ты не ругайся, лучше протокол составляй, – остановила я его.

– Какой ещё протокол? – ещё туго соображал не отошедший ото сна капитан.

– Обыкновенный, о незаконном проникновении на место убийства.

– Я сейчас составлю протокол о вашем задержании! – возмутился он.

Осмотрев дом, пробубнив, что завтра утром оформит все бумаги, Андрей опустил руку в карман, чтобы взять ключ от дома.

– На, вот, он, – протянула я ключ молодому человеку.

– Что? Что это такое? Так вы сами устроили этот бедлам!

– Ага, – решила спасти меня от гнева родственника Раиса, – и по голове она себя шиба-нула сама!

– Что вы себе позволяете? – Андрей долго бы ещё возмутился, но Рая подхватив меня под руку, потащила в свой дом.

– Ну и сваху мне Бог послал, – укоризненно произнесла она, когда мы спешно вошли на кухню.

– Раис, дай острый ножичек, – попросила я её, остановив дальнейшие рассуждения по моему поводу.

– Чего от стыда зарезаться хочешь? – острила она, протягивая мне нож, которым я осторожно отсоединила матерчатую переплётную крышку с форзацем с изображением распятия.

Внутри полости выдавленного на обложке креста Молитвослова лежала небольшая флэшка.

– Как всегда интуиция меня не подвела, – я повернулась с желанием пройти в кабинет и немедленно вставить флэшку в компьютер, но не тут-то было.

– Чем вы тут занимаетесь? – мы с Раисой одновременно вздрогнули от неожиданного вопроса, появившегося в дверях Андрея.

– Мы вот, что нашли, – промямлила я, показывая ему маленькую штуковину.

– Так вы ещё и воровка! – Андрей попытался выхватить у меня флэшку из рук.

– Ага, это я нашла! Пошли, глянем, что на ней? – я быстро убрала руку с флэшкой, – наверняка, это её сейчас кто-то искал, – не слушая его, мы с Раисой быстро прошли в кабинет, за нами проследовал недовольный и ворчащий Андрей.

– Да не ворчи ты, – цыкнула на него Раиса, – Николая разбудишь.

Я вставила флэшку в компьютер и открыла видеофайл. Мы увидели, как незнакомая нам женщина открыла входную дверь, пропуская внутрь высокого мужчину.

– Проходи, – сказала она ему.

В коридоре стоял полумрак, а мужчина лет пятидесяти, в плаще и кепи, похожей на ту, которую носил доктор Ватсон в знаменитом фильме, с ушками, застёгивающимися сверху на пуговицу, вошёл в комнату и стал спиной к камере, поэтому его лица не было видно. А вот женщину лет так шестидесяти, с пышными распущенными чёрными, как смоль волосами, в красивом шёлковом халате, мы отлично рассмотрели.

– Ну, что принёс? – спросила она его.

Мужчина, молча, достал из элегантного кожаного портфеля несколько пачек с евро и бросил их на стол. Женщина достала из кармана халата точно такую же флэшку, какую я нашла в книге Галины и протянула её мужчине.

– Странно, – сказала я, – почему он не снял перчатки?

Но дальнейшие события показали, что ничего странно в этом не было. Потому, как мужчина, положив флэшку в карман плаща, поставил свой элегантный портфельчик на стол и схватил испуганную женщину за горло. Через секунду, он медленно опустил её на пол со сломанными шейными позвонками.

– Ничего себе, – Андрея от всего увиденного даже бросило в жар.

Мы с волнением уставились в экран ноутбука.

Прозвучал звонок в дверь, который привёл мужчину в сильное замешательство. Через мгновение он застыл, услышав щелчки открываемой кем-то двери.

– Сейчас он и её грохнет, – тихо проговорил Андрей, увидев в дверях женщину, и тут же добавил, – это же наша убитая гадалка!

Войдя в квартиру, она удивлённо посмотрела на мужчину. Он двинулся к ней навстречу. Но Галина, внимательно глядя на него, протянула вперёд руку, зажав ключи в кулак. Её рука с болтающимся, как маятник брелочком находилась на уровне его глаз.

– Ты видишь только мою руку, слышишь только мой голос, – сказала она тихо, но внятно. Галина стала считать.

– Раз, два, три, – тихо, размеренно, чётко она произносила каждое слово. Досчитав до одиннадцати, она продолжила: – Ты не помнишь, кто здесь был. В этой квартире ты находишься один.

Мужчина застыл, уставившись в одну точку. Галина быстро прошла в комнату, но увидев лежащую на полу подругу, громко вскрикнула и отшатнулась от неё. Немного придя в себя она,

проверила пульс у убитой и оглянувшись на всё ещё неподвижно стоявшего мужчину, хотела положить деньги в свою сумку, но тут же решила оставить их на месте. Потом она подошла к комоду, что-то не найдя в одном из его ящиков, вернулась к мужчине. Ладонью провела перед его глазами и, убедившись, что он её не видит, стала проверять его портфель и карманы плаща, где и нашла флэшку, переданную ему убитой. Потом она вернулась в комнату и сняла небольшую видеокамеру.

На экране нашего ноутбука побежали серые полосы, говорившие об окончании съёмки.

Мы молча, смотрели друг на друга.

– Понятно, – тихо произнесла я.

– И что же интересно вам здесь понятно?

– То же, что и тебе, дорогой Андрюша. Ничего, кроме того, что Галя, скорее всего, была уверена, что в неё стреляли из-за этой флэшки. Так, что дело твоё раскрыто.

– Конечно, Пинкертоны, у вас всё так просто и быстро, – тихо возмутился Андрей.

– Нет, чтобы поблагодарить нас, он ещё ругается, – остановила пыл племянника Раиса.

– За что мне вас благодарить? За выговор, который мне вынесут? Как флэшка была изъята? Вам хорошо, а следствие, это не только добыча доказательств, но ещё и правильное их оформление. Да ну, вас, – Андрей забрал вещественное доказательство и ушёл досыпать.

Мы с Раисой так и не смогли заснуть, гоняя до утра чай. Теперь меня ещё больше интересовало, кто и почему меня толкнул в воду, оглушил по голове? Кому это понадобилось и главное для чего? Кто этот мужчина, который убил женщину в халате, знакомую Галины, а главное из-за чего он её убил? Что было в той флэшке, которую он пришёл выкупать у убитой. И где она сейчас?

– И ещё меня интересует Марина, подруга детства Галины. Молчаливая она какая-то. А вот мамаша её напротив, говорят, раньше агрессивная была. А теперь?

– Да чего там интересного. Незаметная она какая-то наша Маринка. И мамаша её что-то притихла.

– Ты говорила, что Марина жила раньше в Москве у Галины.

– Ну, да.

– Когда она к ней уехала?

– Так это, постой, постой. Галина уехала в год Олимпиады. А Маринка где-то в девятых годах. Врать не буду, не помню точно.

– А потом, кажется, через год-два Маринка вернулась.

– А Галина ещё приезжала?

– Да, но позже. Дай Бог памяти, так точно на сороковины своей бабки. Ну, правильно. Я чего запомнила, тогда такое там было! Настоящее смертоубийство. Такой ор на всю станицу стоял. Но, хочу сказать, мать Маринки шизофренией страдает, с юности. Знаешь, тихое такое помешательство.

– Такое тихое, а смертоубийство устроила буйное?

– Приписали всё это к сезонному обострению. Ну, у них бывает такое, знаешь. Наверное, наследственное, вот и Маринка странная какая-то. Нелюдимая.

– А из-за чего у неё наступило обострение? Чем спровоцировано было? Не знаешь?

– Да кто их знает? В чужом омуте, сама знаешь, кто водится. Но кричала она, я лично слышала: куда нашего мальчика дела, убийца!

– Какого мальчика?

– А кто её разберёт? Никакого мальчика и в помине не было видно. Но потом, мать Галки, была в сельпо и там её бабы раскололи. Стали её спрашивать, какого мальчика упоминала, мать Марины, а та и проговорила, что мол, горе у них было большое. У Галинки сын родился, да тут, же и помер, поэтому и скрывали эту тайну, чтобы Гали боль лишней раз не наносить.

– А почему мать Марины говорила об их мальчике?

– Так вот они тоже об этом спрашивали, а мать Галины и ответила, что мол, что с больной взять. У той, что на больном уме, то и на языке. Галка тогда сразу в Москву вернулась, а Маринка вскоре помирилась с её родней, и присматривать стала за ними.

– Ладно, Рая, давай полежим немного, что-то у меня голова заболела.

Мне действительно стало плохо. Или от чересчур крепкого и в большом количестве выпитого кофе, или от внушительного удара по моей и без того больной голове. Да и погода раскапризничалась, что для наступления приступа гипертонии в самый раз. Я прилегла на кровать, но заснуть не удалось. Боль растеклась по затылку и быстро подошла к лобовой части головы. Непроизвольно у меня вырвался стон. Раиса, видно услышав его, быстро налила горячую воду в пластмассовые бутылки и обложила ими мой затылок и ноги.

– Грелки куда-то подевались, держись сваха, и давай, не пугай меня, сыщица. Красная вся, тебе давление надо измерить, а у меня нет этого прибора.

– Да не мешало бы проколоться. Укол в вену у вас сможет кто-то сделать?

– Да, ты что! Медпункт закрыт сто лет. Работать некому. Все по старой памяти, если что к Маринке бегут. Ну, чё, побегу к ней. А то помрёшь ненароком, что я буду Ланке говорить, что не уберегла её любимую свекровь?

– Точно, беги к Маринке. Заодно и познакомлюсь с ней поближе.

– Да, тю на тебя! Лежит, помирает, а всё туда же. Сама говорила, может Маринка тебя того по голове и стукнула.

– Вот пусть и лечит. А Андрей ушёл?

– Ушёл? Убежал со своими как их вещественными доказательствами. Всё я побежала.

Видно горячая вода сделала своё дело, немного оттянув боль и поэтому, я на некоторое время забылась. Очнувшись от прикосновений Марины, она пыталась поднять рукав моей водолазки для измерения давления.

– Ну, что же вы так? Беречь себя надо, вы гипертоник?

– А кто сейчас не гипертоник?

– Вы правы, но надо вовремя таблетки принимать, – тихо говорила Марина, приготавливаясь сделать мне укол, – вам по десять кубиков вливали? Но сейчас я сделаю двадцать, очень уж у вас высокое давление.

– Нет, уж сделайте десять, – осторожно сказала я ей.

– Как хотите, конечно, но вам может не помочь, чего вы боитесь?

– Сегодня около вашего дома меня ночью кто-то ударил по голове.

– Кошмар какой-то. А почему ночью и у нашего дома?

– Потому, что кто-то забрался в дом Галины.

– Странно, там, вроде грабить нечего.

– Так и нечего, а флэшку, вы же слышали, что я о ней днём говорила.

– Понимаю, вы решили, что я залезла в дом, а потом ударила вас по голове, а теперь пришла убить вас посредством укола?

– Да, нет. Это было бы явное убийство.

– Убийства никакого бы не было. Потому, что ампулы ваши, забыли?

– Точно, и шприцы мои. Я всегда вожу с собой упаковку магnezии и одноразовые шприцы вместе с остальными лекарствами.

– Так что не переживайте, убийства не будет. Если хотите, давайте сделаем внутримышечно, – улыбаясь, предложила Марина.

– Нет уж, Марина, давайте в вену, неохота валяться долго.

Рука у неё оказалась лёгкой. Я попросила извинения за подозрения и поблагодарила за ликвидацию приступа.

– Вам необходимо проколоться, хотя бы через день внутривенно, чтобы стабилизировать давление. Послезавтра приходите. Вот вам мой номер сотового, позвоните, чтобы мы с вами время согласовали.

– Слушай, сваха, прогресс. Маринка ни с кем из станицы так не разговаривала. А тебе ещё и номер своего сотового дала, – восторгалась Рая, проводив Марину из дома.

– Это говорит о том, что или она очень обеспокоена моим здоровьем, или ей необходима какая-то информация от меня.

– Второе вернее, чего ей за твоё здоровье переживать? А там, кто его знает? Ты это сваха, как себя чувствуешь?

– Не умру, это точно.

Глава 7

Ростовская обл., Москва 1980 г.

Свой отъезд из дома Галина планировала целый год, ещё учась в школе в выпускном классе. Она давно решила покинуть маленькую станицу и уехать в город своей мечты – в Москву.

– Пока устраюсь в трамвайный парк, – делилась она планами со своей единственной подругой Мариной, – помнишь, Людку Луговую она в прошлом году из Москвы приезжала? Так её мать до сих пор там, в трамвайном депо работает. Сначала ей общежитие дали, а потом они квартиру получили. Людка говорила, что поможет. Она в прошлом году в институт поступила. Москва, это не то, что у нас.

– Да, как же ты там совсем одна будешь? – удивлялась смелости подруги Марина.

– Под лежащий камень..., сама знаешь что дальше, а я здесь задохнусь от однообразия, от одних и тех же лиц, от постоянных упрёков бабки от беспомощности матери.

– Она же говорит, что у тебя дар и хочет передать тебе все свои знания.

– Марина, ну что ты говоришь? Какой дар? Гадалки?

– Твоя бабка ещё и лечит. И прорицательница она отличная, недаром к ней постоянно люди с других городов приезжают.

– Вот матери пусть и передаёт. А я для себя уже всё решила. Ты, Маринка, лучше со мной поезжай. Вдвоём не так страшно.

– Ага, уже полетела. Забыла? Это ты у нас совершеннолетняя, у тебя мама с какой-нибудь бабкой останется. А мою маму на кого оставить? Может, Галь передумаешь, и вместе подадим документы в медицинское училище?

– Ну да, а потом опять вернёмся в эту дыру? Нет, уж! Да, и бабка совсем меня достала! Из матери сделала куклу послушную, но со мной так не получится.

Смотри, ты только не проболтайся о моих планах.

Мать Галины постоянно крутилась около бабки, которая уже как сутки мучилась от болей в сердце.

– Галка, а ты ведь не в район намылилась.

– Бабушка, не трепите себе последние нервы. Говорю же еду с Маринкой в училище поступать.

– В училище, говоришь? Знаю я, какое это училище! В Москву лыжи наострила! – старая женщина окинула внучку пронзительным взглядом, – нет туда тебе дороги! Слышишь? Беда одна тебя там ждёт!

– Да, что вы мама раскаркались? – пыталась её успокоить мать Галины.

– Ты ещё голос подай свой! Молчи, коль ничего не смыслишь в жизни! Хочешь, чтобы у неё такая же судьба, как у тебя была? Сама без мужика осталась... А, да что там, дура! Как была дура, такой до смерти и останешься!

– Хватит на маму орать и оскорблять её! Хотите из меня вторую безмолвную куклу сделать? Не выйдет! И не верю я вам, я буду счастливой. Я не мама! Я всё сделаю, чтобы сюда не вернуться никогда!

– Доченька, что ты говоришь? – заплакала мать, пытаясь удержать разгорячённую дочь.

– Что? – бабка приподнялась с постели, – катись, катись, да знай одно! Я никогда не ошибалась, не там ищешь и не то найдёшь! А что в руки дастся, сама испоганишь! Вернёшься, да погибель свою найдёшь! – кричала она уже вслед внучке, выбежавшей из дома.

– Зачем вы мама держите её, да беду предрекаете? Пусть идёт своим путём, меня при себе всю жизнь держите, дайте ей хоть глоток свободы.

– Сво-бо-ды? – бабка резко поднялась с кровати, – говорю же дура и есть дура. Ты хоть дочь свою знаешь? Дел она наворотит на свою голову, помяни моё слово! Ты бесхребетная и то накрутила хвостом. Эх, что ты понимаешь?

Обманув постоянную бабкину клиентку, которая жила в Ростове-на-Дону и на счастье Гали работала в железнодорожных кассах, сказав ей, что родня в курсе её замыслов она, наконец, села в плацкартный вагон «Тихого Дона». Вскоре Галина забыла о трудностях своего отъезда и окунулась в мечтания о новой взрослой самостоятельной жизни.

Мечты, мечты... Каким красочным дурманом они обволакивают юную, не окрепшую в борьбе с жизненными невзгодами душу! Счастье, вот оно совсем рядом! Казалось, осталось выйти на московский перрон, и долгожданное счастливое облако обволочёт её своим мягким пушистым одеялом и, как на ковре-самолёте понесёт, нет, полетит навстречу новой жизни. Навстречу сбывающимся мечтам, надеждам, успеху, благополучию и любви. Осталось подождать всего каких-то несколько часов, минут, секунд... И вот! Галина со своим лёгким багажом уже стоит на перроне Казанского вокзала, ошарашено оглядываясь вокруг.

– О чём мечтаем? – Галина не заметила, как к ней подошёл милицейский патруль, – можно узнать цель вашего приезда в столицу нашей Родины?

– Что? – Галя испугано смотрела на белобрысого сержанта, которому видно нравилось смущение девушки, – документики ваши можно? – спросил он, улыбаясь.

– Паспорт, что ли? – девушка испугано протянула ему документ.

– Так с какой целью вы прибыли в столицу?

– Поступать на работу и учёбу, – смело ответила ему Галя, справившись с волнением.

– И куда же вы собираетесь поступать на работу? Лимит в Москве, уже как четыре года закрыт.

– Это у вас закрыт, а у меня всё открыто, – с вызовом ответила ему девушка, даже не предполагая, что могло это слово означать.

– Ну, ну, – как-то загадочно произнёс сержант, возвращая ей паспорт.

– Какой лимит и с чем его едят? – думала Галина, входя в здание Казанского вокзала.

Вокзал напоминал жужжащий улей. Все места в зале ожиданий были заняты. Галя нашла свободный промежуток у стены здания и, отвернувшись от любопытных глаз, осторожно достала со дна сумки с вещами потёртый конверт со своими сбережениями. В нём она хранила номер телефона Людмилы Луговой. Надо было, конечно, вытащить его из конверта ещё дома, но она не успела, а в вагоне побоялась, что кто-то заметит, где она прячет свой клад. Взяв несколько купюр и бумажку с заветным номером, она решила сдать сумку в камеру хранения, а потом позвонить Людмиле.

– Это же вокзал, тут такие деятели, могут сумку из-под носа увести, – довольная своей сообразительностью, Галина пошла на поиски камер хранения.

Но к большому разочарованию, её ожидала длинная очередь из пассажиров, ожидавших освобождения хотя бы одного свободного места. В автоматических камерах, была такая же история. Увидев среди толпы продавщицу мороженого, девушка не удержалась и купила сразу два: «Ленинградское» и «Крем-брюле».

– Девушка, сейчас уроните, не попробовав, – к ней обратилась интересная темноволосая женщина с «Пломбиром» в руке, – что, присесть негде? Да, такая толчея. Пойдём, видишь, у меня два места занято. Муж отошёл, умыться, побриться, а я так мороженого захотела!

Галина недоверчиво посмотрела на молодую женщину. В красивом платье, с хорошо уложенной причёской, с золотыми кольцами на пальцах. Но, несмотря на располагающий её вид, приятный бархатистый голос, Галину смутил бегающий взгляд чёрных, как смоль глаз женщины и что-то такое в ней, что интуиция сразу дала подсказку: Здесь что-то не так. Берегись! Но разум на пути к счастью не хочет слушать подсказки какой-то там интуиции. Забыв все

бабкины наказания, не признавая в себе наследственных талантов предвидения, Галя отдалась наивной доверчивости.

Женщина сняла большой обёрнутый плотной бумагой свёрток с одного сидения деревянного кресла и поставила его под него. Второй такой же чуть поменьше свёрток, она положила перед собой.

– Садись, садись, пока муж вернётся, мы успеем и наесться и наговориться.

За разговором, Галина не заметила, как проглотила тающую на глазах, от ужасной жары сладость.

– Руки теперь липкие, – тихо сказала она.

– Ты в туалет сходи, а я покараулю, потом ты посидишь, а я схожу, да мужа потороплю.

Предложение было сделано вовремя, Галя еле добежала то туалета, почувствовав в этом необходимость, но ей пришлось ещё некоторое время стоять в очереди, чтобы попасть в изрыгающее тяжёлый воздух помещение. Но вскоре выйдя из него её убаюканное бархатным голосом незнакомки благостное настроение сразу сменилось на паническое.

– Идиотка, какая же я идиотка! Ведь нутром чувствовала подвох и всё-таки расслабилась. Правду бабка говорила, дура я! Не научилась верить своему внутреннему голосу. На минуту расслабилась и на тебе! Что теперь делать?

Увидев уже знакомого сержанта, она спешно подошла к нему.

– Товарищ милиционер, меня обокрали!

– Что, уже? – ответил он ей, улыбаясь, – быстро ты попала на удочку.

Говори, что случилось.

Галя подвела стража порядка к месту, где они недавно сидели с женщиной и которые уже были заняты другими людьми, вытащила коробку, которая стояла под сидением.

– Неужели не ясно, что нельзя доверять первым встречным прохиндеям? Ну чего застыла, пошли. Бери её и пошли.

– Что опять Катя цыганка на промысел вышла? – спросил молодой симпатичный лейтенант у сержанта, когда они вошли в помещение отдела милиции, – да забери ты у девушки эти кирпичи. Эх, Катя, хотя бы книг каких наложила в коробку, а то из её кирпичей дом уже можно выстроить, – с усмешкой говорил он, провожая Галину в свой кабинет.

– Кирпичи? – удивилась Галя.

– А что же ты думала в обмен на твои купюры, она тебе колбасу сухую положит? Что деньги больше некуда спрятать, как только в сумку с вещами? Да ещё прятать у всех на виду. А теперь, даже если мы и найдём цыганку, как ты докажешь, что она у тебя украла и вообще, где доказательство, что у тебя имелась именно такая сумма, о которой ты говоришь?

Поддавшись на уговоры лейтенанта не писать заявление о краже, Галя совсем разбитая и уставшая вышла на шумный проспект. В голове молоточком стучал только один вопрос: Что делать? Она вышла на площадь и подошла к зданию метро. Она вошла в прохладное помещение метрополитена, где на стене был установлен ряд телефонов-автоматов. Около каждого аппарата толпилась своя очередь из желающих позвонить.

– Алло, тётя Нелля, здравствуйте, это я Галина. Мне Люда дала ваш номер телефона.

– Какая ещё Галина? Какая Люда? Здесь нет таких!

– Как же нет? Я с ней на прошлой неделе разговаривала по этому номеру!

– Не знаю, девушка с кем вы разговаривали, но здесь таких нет!

– Как так? Что же мне теперь делать, меня на вокзале обокрали...

– Идите в милицию. И не тревожьте нас больше, а то мне придётся самой в милицию обратиться!

В голове Гали звучал не телефонный зуммер, а удары молота по наковальне.

В растерянности она вышла из метро.

– Что делать? Почему я не все деньги взяла с собой. Чёрт бы взял эти вещи, что я буду делать без денег.

Галина в задумчивости остановилась у перехода к Казанскому вокзалу.

– Дай ручку красавица погадаю, всю правду расскажу, – услышала она тихий голос.

– Погадать? Я тебе сама нагадаю такого... – хотя женщина говорила с акцентом, но Галя узнала женщину. Девушка подняла глаза. Перед ней стояла Катя цыганка несколько часов назад ограбившая её. Теперь она больше походила на представительницу этой национальности. На её голове была лёгкая с люреksom косынка, а поверх платья накинута вязанная из тонких ниток длинная безрукавка. Прочитав в глазах девушки испуг и недоумение, она положила свою ладонь на её плечо.

– Не переживай красавица! Жалко мне тебя. Пошли со мной не обижу, – сказала она прежним голосом без акцента.

Катя пошла вдоль шоссе, а Галя в растерянности стояла, не зная как ей поступить.

– Пошли, пошли, не бойся, – Катя жестом позвала Галину. Пройдя ещё несколько метров, она остановилась у автомобиля «Москвич», – садись, – предложила цыганка и села на место водителя.

Галя, помедлив несколько секунд, решила, что терять ей всё рано больше нечего села рядом.

– Ты не обижайся, красавица, жалко мне тебя стало. Первый раз в Москве? – спрашивала цыганка, снимая с себя маскарад.

– Вы же сами меня вычислили, поняли, что я впервые в большом городе.

– Поняла, красавица, поняла, что ты дурочка ещё, хотя в тебе дар божий сидит. Что в роду наши были? Из ромал? Да?

Галя внимательно посмотрела на Катю, – может кто-то из прабабок или дедов и был из вашего рода-племени, только и вы не чистокровная.

– Молодец, молодец, дивчина, точно определила, – уже без всякого акцента сказала она.

– А куда вы меня везёте? – спросила Галя, с интересом глядя в окно автомобиля.

– Не переживай. Не в табор. Теперь всё будет у тебя хорошо. Чего в такое время собралась в столицу приехать? Слышала я, как тебя по телефону отшили. Родня?

– Да нет, бывшие друзья бабушкины. Да и мои. Приезжай, говорили, как родную встретим, – у Гали появились слёзы на глазах.

– Запомни, бывших друзей не бывает. Каков человек, такие и его поступки. Значит и не друзья они вовсе, а так... плохие люди, не плачь. И знают же, что Москва сейчас милицией наводнена. Чуть, что сразу за сто первый километр отправляют.

– Как это? Зачем?

– Ты что, красавица, только проснулась? Олимпиада! Телевизор смотришь?

– Слышала, а телевизор бабка не разрешала купить.

– Бабка? Это она ворожея, значит?

– Что?

– Зря говорю, не разрешает. А как же «Голубой огонёк», «Кабачок «Тринадцать стульев»?

– Я у подруги смотрю. Так куда вы меня везёте? – ещё раз поинтересовалась Галя.

– Уже привезла. Выходи, – автомобиль остановился около двенадцатиэтажного блочного дома, – забирай, – Катя открыла багажник, где лежала сумка Галины.

Девушка осмотрелась вокруг. Рядом с домом небольшой сквер, утопающий в зелени. Ухоженная детская площадка. Дом находился в глубине двора и сюда не доносился шум от расположенной недалеко дороги. Редкие автомобили, припаркованы почти у каждого дома. Старушки, сидящие у единственного подъезда, внимательно наблюдают за проходящими мимо людьми.

– Кать, что родственница твоя? – кивнув на Галю, спросила одна из них.

– Похожа? Племянница, погостить приехала, – улыбаясь, ответила цыганка, доставая ключи от квартиры.

Обстановка квартиры поразила Галю. Дорогая мебель, всюду стояли хрустальные вазы, которые сверкали от солнечных бликов. Над пианино висел портрет красивой темноволосой женщины. Её глаза были так искусно нарисованы, что казалось, своим взглядом она прожигает насквозь, смотревшего на портрет.

– Это моя мама. Она была артисткой театра «Ромэн». Знаешь такой?

– Нет, – тихо ответила Галя, – ничего я не знаю.

– А зачем тогда в Москву приехала?

– Наверное, чтобы всё самой узнать.

– Глупая ты, как же тебя одну отпустили?

– Я сама...

– От родных убежала? Ладно, значит так, красавица. Сейчас будем обедать, голодная? А потом всё по порядку мне расскажешь.

Весь вечер Катя расспрашивала Галину о жизни в родительском доме. Галя рассматривая обстановку поражалась богатству в двухкомнатной квартире приютившей её цыганки.

– Ой, девочка, ты не видела настоящего богатства.

– А я думала, что цыгане по-другому живут, – заметила Галина.

– Так, то цыгане, а я полукровка, как ты уже поняла. Мама из ромал, а отец мой большим человеком был. Генералом при генштабе. А, да ты не поймёшь ещё, что это означает. Думаешь, я всегда здесь жила? Нет. Пока родители были живы мы на Ленинском жили. У нас знаешь, какая квартира была? Что ты! Три таких, как эта.

– А почему вы здесь оказались?

– Эту квартиру отец маме давно купил. Они не были расписаны. У меня и фамилия матери в паспорте. Он с первой женой не был в разводе. Ему нельзя было разводиться. Но они с женой договорились, и она жила своей жизнью с другим человеком и с сыном, с братом моим, получается. А отец с моей мамой. Нельзя ему было разводиться. Поэтому и не мог прописать нас в той квартире. Как папа умер, сын сразу в права наследства вступил. Выставил нас быстро из нашей большой квартиры, хорошо, что вот кое-что удалось перевезти сюда. И эту пытается отобрать. Только вот ему! – Катя показала воображаемому брату кукиш.

– Катя, а почему вы меня пожалели? К себе пригласили? Я так поняла, что ваше имя вокзальной милиции хорошо известно. Вы так промышляете?

– Глупая ты ещё. Промышляете! Здесь совсем другая жизнь, девочка. А на вокзале все меня знают и дают понемногу работать даже сейчас, когда город заполонён милицией, военными, потому что милая, все кушать хотят. И милиция тоже. В общем так! На сегодня тебе и так впечатлений хватит. Будешь спать здесь, на диване, а завтра я тебе скажу, как жить будем дальше.

Галя в эту ночь не могла заснуть до утра. От необычайной и неожиданной для москвичей жары не спасала короткая душная ночь. Галина провалилась в сон, только тогда, когда утренняя прохлада принесла небольшое облегчение.

– Ну что соня, проснулась? Иди завтракать.

Галя уловила вкусный аромат кофе и поспешила в ванную комнату.

– Значит так, – сегодня поедем, купим тебе, чтобы было во что переодеться, в этом, что у тебя есть по Москве ходить нельзя, – серьёзно сказала Катя, протягивая Галине бутерброд с маслом, поверх которого большой горкой была намазана красная игра, – а потом будем думать, как дальше жить будешь, красавица.

После недолгих сопротивлений Катя повезла Галину в ЦУМ, где ходила по отделам универмага со знанием, где и что купить.

Дома уставшая от переодеваний, но счастливая от покупок, Галя спросила Катю, каким образом она вернёт ей деньги, потраченные на обнови.

– Катя вы же уйму денег на меня потратили. Я не смогу вам так быстро вернуть всю сумму. Мне надо устроиться на работу.

– Милая, на какую работу? И как ты собираешься устраиваться? Что ты умеешь? У тебя есть профессия? Чем ты думала, когда собралась переехать в столицу? Думала, тебе такой красивой на каждом углу работу будут предлагать? А прописка московская у тебя есть? Кто тебя в столице на работу без прописки возьмёт?

– Я думала, что меня тётя Неля в трамвайное депо устроит работать. Там общежитие дают, – у Гали появились слёзы.

– Забудь, весь лимит давно уже закрыт. Иногородних никуда не принимают. Даже москвичей по возможности на дни проведения Олимпиады, выехать из города. Что ты думаешь? Приехала, раз и всё? Не реви. Катя сказала, что поможет тебе, значит поможет. Есть у меня одна идея.

Через некоторое время Галя работала в районном СУ – строительном управлении в бригаде маляров, занимающихся ремонтом квартир. Взяли её ученицей с предоставлением комнаты в общежитии. Комнатка была маленькой. В ней помещалась только деревянная кровать, небольшой столик с двумя стульями и встроенная кладовка, которая служила и шкафом для вещей и буфетом для хранения продуктов и посуды. Вскоре с интересом смотревшая на новенькую комендантша вместе с подвыпившим мужиком, облачённым в синий рабочий халат, занесли в её комнатку небольшую тумбочку и старенький телевизор.

– Приказано тебе поставить, – объяснила она растерявшейся девушке, не объясняя от кого и, кем приказано.

Галя была счастлива. Казалось, что так будет всегда. Работа пусть тяжелая, но женщины в бригаде её берегут, как самую младшую приговаривая постоянно, что она наивная дурочка.

– Счастье само в руки не даётся, его надо заслужить, заработать. А пока работаешь и заслуживаешь, то когда получаешь это счастье, то не знаешь, куда его девать. Старость, да болезни на носу.

– Это кто как понимает, что такое счастье, – вступала в спор Галя.

– Эх, милая, для бабы одно счастье – свой дом, муж, да дети. А мы вот все на четвертинку счастливы. У всех по ребенку, но ни мужа, ни дома своего, ни денег нормальных. Вот бьёмся с утра до ночи до полного счастья, а добьёмся до инвалидности или смерти.

С первой полочки Галина купила два больших торта «Ореховый» и «Ленинградский» чтобы хватило всей бригаде и небольшое настенное зеркало для себя. После работы купив коробку конфет, и букет астр у метро она пришла к Кате.

– Катя со следующей зарплаты я смогу отдавать вам понемногу денег в счёт долга.

– Скажи к тебе не заходил тот мужичок, который устроил тебя на эту работу и помог с общагой?

– Константин Михайлович? Забыла и его надо отблагодарить. Хорошо, что напомнили, – ответила засмущавшаяся Галина.

– Да, вот и отблаговари его. Всё-таки твоё непосредственное начальство. А со мной ещё успеется, рассчитаешься.

Галина возвращалась от цыганки в свою комнату и думала всю дорогу о Кате.

– Всё же хорошая она добрая, хотя и мошенница.

Вечером, сходя в общий душ, Галя легла уже в постель, включив телевизор.

Скоро должна была начаться любимая передача «Кабачок 13 стульев». Но сквозь музыкальную заставку передачи, послышался стук в дверь. Девушка накинула лёгкий халатик и, открыв дверь, увидела сильно выпившего Константина Михайловича полного даже толстого

мужичка со скрипучим неприятным голосом очень большими губами и с узкими глазками, которые при виде молодой девчонки бегали по её фигуре, словно сбрасывали с неё одежды.

– А я к вам в гости красавица! Не ждали?

Пьяно улыбаясь, сказал он, вваливаясь в комнату. Взглядом мужчины обвёл комнатушку.

– Ну, вот! Устроилась и жива, здорова! – он поставил бутылку водки на стол, снял пиджак и повесил его на стул.

– Ну, что же так? Когда жить негде было, Константин Михайлович нужен был, а как обжилась, так и спасибо не надо сказать? Не-хо-ро-шо, – говорил он, приближаясь к испуганной и ничего не понимающей Галине.

– Константин Михайлович я хотела завтра к вам на работу зайти, отблагодарить вас, за то, что вы... – но он перебил её.

– Вот и отблагодари, – он открыл бутылку, налил себе водки в граненый стакан, стоявший на столе и залпом, опрокинул в себя содержимое.

Галя вся съёжилась, уже подозревая, что сейчас произойдёт что-то ужасное.

Она стояла зажата теснотой маленькой комнатухи, как помещённая в клетку птица. Шаг назад, стоит кровать, шаг в сторону тумбочка с телевизором. Но пьяный мужчина со сладострастной улыбкой на лице приблизился к ней и, положив руку на девичью талию, тихо проговорил:

– Ничего, Костя не гордый, Костя сам пришёл, – он с силой притянул её к себе и, попытался поцеловать толстыми мокрыми губами.

– Что вы делаете, оставьте меня, – Галя пыталась вырваться из цепких рук мужчины. От отвращения к нему её затошнило.

– Как что? Благодарю, ты же этого хотела, – мужчина повалил девушку на кровать.

Галина отчаянно сопротивлялась, пытаясь образумить его словами. Ей было страшно, противно, когда липкие толстые пальцы, разорвали её ночную сорочку и больно сжали груди. Её тошнило от его перегара заполонившего всю комнату. Она пыталась кричать, но он больно сжал ей рот одной рукой и из её горла на волю вырывались одни только хрипы. Справиться с тяжёлой пьяной тушей ей никак не удавалось. Каким-то образом она смогла укубить его за руку.

– Помогите! Помогите! – отчаянно из всех сил закричала она.

– Не ори, – туша, увлечённая своим грязным делом, вскоре сладострастно застонала и, обмякнув, чуть ли не вдавила всей своей тяжёлой массой худенькое тело девчонки в кровать.

Галя, распластанная растрёпанная униженная в разорванной сорочке и халате лежала, не двигаясь на кровати. Она видела перед собой только пустоту. Чёрную пустоту, словно вокруг была непроглядная темнота. На секунду ей показалось, что она ослепла. Она даже обрадовалась этому, потому, что не могла видеть, как пьяный мужик, кряхтя, и матюгаясь чему-то, встал и с трудом стал приводить себя в надлежащий вид. Оглянувшись на всё ещё лежавшую девчонку, он противно ухмыльнулся, налил себе ещё водки но, не выпив до конца, поставил стакан на стол. Устав, от того, что его толстые непослушные пальцы никак не могли справиться с застёгиванием ширинки на брюках он, придерживая их одной рукой, накиннул на Галину одеяло, пьяно погрозив ей указательным пальцем.

– Я ещё зайду не раз к тебе. Жди!

Он опять протянул руку к стакану с водкой, но кто-то с силой открыл дверь, чуть не снеся её с петель, ударив ею насильника.

– Голиков ты, что здесь делаешь? – удивлённо с раздражением спросил насильник у появившегося в дверях молодого лейтенанта милиции.

– Я? Я-то делаю вечерний обход вверенной мне территории, услышал крики о помощи, поступил по инструкции. А вот вы, что здесь делаете, товарищ заместитель начальника СУ?

Раскрасневшийся испуганный Константин Михайлович нервно поставил стакан на стол.

– Я тоже, это самое проверяю... – тихо замымлил он, не глядя на ненужного свидетеля.

– Проверяете? Вижу, что проверяете. Проверили? – усмехнулся участковый и бесцеремонно бросил папку для бумаг, которая была у него в руках, на стол, – вот и доигрался ты, кот блудливый, – лейтенант резко толкнул толстяка на кровать к Галине, которая от неожиданности вскочила и, откинув одеяло, оказалась обнажённой рядом с насильником.

У лейтенанта вдруг появился откуда-то взявшийся фотоаппарат, которым он стал беспрерывно щёлкать. Сделав несколько кадров, он присел на рядом стоящий с дверью стул. Ногой он перекрыл дорогу к выходу, оперев ступню о кладовку.

– Ну, давай, давай, поиздевайся ещё, – зло огрызнулся Константин Михайлович, поднявшись с постели, – а ты..., – он обернулся в сторону Гали, – ладно, с тобой потом разберёмся. Я пошёл, слышишь, Голиков? И фотки свои ты потом засунь, знаешь куда? А ты подумай, лимита, – бросил он Галине, пытаясь убрать ногу участкового.

Галя, услышав знакомый голос, с участковым Борисом она познакомилась при вселении в общагу, забилась в угол кровати, пытаясь натянуть на измученное тело разорванные вещи. Ей было стыдно, больно, противно.

– Пусти, – грубо сказал толстяк, пытаясь убрать ногу участкового с прохода.

– Не получится, дорогой товарищ, – издевательски улыбаясь, ответил тот.

– Ты что?! Ты забыл кто я? – пьяная туша пыталась повысить голос.

Но тут Борис встал и резко толкнул толстяка так, что мужчина, с грохотом приземлился на соседний стул, чуть не поломав его.

– Знаю, отлично знаю, кто ты, но теперь тебе никак не отмыть свою толстую задницу. Сколько ты попортил девчонок? Забыл? А у меня записано.

– Да я тебя! – пытался встать толстый Константин, но милиционер, с силой посадил его на место.

– Нет, ошибаешься, это я тебя, – он достал из кармана кителя наручники и одел их ему на руки.

– Ты что делаешь? Ты больной? – зашипел став багровым сразу протрезвевший Константин, – сними, кому я сказал? Ну, ты нарываешься! Всё, тебе конец!

Не слушая угроз насильника, лейтенант достал какой-то бланк из своей папки и что-то усердно стал записывать в нём. Потом, перекрыв возгласы Константина крикнул:

– Валентина входи!

В комнату тут же вошла женщина лет сорока, – комендант общежития.

– Что жаба и ты туда же? – зашипел на неё насильник.

– Да ладно тебе! – она махнула на него рукой, – надоел ты всем, пёс облезлый! – грубо сказала она в сторону своего начальника и, обратившись к Борису, произнесла, – давай, что ли подпишу где надо.

– С моих слов записано, верно... подписывай, здесь, – лейтенант указывал ей где и что подписать. Константин сидел, растерянно и удивлённо наблюдая за происходящим и ещё не веря своим глазам.

– А это что? – придвинула она к себе очередную бумагу.

– А это изъятие вещественных доказательств с места преступления. Подписала? Теперь собери всё и спустись к себе вызови наряд, переодень девчонку, её отвезём на освидетельствование, а вещи её, простынь и этого сейчас заберём в отдел.

– Чего ты гонишь? Какое изъятие, какое освидетельствование? Да завтра...

Константин Михайлович, несмотря на наручники, ловко схватил стакан с налитой ранее водкой и быстро опрокинул его в себя. Борис внимательно посмотрел на его действия.

– Правильно, авось полегчает? – ухмыляясь, сказал он, – Валентина, подпиши ещё эту бумажку, – передав ручку женщине, он салфеткой аккуратно положил стакан в небольшой пакет, – простынь собрала?

– Всё, всё, понял! – Константин Михайлович, пытался вырвать из рук лейтенанта пакет со стаканом, но потом успокоился и безвольно опустил голову.

– Вот так-то лучше, – усмехнулся лейтенант, и закрыл дверь за ушедшими женщинами.

– Ну и сволочь ты участковый. Прикупил? Думаешь, я не знаю, что это не твоего ума дела?

– Так какие проблемы? Ты хочешь, чтобы я наряд вызвал на изнасилование?

– Ничего я не хочу. Говори.

Казалось, что до этого момента перед лейтенантом милиции участковым Борисом сидел надутый большой воздушный шар, но расслабилась нитка, удерживающая в шарике воздух и он сдулся став походить на сморщенный неприглядный лоскуток ненужной резинки.

Глава 8

Валентина вела Галину по длинному тёмному пустому коридору. Галя не могла поверить, что никто из соседей не слышал шума, доносившегося из её комнаты. Никто не пришёл ей на помощь. А совсем недавно стоял гвалт на общей кухне, по коридору бегали дети, отовсюду доносились голоса проживающих здесь людей. Сейчас же почти из каждой комнатухи доносился звук любимой телепередачи, транслируемой по телевизору и слышны лишь шаги Валентины и Гали, по скрипучему старому полу коридора.

Комендантша помогла девушке спуститься на первый этаж. У неё была в этом здании единственная полноценная жилплощадь. Маленькая квартирка с двумя смежными комнатами, кухней, совмещённой ванной. Квартирка была ухожена. Ощущался свежий ремонт и всё блесло от чистоты и порядка совсем не так как в комнатах жильцов.

– Проходи, проходи, горемычная, – по-отечески она подтолкнула девушку, ещё находившуюся в шоковом состоянии в квартиру, – иди в ванну, помойся, полотенце на полочке чистое.

Галя находилась в какой-то прострации. У неё кружилась голова. От отвращения к насильнику тошнило. Её преследовал запах перегара и пота, смешанного с одеколоном, исходящим от него, который, казалось, пропитал всё её тело. Она стояла под душем, и остервенело, драила тело жёсткой мочалкой, пока в ванную комнату не заглянула Валентина.

– Да ладно тебе смылишься совсем вылась! Всё образумится!

Женщина помогла девушке обтереться полотенцем и, накинув на неё свой халат, провела в кухню. На столе, накрытом чистой скатертью стоял небольшой электрический самовар и початая бутылка дагестанского коньяка.

– Выпей! – Галя, молча и послушно пригубила из рюмки, – ещё пей. Пей, пей, я знаю, что говорю. Сейчас согреешься и заснёшь как убитая.

Потом она отвела Галину в комнату и уложила на диван, накрыв её лёгким одеялом. Проверив, что девушка уснула, комендантша закрыла свою квартиру на ключ и незаметно прошмыгнула к Галиной комнате. Аккуратно приоткрыв дверь, оставив небольшую щель, она приложила к ней ухо. Лейтенант что-то говорил уже почти совсем протрезвевшему насильнику. Валентина прислушалась.

– Надеюсь, я всё доступно объяснил? Уточнять не надо?

– Нет.

– Расписывайся под подписью Ильиничны.

После недолгого молчания, послышался голос совсем потерявшего волю Константина Михайловича.

– Чего ты хочешь? Чего тебе надо от меня?

– Вот! Наконец, наш разговор переходит в конструктивное русло. Во-первых, вы должны понять, что теперь, первостепенно. Что нужно мне, то это надо будет и вам в особенности. Нам обоим нужна тишина. Я так думаю?

– Кончай свою демагогию разводить. Конкретно, чего ты хочешь?

– Да ничего особенного. Ничего не исполнимого. Просто мне надоело быть мальчиком на побегушках, засиделся я в участковых. А у нас, как вы знаете, как и везде. За всё надо платить. Каждая должность имеет свою цену.

– Сколько? – увидев цифру, какую написал капитан на клочке бумажки, Константин побагровел, – слушай лейтенант не зарывайся, скажи реальную сумму, и разойдёмся по-хорошему.

– Реальней не бывает. Сумма не оговаривается, – Борис неприятно ухмыльнулся.

– Ну, ты фрукт. Не знал... Ладно, всё?

– Нет, легко отделаться хочешь? Я знаю, что ваши работники должны получить квартиры в новом доме?

– Тебе что квартира нужна?

– Мне нет, меня моя квартира устраивает. А вот этой девчонке и Валентине квартирка нужней.

Комендантша, услышав его слова, чуть ли не прилипла ухом к щели в двери.

– Валька и так получит, эту общагу сносить скоро будут.

– Получить-то она получит, но она одна, семьи-то у неё не вышло по твоей милости. И деток не получилось. Так ей, что ещё и в коммуналке век предстоит коротать? Как говорится, поматросил...

– Вот жаба. Так это её рук дело? Я так и знал! Отомстила гадина. Ладно, будет ей квартира. А с девчонкой не грузи меня. Ничего не получится. Она пять лет в Москве не прожила. Соображай, какая квартира ей, молода ещё. В другую общагу переселим.

– Да нет, это ты соображай, – Боря легонько постучал ладонью по фотоаппарату.

– Когда кассету с плёнкой и бумаги отдашь?

– Когда все условия выполнишь.

Перекрестившись, Валентина быстро ретировалась и тихо исчезла за своей дверью.

Галина проснулась глубокой ночью от мучившего её кошмара. Она соскочила с дивана, прошла в кухню. Приложив к губам чайник, стала жадно пить воду. Услышав шум, к ней подошла Ильинична и села за небольшой стол, внимательно наблюдая за Галей. Наконец девушка заметила её.

– Страшные сны замучили. Будто кто-то душит меня. Горло пересохло.

– Понимаю, – тихо ответила та, – водой беду не залить, – да ты не расстраивайся особо.

– Не расстраиваться? А что мне потом мужу говорить? Он же меня будет нечестной считать, – Галя заплакала.

– А что есть, кому рассказывать?

– Пока нет, а когда будет? – Галя разревелась с новой силой.

– Господи, его ещё и в помине нет, а она о том, что он подумает, переживает. Вот, что моя милая я тебе скажу. Поставь себя с тем, кто появится так, чтобы он не смел тебе об этом, даже вопроса задать. Поняла?

– Как это?

– Обыкновенно. Вопросы мужики задают, когда видят, что женщина зависит от них. А если она сама себе и своей жизни хозяйка, они больше помалкивают. Лишь бы при них была. Я тебе точно говорю. Ты вот, что не разнюнивайся, а раз так вышло, выгоду для себя сделай.

– Какую выгоду? А любовь как же?

– Любовь! Эх, ты! Любовью сыт не будешь. Хорошо Борька Голиков, участковый наш, вступился за тебя. Опоздали мы с ним малость. Не рассчитали. Но может оно и к лучшему.

– Куда опоздали, что не рассчитали?

– Всё не реви. Забудь, что было. Лучше слушайся Борьку. Он мужик хваткий, да и не женат ещё. Присмотрись. Всё, всё, пошли спать.

Только днём Галя заставила себя вернуться в свою комнатушку. Здесь всё было чисто и убрано. Постель застелена свежим бельём и новым одеялом. На столе появилась скатёрка. Ничего не напоминало о вчерашнем происшествии.

Галя, как обычно ходила на работу, а по выходным они встречались с Катей. Она не стала делиться с подругой о том, что с ней произошло. Ей было стыдно рассказывать об этом, невыносимо больно вспоминать. Хотя по тому, как цыганка смотрела на неё, Галя поняла, что она возможно в курсе всего произошедшего.

– Ладно, не хочешь сейчас, потом расскажешь, – сказала при очередной встрече Катя, – а вот твой талант Галина зря пропадает, мы бы с тобой знаешь, какие деньги имели бы?

– Катя ты хочешь, чтобы я тоже у вокзалов гадала и чемоданы уводила у пассажиров, – обижено спрашивала её Галина.

– Зачем? Я у вокзала никогда не гадала, да и на самом вокзале давно не была. Давай придумаем тебе историю, снимем домик в Подмоскowie и будешь ты людям судьбу предсказывать. Я тебе столько людей буду присылать, в золоте вся ходить будешь. Я тебе помогу.

– Ты для себя и сними домик. Ты на человека взглянешь и сразу знаешь, что с ним было и что будет. Мне до тебя далеко. Я даже до бабушки своей не дотягиваю.

– Это потому, что в этом интереса не видишь. Никакое дело не пойдёт, если в нём не заинтересуешься. Вот посмотри на меня внимательно, что обо мне скажешь? Что меня ждёт? Или не скажешь? – Катя внимательно посмотрела на Галину.

– Почему, скажу. Скажу, что ждёт тебя дорога дальняя, да опасная. Вижу я в твоих глазах острое лезвие ножа. Это ты, Катя по нему ходишь.

– Да, я бы с удовольствием, не ходила, да кушать хочется вкусно, и жить красиво. Только вот беда, примелькалась я местной милиции. Меня сразу вычислят, не посадят, так разденут до трусов.

– А я думала, что у тебя в милиции друзей много.

– Знаешь, девочка, что скажу тебе. То, что я имею не друзья, а нужные люди. Иметь таких людей хорошо, но иметь их надо в меру. А то, разденут до трусов и забудут. А друг, это тот человек, от которого ничего тебе не требуется. Я, вот, тебе настоящий друг. Ну, что будешь работать со мной? А, да что я тебя уговариваю! Не видишь своего счастья, права твоя бабка.

Галине нравилось бывать у Катерины. Она могла часами слушать её авантюрные истории, в которых ей приходилось участвовать. Примеривать эти случаи на себя.

– Знаешь, то, что со мной произошло, будто уже происходило раньше. Да и бабушка предупредила, что ничего хорошего меня в Москве не ждёт, – однажды грустно Галя поделилась с подругой.

– Одно тебе скажу, твоя судьба в твоих руках. У тебя есть время изменить линию своей жизни. Будь внимательней к тем, с кем ты общаешься. И помощи не от кого не жди.

Галина старалась быть внимательной. Особенно к Борису, который частенько забегал к ней после всего случившегося и с которым они по-дружески болтали, рассказывая друг другу обо всём произошедшем за неделю. Только Галя с каждым его приходом ловила себя на мысли, что ей очень хочется, чтобы он остался у неё и никогда не уходил. Она слушала все его советы и верила ему даже больше, чем Кате. Любила она Бориса или нет, она и сама не могла понять. Но с ним ей было хорошо даже без близких отношений, которые он не допускал.

Борис уговорил её скрыть от родственников то, что с ней произошло. И тут она послушалась его совета.

– Толку с того? Допустим, скажешь, а что изменится? Они приедут и заберут тебя? Так ты сама уже не сможешь жить, как прежде. Ты лучше будь хитрее с этим боровом. Ты как себя чувствуешь? – однажды, как-то заинтересованно спросил он её.

– Нормально, – ответила Галя. Но странно, через несколько дней она почувствовала сильную слабость и тошноту.

– Я никак сглазил? Слушай Галя, ты случайно не того?

– Чего того? – искренне удивилась она.

Но зашедшая к ней после ухода Бориса Валентина вскользь поинтересовалась, была ли у неё задержка. Выяснив, что была, как показалось Галине, обрадовано вскрикнула: – И что молчишь? Ладно, без меня ничего не предпринимай.

Галя словно окаменела. Только сейчас она поняла – она беременна.

– Ну и дура я, действительно. Что же делать? Я никак не могла поверить, что с первого раза могу забеременеть. Да ещё от этого противного уroda. Надо вызвать на переговоры бабушку, – в панике думала она.

Но вызывать никого не потребовалось. Наоборот, вызвал на переговоры её Константин Михайлович.

Галина, испуганно смущаясь, вошла в его кабинет. Красный от волнения начальник, постоянно вытирая пот со лба сел напротив неё.

– А ты оказалась ещё той залётной птичкой. Ладно, ладно. Сам виноват. Значит так: денег на аборт я, конечно, дам. И квартиру ты получишь, разумеется, после аборта и расселения. Но договоримся, что после переезда в новую квартиру, ты увольняешься.

Галина зарделась, ей показалось, что в кабинете совершенно исчез кислород. Она смотрела с ненавистью в бегающие с какой-то белой плёнкой глаза толстяка и с вызовом тихо и убедительно ответила, – посмотрим!

Константин Михайлович резко встал со стула.

– Ну, ну... Понятно. Что говорить, хорошая школа. Ох, и Борька стервец, одним ударом три дела решил!

– Какие три дела? – удивилась Галина.

– Ты дурочку непонятливую из себя не строй. Какие три дела? Святая троица, стоворились? Да? Ну, ты и артистка! Слушай, а ты точно залетела? Или так, решили припугнуть меня? А может ты от Борьки того?

– Замолчите! Какие три дела? – твёрдо повторила она вопрос.

– Квартиры тебе и помощнице твоей Валентине, та ещё штучка. Должность твоему новому хахалу за мои деньги. Да, ладно, уж иди. Возьми деньги на аборт и ещё останется. Иди, иди. Жаба твоя всё устроит. Она всему научит. Иди, – он взял её небольшую сумочку, положил в неё деньги и открыл дверь кабинета, показывая ей на выход.

Галя выскочила на улицу и села на первую, попавшуюся на её пути скамейку. Она не хотела верить тому, что говорил Константин.

– Нет, это не правда, Боря не такой. Он не мог меня использовать.

Гале сразу понравился этот высокий русский старше её лет на шесть парень. А после всего произошедшего, она считала его своим спасителем. Добрым Ангелом, вовремя прилетевшим, чтобы спасти её от рук подлеца. Она не плакала, слёзы сами ручейками катились из её глаз. Незаметно для себя, она оказалась у дома Кати.

Катерина выглядела растерянной и чем-то обеспокоенной. На диване лежала сумка, в которую она быстро бросала свои вещи.

– Что у тебя случилось? – увлечённая своим делом, спросила она Галину.

– Ненавижу, ненавижу их всех!

– Значит, Борька всё подстроил? – выслушав её рассказ и совсем не удивившись услышанному, как-то безразлично спросила Катя.

У Галины сдали нервы. Она разрыдалась, закрыв лицо ладонями.

Катя словно опомнившись, кинулась к ней, села рядом и обняла за худенькие плечи.

– Ну, что ты, успокойся.

– А я-то думала, он любит меня! Ненавижу! – сквозь рыдания говорила Галя.

– Ты забыла, о чём я тебя предупреждала? Ты сама должна выстраивать так отношения, чтобы твой любимый зависел от тебя, а не ты от него.

– Что мне приворожить его?

– Галя, мне сейчас очень некогда. Я должна уехать из Москвы на некоторое время. Не могу тебе ничего сказать. Да и тебе сейчас опасно со мной.

– Что у тебя случилось?

– Это долгая история, потом всё расскажу.

– А мне что делать? Я хотела посоветоваться с тобой. Я боюсь делать аборт.

Но, Катя, взяв дорожную сумку и ещё какие-то вещи, быстро пошла к выходу из квартиры.

– Я приеду, и мы поговорим с тобой. А пока не сердись подруга, быстрее взрослей. И не ищи советчиков в этом вопросе. Сама! Запомни, вся твоя жизнь зависит от принятия собственных решений.

Обняв Галину и погрузив вещи в свой автомобиль, Катя быстро скрылась за поворотом дома.

Галине так плохо и мерзко на душе ещё никогда не было. Медленно она возвращалась в общежитие. Увидев шедшую к подъезду Галину, Валентина постучала по оконному стеклу, показав жестом, чтобы она зашла к ней.

– И чего опять вся в слезах? – спросила она её.

– Как вы могли? – Галя, заплаканная села на стул в кухне, куда привела её комендантша.

– Кто, чего мог? – непонимающе спросила её она.

– Всё вы понимаете. Вы просто продали мою девственность за квартиру, должность, – зло выкрикнула Галя.

– Ой, ты! Боже мой! Девственность! Скажи спасибо, что так всё вышло.

Меня этот кабель столько лет мучил за просто так. Ну, комендантом сделал, велика плата! Поселил в этой коморке. Так для своей же кобелиной выгоды. Шлындак ко мне, когда хотел. А года летят детка. Вот мне скоро сорок. Вроде не стара, да уже никому нормальному и не нужна. Так, что не бери грех на душу. Борька и спас тебя от этого упыря больше он к тебе на пушечный выстрел не подойдёт, и квартиру ты получишь не где-то со старыми дырами, а в новом доме. Так, что не прикидывайся, что ничего не понимаешь. А аборт я тебе устрою. У меня знакомая врачиха есть, делает всё честь по чести. И нигде ничего значит, не будет. Подумай своей головой.

Галя думала. С одной стороны ей было тяжело, обидно, что с ней так поступили. Но с другой стороны, что её ждёт дома с ребёнком на руках? А если рожать дитя, здесь в Москве она одна не справится с навалившимся на неё таким грузом.

– Да и рано мне ещё детей заводить. Что хорошего? Вот моя мама со мной вернулась в родительский дом. Бабка по сей день её скубёт, за то, что мать от мужа сбежала. Катя права. Надо менять свою судьбу. Не пойду я по стопам матери. Жизнь одна. Решусь на аборт. Конечно, грех убивать только что зародившуюся жизнь, но с другой стороны, детей я хочу иметь от любимого. Нарожая потом детей. Только вот Борис... Может он меня совсем не любит? А может, наоборот, это и есть любовь? Борис мог и раньше такое проделать с другой девчонкой, мало через Константина их прошло, а он решил мне таким образом помочь. Может и правда, он тогда хотел раньше подойти, но не успел?

Борису тоже понравилась эта наивная совсем не искушённая жизнью в столице девчонка. Ему не очень хотелось использовать её для достижения своей цели. Но и упускать такой случай он не хотел. Он давно заметил, что Константин был любителем молодых девчонок и очень часто пользовался своим служебным положением. Знал о его проделках. И когда к нему подошла Катя цыганка с просьбой помочь приезжей знакомой, Боря сразу смекнул, что мимо симпатичной Гали этот сластолюбец не пройдёт. Правда Борис не думал, что получится, так как вышло, надеясь на то, что вовремя выручит девчонку.

– Но что поделывать, найдёт себе мужа. Молодая ещё. Кто сейчас на эту девственность смотрит. А мне спешить надо. Карьеру за год-два не построишь. А жизнь крутится, как колесо. Не запрыгнешь вовремя на нужную подножку, подомнёт тебя житуха, размажет, как масло на бутерброде.

Галина лежала в операционной на кресле. От сделанного укола помещение кружилась в глазах, убыстряя вращение. Казалось, она сейчас взлетит высоко в небо вместе с этим креслом и с этими голосами, которые она отлично слышала.

– Господи, дошляются до крайности, потом приходят детей кромсать, – говорил грубый женский голос.

– Римма Мирабовна она же слышит, – отвечал ей тоненький голос медсестры.

– Вот пусть послушает! Я ещё ей могу показать. Слышишь? Показать тебе ножку оторванную? А вот ручка. Раньше не судьба прийти? Сто раз зарекалась не связываться с такими сроками.

– А чего берётесь, – спрашивала медсестра.

– Чего, чего, так к другим попадёт такая, так и её и плод придётся закапывать. Всё! Хватит болтать, кровотечение никак не могу остановить!

Галина потеряла сознание. Очнулась она уже в палате. Рядом стояла врач, сделавшая чистку и Валентина.

– Возьмите деньги, Римма.

– Что думаешь, не возьму? Возьму, не моя вина, что так произошло, а работу я свою сделала. Всё, что смогла, но больше с таким сроком – это не ко мне.

После ухода врача, Валентина наклонилась над Галей.

– Не спишь? Очнулась?

– Что со мной?

– Что? Лежи, потом поговорим.

Но Галина потребовала сказать ей всю правду.

– Не сможешь ты больше рожать, милая. Но ты не переживай...

Она ещё что-то говорила, утешала, пыталась успокоить. Но Галя закрыла глаза и отвернулась от неё. Слёз не было. Ей просто хотелось остаться одной.

– Уходите, идите, я всё поняла.

На следующий день, приехавший за Галиной Борис, заметил изменения в её поведении. Она молча села в его старенький «Жигулёнок». Борис не стал говорить лишние слова утешения он также молча, довёз Галину до общежития.

– Как твоя работа? – спросила она его.

– Да, всё пока по-старому.

– Тебя ждут перемены. Скоро ты отличишься на своей работе и получишь новое звание, потом ещё одно, – как-то тихо и задумчиво ответила Галина.

– Чего, чего? Откуда ты знаешь?

– Я много чего знаю и вижу, начальником ты не станешь. Во всяком случае, в этом отделении, – Галя ушла, а Борис ещё некоторое время сидел в автомобиле, думая об изменениях, произошедших с Галиной.

Прошло время и Борис, получил очередное звание. Тогда он подумал, что Галина могла заранее узнать что-то об этом событии. Но то, что он задержит нарколога, даже он не мог предположить. И то, что при возникшей перестрелке он спасёт старшего по званию товарища, и за этот поступок ему вскоре присвоят внеочередное звание, даже он не мог предположить. Взяв шампанское и коробку конфет «Ассорти» он вошёл в общежитие.

– Давно тебя не было. Куда ты подевался? Смотрю, как звёздочки получил, так дел много появилось? Героем стал наш Боря, – налетела на него Валентина с поздравлениями и расспросами, – вижу, что шампанское не мне к Галине навострился? Иди, иди. Она тоже у нас теперь важная особа.

Около дверей комнаты Галины толпилась кучка людей.

– Что здесь происходит? – обратился он к стоящим у стенки женщинам.

– Мы к Гале.

– Зачем? – удивился Борис.

– Узнать, что нас в Новом году ждёт, – загалдела небольшая очередь.

– Так, так, сейчас разберёмся, – Борис без стука вошёл в Галину комнатку.

Она сидела за столом и раскладывала большую колоду карт.

– Встреча тебя ждёт, но до замужества дело не дойдёт, а вот забеременеть можешь, – говорила она какой-то девушке.

Увидев удивлённого Бориса, Галина выпроводила клиентку.

– Это Кати – цыганки школа? – спросил её Борис.

– Не совсем. Я тебе рассказывала, что мне от бабушки дар передался. Поэтому я знала, что ты сегодня придёшь.

– А ещё что ты знаешь? – он подошёл к Галине.

– А ещё я знаю, что ты сегодня останешься у меня, а в дальнейшем нас с тобой жизнь свяжет прочной нитью.

Глава 9

Зимой Галина получила однокомнатную квартиру в этом же районе, выехала из общежития и на радость Константина Михайловича уволилась с работы. Много раз она звонила Кате домой, приходила к ней, но за дверью стояла глухая тишина, телефонную трубку никто не поднимал. Катя пропала, но почему-то Галя не видела её среди мёртвых, и это оставляло ей надежду на то, что они ещё встретятся. Борис так и остался участковым, правда, старшим. И был этим очень недоволен. Он мечтал поступить в Академию МВД, для этого ему требовалось подняться по служебной лестнице, а не прозябать в вечных «Анискиных».

А время несло. Вот уже и наступил восемьдесят второй год. Ноябрь. Скончался генсек Брежнев. Через месяц сняли Щёлокова. В МВД наступили трудные времена. Как-то быстро и суетно пронёсся следующий год.

Галя под опекой Бориса вкусила сладость лёгких денег. Боря и здесь подсутился и пристроил её трудовую книжку в местную жилконтору. Всё-таки закон о тунеядстве ещё никто не отменял. Поэтому Галя, не обременяя себя официальной работой, без проблем принимала жаждущих узнать своё будущее у себя на дому. Клиентов было много. Их благодарности хватало и на жизнь и на то, чтобы отложить что-то на чёрный день. Жизнь завертелась, одно тяготило Галину. Маленькая квартира и то, что Борис не делает ей предложения выйти за него замуж.

– Чем тебя не устраивают наши отношения? – говорил он ей, – надо жизнь сначала наладить.

Но Галя понимала, что его сдерживает то, что у него с ней не будет детей. Но отпускать Бориса она не хотела. Первая любовь полна иллюзий и привязанностей.

А Борису было не до любви тем более не до детей. Он никак не мог вырваться по службе на следующую ступень своей карьеры. Его тяготила нудная, неблагодарная работа участкового. Как-то он собрался и решил пойти к Константину и попытаться ещё раз вытянуть с него деньги. Но когда настроился на визит, то Галя, разгадав каким-то образом его намерения, остановила его. – Он тебе ничем не поможет. Умирает он. У него рак последней стадии. А бумажки свои порви и выбрось.

– Откуда ты всё знаешь? Я скоро буду бояться тебя. Не очень приятно, когда предугадывают твои шаги и шарят по твоим мыслям, – зло сказал он ей и пропал на несколько мучительных для Гали недель.

А Галя хотела любви, семьи. Она устала от постоянного общения с людьми, которые вешали на неё свои болезни, неудачи. Люди же хотели счастья, любви, прибыли и думали, что гадалка, как в сказках, махнёт волшебной палочкой и всё у них будет, как мечталось.

Однажды, весной восемьдесят четвёртого к Галине не пришла, а ворвалась недовольная особа, от которой всё-таки, несмотря на Галин заговор, ушёл муж. Она громко кричала, называя её молодой шарлатанкой и обзывая более крепкими ругательствами. Гале еле удалось успокоить недовольную женщину. Она, сказала ожидавшим приёма людям, что приёма сегодня не будет, ей нужно очищение от полученной скверны и убежала на улицу.

Ещё прохладный весенний ветерок немного остудил возбуждённую женщину. Она прошла мимо нескольких домов и оказалась на небольшой детской площадке, окружённой вокруг деревьями, кустарниками. Тихий уголок благолепия. Тишина и покой. Галя облокотилась на лавочку и закрыла глаза, погружаясь в небольшое забытие.

Отпустить от себя тревожные мысли ей никак не удавалось. Она думала о том, что по большому счёту она одна. Ей так хочется поделиться с кем-то, да что там, просто поговорить. Но Катя не возвращалась, что очень странно. А Боря? Боря одержим одним – своей карьерой. Такое впечатление, если он не станет генералом, как мечтает, то он просто потеряет разум.

– Возможно, он уже его теряет. У него одни разговоры про «если бы и как».

Сколько я ему говорила, только неуверенный в своих силах человек постоянно жалеет себя. Он неосознанно даёт своему мозгу установку, заменяя волевое «я сделаю, я добьюсь, для этого мне надо сделать» на безвольное «если бы мне помогли, если бы не такая ситуация, нет денег». Поэтому его мозг находится постоянно в расслабленном состоянии. У мозговых извилин нет хорошего кнута, который их подвигал бы к действию. А кнут, это приказы самому себе «надо, я могу, я добьюсь». Тогда и решение проблемы приходит. Господи, я говорю словами бабушки. Да, взрослою. Понимание смысла наших с ней бесед забытых мною, всё чаще всплывают в памяти. Где-то я читала, что наша память устроена таким образом, что слушая, мы забываем то, что в данный момент нам не интересно. Но в нужное время, даже через много лет, память преподнесет нам сюрприз, вытащив из своего дальнего уголка именно то, что в данный момент для вас жизненно необходимо.

Галя нежилась под тёплыми лучами солнца, успокаиваясь от воспоминаний, которые раньше раздражали её. А теперь, думая о маме и бабушке, она очень скучала

по ним, по родным местам. Теперь ей казалось, что во многих вопросах бабушка была права, хотя она никогда не хотела бы жить «под её чутким руководством».

– Ты что здесь делаешь? – Галя вздрогнула, услышав голос Бориса.

– Тебя жду, знала, что ты пойдёшь, – Галя пошутила, зная, что Борис побаивается её интуитивных попаданий в его действия. И хотя она совсем не догадывалась о его маршруте, ей было приятно видеть испуг, промелькнувший в глазах Бориса, – где же ты пропал, любимый?

– Ты знаешь, тут такое дело. В общем, ты же мечтала иметь просторную квартиру?

– Конечно, только каким образом?

– В общем, тут вызвал меня наш начальник и попросил найти квартиру для его дочери на моей земле.

– Как это найти? Что бесхозные квартиры валяются на твоём участке?

– Не перебивай. Проживал на моей земле один кадр. Алкаш конченный. Его автомобиль попал в аварию, семья погибла, а он остался жив. Вот и спился мужик. Из своей трёхкомнатной квартиры притон устроил.

– И что?

– И ничего, теперь там дочь начальника ремонт делает.

– А почему проживал? Где он теперь?

– Переехал. Денег ему дали, куда-то к родственникам подался. Так я подумал, тебе людей принимать негде, может и тебе подобрать квартиру?

– А что так много на твоей земле алкоголиков с большими квартирами?

– Ты даже представить себе не можешь сколько. Есть пожилые люди, которым деньги нужны и они с удовольствием переедут в сельскую местность с доплатой. Вариантов толковых много. А деньги всем нужны.

– Деньги у меня, конечно, есть, только не думаю, чтобы их хватило на обмен квартиры.

– Не переживай, я помогу. Считаю, что двушка у тебя уже есть.

С новыми заботами Галина приободрилась и с энтузиазмом взялась за освоение нового жилища. Хозяина двушки она не видела, да как-то ей он был не интересен. Пьющий человек совсем пропадёт в городе в окружении таких же алкоголиков. А за городом на воздухе может за ум возьмется, думала она, тем боле Борис сказал, что хозяину достался домик небольшой, но ухоженный. Огород, сад неплохой. Да и речка рядом, вот и рыбалка тебе, пожалуйста.

Проскочила весна, пролетело лето, в начале первых холодов, Галина опять решила выяснить, где Катя. Но в этот раз она не стала звонить ей по телефону, стучаться в дверь. Она сразу подошла к соседской двери. Открыла ей всё та же словоохотливая старушка, которую раньше Галина видела вечно сидящей у подъезда.

– Пришла? Заходи, – старушка, пропустила её в квартиру, чему очень удивилась Галина. Раньше, как Галя не стучала и не звонила в дверь, ей никто не открывал.

– Антонина Петровна, что-то стало известно о Катерине?

– Быстрая ты какая. Оно и было известно.

– А почему вы мне не открывали, молчали столько лет?

– Велено было молчать, поэтому и не открывала.

– Кем велено, – у Гали задрожали губы, то ли от обиды, то ли радости, что Катя жива, хотя чувство, что она жива, никогда её не покидало.

– Кем? Каткой конечно шалопутной. Да ты на меня не обижайся. Она мне как дочь. На моих глазах выросла, когда мать её, Царство ей небесное Лялечка на гастроли уезжала так я всегда за ней присматривала. У меня же никого не осталось. Сын мой алкоголик, тоже Царствие, – старушка ещё много чего рассказала бы из своей жизни, но Галя прервала её.

– Антонина Петровна, так что с Катей, где она?

– А я откуда знаю? Позвонила вчера узнать, получила ли я перевод. Она мне каждый месяц, как часы, высылает деньги на оплату квартиры, да и ещё прибавляет к пенсии. Сейчас же пенсию по два месяца ждать приходится, так она мне помогает, – Гале опять пришлось прервать говорливую старушку, – Катерина сказала, что если ты придёшь, передать тебе, что с ней всё в порядке, скоро явится к тебе.

– Как хорошо, что она нашлась! Я же квартиру поменяла. Вот адрес.

Новый восемьдесят пятый год они встретили вместе. Галина, Борис и Катерина.

– И где ты пропадала красавица, – спросил её Борис?

– Да никуда я не пропала. Ты уж прости меня, подруга, – она обняла Галю за плечи. Снимала квартиру в Подмосковье, так же работала.

– Ну, да! Никак на работу вышла? – с улыбкой спросил её Борис.

– Ага, в Кремлёвские палаты, – огрызнулась она, – не переживай, в Подмосковье работы больше, чем в Москве и спокойней. Ко мне сама жена начальника районной милиции приходила. Так, что в этом плане у меня всё в порядке.

– Так почему ты так скрылась быстро и не сказала куда, – обижено спросила её Галина.

– Не хотела тебя расстраивать, да и опасно было.

– Ладно, колись, что там у тебя, – Борис удобней сел в кресло.

– Когда ты ко мне пришла в последний раз, я в тот день узнала, что мой брат по отцу, меня заказал. Достал он меня совсем. Всё дарственной от меня на квартиру добивается. Сво-лочь. Поэтому и убежала тогда. А почему тебе не сказала, побоялась, что к тебе своих дру-жков пришлёт. Потом позвонила Петровне, договорилась, что она будет оплачивать квартиру, и чтобы никому ничего не говорила обо мне. За эти годы я сколотила приличную сумму. Только теперь и оттуда мне бежать пришлось.

– Что и там братец нашёл? Да закажи и ты его, – сказал Борис смеясь.

– Не он. Пришли ко мне ребята шпана заезжая, пальцы растопырили и условие поставили. Да, «крышей» себя назвали. Вот я и решила, пока моя крыша не потекла, домой вернуться.

Галя мало что поняла из рассказа подруги. Заказали, крыша. Для неё было достаточно, что она вернулась, и теперь ей стало намного легче на душе.

Уже под утро Борис вышел на балкон, чтобы выкурить сигарету. К нему присоединилась и Катерина.

– Борь, ты это серьёзно сказал?

– О чём это ты? – удивился Боря.

– О заказе. Может и правда, у тебя есть такой человек? Я хорошо заплачу и тебе и ему. Но только без смертоубийства. Так, популярно объяснить ему надо, чтобы он отстал от меня совсем.

– Совсем? Потом поговорим, – серьёзно ответил ей Борис.

Галя чаще стала ловить себя на мысли, что при видимом благополучии удовлетворённости жизнью на душе её появляется всё больше беспокойства. Она вдруг стала замечать в отношениях Бориса не холодность к себе, но ровность. Он приходил к ней только в определённые дни в определённый час и на определённое время. Она стала замечать его отстранённое отношение к ней. Любовью такие отношения назвать было не возможно. Её тяготило такое положение дел, но с другой стороны, она к нему привыкла и боялась жизни без Бориса.

К этим беспокойствам добавилось предостережение Кати.

– Ты, что ничего не замечаешь? Смотри, – говорила Катя, раскладывая карты перед Галиной, – женится он скоро. Слушай Галка, ты бы отослала его куда подальше. Скользкий он человек. Пробыться-то он пробьётся. Добьётся, чего хотел, но

Да, что я тебе говорю? Ты совсем не слушаешь меня.

Галя не прислушивалась к её советам, но она и так знала и понимала, что скоро что-то изменится в их отношениях с Борисом. Она чувствовала, что и у Кати что-то произошло с Борисом. После совместной встречи Нового года они стали избегать встречи друг с другом. Галя как-то напрямую спросила подругу об их отношениях между ними, на что та ответила, что все её домыслы о близости с Борисом ерунда, а деловые отношения, её пусть не касаются. Да и карты подтверждали слова Кати.

Борис уже стал забывать свою мечту. Перемены в стране изменили его жизнь не только в лучшую сторону, но и потихоньку меняли его мировоззрение.

– Конечно, карьера хорошо, но лучше, когда она идёт в ногу с благополучием.

С открытием нового вида заработка, Борис понял, что деньги ему нравятся намного больше карьеры, которую честным путём всё равно не добиться. А всё началось с толчка его начальника, который с такой просьбой мог обратиться к любому своему подчинённому, но почему-то для этого дела выбрал именно его. Устроив квартиру для своей дочери, отношение начальника к нему осталось прежним. А Борису уже было всё равно. Он в паре с одним ушлым парнем, который называл себя громким заграничным определением Риелтор и знакомой женщиной нотариусом, которой как-то Борис помог в личном деле, провернули несколько выгодных обменов. Если их так можно назвать. Бедолаги алкоголики безвозмездно отдавали свои квартиры в обмен на прописку за городом, а потом странным образом исчезали. Определения: безвозмездно, дарственная, в счёт определённой суммы, включала в себя разные способы отъёма квартир. Только переезд несчастных был одинаков и в одну сторону, откуда обратной дороги нет.

Начальник отделения милиции стал замечать изменения в своём подчинённом. Из шустрого и всегда старающегося угодить начальству майора он за несколько лет превратился в высокомерного с каким-то пренебрежительным взглядом на окружающих сослуживцев человека. Да и окружение начальника стало шептаться о левом доходе старшего участкового. А Борис особенно и не скрывал свой достаток. На работу приезжал на поддержанной, но отличной «Волге», хотя у самого начальника была занюханная «Победа» можно сказать антиквариат неухоженный. Как ему это удавалось?

Владимир Семёнович полковник, начальник местного отделения милиции хорошо понимал, что на дворе уже девяностый год. Времена лихие. Он тоже так сказать с «рыльцем в пуху», чего не бывает? Кушать всем хочется. Раньше при застое, тоже всякое разное было. Но их поколение имело стыд и хитрость. Не всё на показуху. Добыл денег так с умом их спрячь, до поры до времени, а то на тебе сразу «Волга», да ещё такая списанная из какого-то министерства. Так и до «Мерседесов» добраться можно на которых сейчас братки рассекают.

– Нет, надо проверить, что да как. О подчинённых надо знать всё. Мне скоро на пенсию, а тут такой кот в мешке, – размышлял полковник, наблюдая за своим ушлым подчинённым.

Пришлось ему переговорить со своим замом по секрету, которому идея проверить потихому зазнавшегося участкового пришлась по душе. И он не только проверил, но как гово-

рится и нарыл такого, что даже не решился показать материал на участкового начальника, а решил на прямую, в лоб потолковать с самим Борисом.

– Не хорошо Борис, так прибыльно работать на нашей земле и не делиться. А в случае чего, кто твою... в смысле тыл твой, кто прикроет? Вот посмотри на эту папочку, видишь? Во сколько ты её оценишь?

Борис оценил. Пообещав ему внушительную сумму, дал Риелтору задание отправить товарища заместителя начальника «типа» на рыбалку или ещё на какое-то мероприятие, да так отправить, чтобы потом и след его простыл. А папку изъять. Очень боялся Борис, что пойдёт что-то не так и папка окажется у Владимира Семёновича. Или всплывёт потом копия документов. Так и случилось. Папки у зама с собой не оказалось. Риелтор, чёртов недоумок, сначала показал деньги и тут же шлёпнул шантажиста, надеясь, что папка с ним.

– Слушай, может папочку ты у себя припрятал до подходящего момента, – спросил его Борис.

И хотя он понял, что к этому не очень умному парню не могла прийти такая идея, всё-таки решил убрать и его. На всякий случай. Случай подвернулся. Свернул он ему шею, а тело выбросил на тёмной подмосковной обочине.

А сам в этот же день, купив шикарный букет и шампанское, решил навестить дочь своего начальника, девушку не замужнюю, заканчивающую Юридическую Академию и любительницу ночных клубов.

Прошло недели две после того, как дочь Владимира Степановича категорично заявила отцу о том, что выходит замуж за Бориса, когда не успевший опомниться от заявления дочери начальник получил известие, что его заместитель уехал на рыбалку и не вернулся. Так Борис вскоре стал не только зятем своего начальника, но и его заместителем. Почти забытая мечта продвинулась.

Галя, узнавшая об этом событии, совсем сникла. Предполагая что это когда-то да случится она в душе теплила надежду на то что Борис всё-таки не оставит её.

– Ну, что ты хотела, чтобы он всю жизнь около тебя крутился?

Привыкай жить самостоятельно. Да и хорошо, что он отвалил от тебя. Гад твой Борька, такой подлец, – жужжала ей постоянно Катерина.

– Что ты о нём знаешь, чего не знаю я? – постоянно спрашивала её Галина.

– Знаю, но не скажу. Всему своё время. Ты в курсе, что без вести пропал человек, чьё место он получил? Так вот, ко мне ходила и ходит его жена. А я её предупреждала, что пропадёт он в дальней дороге. Понимаешь? Смерть на нём лежала. Тогда не поверила она картам, а сейчас бегает ко мне. Но не это важно. Важно то, что и у меня кое, что на твоего Борьку имеется. Пусть только тронет нас.

– Катя ты о чём говоришь? Зачем ему нас трогать.

– А ты мозги-то раскинь, подумай, что к чему? Да! С чужими людьми у тебя лучше получается. А он твой разум совсем законсервировал.

– Надоело, всё надоело! И Боря этот предатель надоел и люди эти толпами, стоящие у моей двери.

– Кто это предатель у вас? Что тебе надоело, дорогая?

В комнату зашёл Борис, открыв квартиру своим ключом.

– Всё надоело. А ты предатель! Ключи отдай! – с вызовом выкрикнула Галина.

– Понятно. Не торопись, успокойся. А не съездить ли тебе в отпуск? На море хочешь? Я и денег дам? А приедешь, мы тебе для работы снимем помещение, я уже присмотрел, обставим всё, как положено. Хватит людей в квартире принимать.

Галина категорически отказалась ехать на море.

– Галка он прав, тебе надо поменять обстановку.

– Уж тогда лучше я съезжу домой. Мама несколько раз приезжала ко мне, а у меня всё не получается. Всё решено еду в станицу.

Возвращение домой Галины, сравнить можно было только с приездом заморской королевы на историческую родину. Мать не могла нарадоваться на неё, а вот совсем старенькая, но ещё крепкая бабка, напротив, держала себя всё также властно и без всяких церемоний и сюсюканий.

– Десять лет нос свой в родительский дом не казала. Не нужны были. А тут явилась! Королевна.

Но Галина, чмокнув бабку в щёку, сразу убежала к подруге Марине. Вечером бабушка с матерью затащили её в баню. Распарив до невозможности от души отхлестали душистыми вениками, да так, что разомлев, она долго не могла встать с лежанки. Но обкатив её несколько раз водой разбавленной варом из смеси трав, накинув на Галину лёгкую рубашку до пят, бабка вытолкала её на двор.

– Читай вот эту молитву, – она сунула ей старинный Молитвослов в красивом переплёте с выпуклым крестом на обложке. Галина открыла книгу. На обороте был рисунок распятия Христа.

Пока она читала молитву, за её спиной бабушка, бормоча что-то себе под нос, проделывала какие-то движения руками и что-то шептала.

– Всё! Заговорила я тебя. Три дня читай вот эту молитву. Дай Бог, может, убержёт тебя мой заговор от нечистой силы.

Глава 10

Скоро Галине надоела размеренная тихая жизнь в маленькой станице. Теперь на всё вокруг она смотрела другими глазами. Тишина, какой-то сонный покой, по утрам встревоженный первыми петухами, да мычанием коров, выгоняемых на пастбище, а скучными вечерами новомодными шансонными песнями пьяных от самогонки или палёной водки мужиков и остатков молодой поросли, вскоре ей надоела.

После ностальгических прогулок к требующей капитального ремонта школе, где она когда-то училась, к давно закрытому клубу, полупустому магазину, когда-то заваленному разными товарами, она заметила, как постарела станица. Куда-то исчезли большие красивые клумбы на небольшой площади. Всё как-то сразу обветшало, постарело, разрушилось.

– Впрочем, как и в Москве. Столица тоже изменилась не в лучшую сторону. У метро, да и в нём самом противно от грязи, неприятный запах от спящих в поездах бомжей, нищих, на тёмных улицах небезопасно. Да и в самой России дела не лучше.

Она заметила, что их дому требуется ремонт, что мама и бабушка всё больше пропадают в саду и огороде. А раньше так много они не сажали.

– Мама, я же высылаю вам деньги, зачем вы так корячитесь на огороде?

Моложе были, чаще всё из магазина покупали. А на старости решили мичуринцами стать?

– Да нет, дочка. С деньгами надо в центр ехать, да и там покупать нечего. Спасибо, конечно, что ты не забываешь нас, высылаешь деньги, но сама знаешь, что в стране творится. В магазине нашем полки давно опустели. Соль и ту не найти. Раньше привозили нам продукты, а теперь никому ничего не надо. Муку привезут, так влёт разлетается.

– Да, уж! – вставила своё слово бабушка. Наперестраивались, накрутили так, что совсем раскрутить не вмоготу. То ли ещё будет?! Помяните моё слово.

Завяла когда-то большая шумная станица. Молодёжь разъехалась по городам в поисках работы. Много чего Галина узнала из жизни знакомых сельчан от подружки Марины.

– А чего же ты осталась? Почему замуж не вышла? – спрашивала она её.

– Да, как-то не случилось. Закончила медучилище и сразу сюда вернулась. Работала, пока медпункт не сократили. Но всё равно, если что случается, все станичники ко мне бегут. Принимаю. Жалко стариков.

– Что ты со стариками свой век коротать собралась?

– А куда податься? Безработица кругом, а знакомых у меня нет, чтобы пристроили куда.

– А поехали со мной? Хуже чем здесь не будет. Борька мой, скоро начальником отделения милиции станет. Такой жук пробивной. Мне помог и тебе поможет.

Марина решила подумать до конца лета.

– Всё равно надо с огородом матери помочь. Да закруток наделать на зиму. Время будет всё решить и самой решиться на дальний отъезд из родного дома.

За месяц, проведённый среди родных, Галина и отдохнула и устала одновременно. Отвыкла она слушать вечные назидания бабушки и видеть потухшие глаза мамы, которые наотрез отказывались переехать к ней в Москву.

Прибыв в Москву встречать её приехал, не Борис, которого ждала Галина, а опер из его РУВД.

– Вы Галина? – спросил её мужчина, увидев ищущий, растерянный взгляд женщины, стоящей около вагона.

– А я Стас, меня Борис Николаевич прислал встретить вас. Сам он никак не смог подъехать, да вы не обижайтесь, вы же знаете специфику нашей работы, каждый день если не убий-

ство, то ограбление, – успокаивал он её, пробираясь через толпы провожающих, встречающих и грязных людей непонятного возраста и вида с постоянно бегающими глазами.

– Помогу донести за недорого, – обратился один из них к Галине и Стасу, видя, с каким усилием они переносят тяжёлые банки с консервированными помидорами, огурцами и другими дарами природы от родных Галины.

– Иди мимо, – грубо отправил услужливого бомжа Стас, – а, правда, у вас подарочки тяжеловесные. Запасы на всю зиму? – улыбаясь, спросил он Галину.

– Если доживут до зимы. Стоит только баночку открыть, влёт улетит, не распробуешь.

– Да? А мы сейчас приедем и попробуем и распробуем.

Галина искоса посмотрела на мужчину.

– Ничего, – подумала она, – симпатяга.

Добираться от вокзала до дома Галины, даже не смотря на орущую милицейскую «мигалку», которую Стас прикрепил к крыше своего старенького импортного автомобиля, им пришлось около двух часов. Сначала Стас и Галина переглядывались друг с другом, потом разговорились. А когда подъехали к её дому, некоторое время молча, сидели, не решаясь выйти из автомобиля, словно оба боялись расстаться навсегда. Галина явно почувствовала от этого мужчины какое-то невероятно тёплое притяжение. Ей не хотелось, чтобы он уезжал. Таких чувств при встрече с Борисом Галя никогда не испытывала. Она чувствовала, что не только он ей понравился, но и она захватила чем-то его душу.

– Ладно, чего сидим? – спросила она его, – кто-то собирался попробовать мои разносолы.

– А я и не отказываюсь, – Стас взял сумки и понёс их к подъезду.

– Значит так, я варю макароны, а ты беги за грилем и хлебом, я голодная, целую курицу съем.

В разгар пира и тёплой беседы позвонил Борис. Но узнав, что её встретили, и она уже отдыхает, спешно прекратил разговор, пообещав навестить её в ближайшее время.

– В принципе, зачем я ему. Вот тебя прислал, сам встретить поленился.

Закусывая коньяк рассказами друг другу о себе, они сидели до глубокой ночи. Но, вдруг, Стас крепко обнял Галину и поцеловал её в губы.

Утром, провожая нового знакомого на службу, прижавшись к его широкой груди, Галина сказала ему:

– Я буду тебя ждать. Приходи.

Вскоре, она так привязалась к этому высокому с басовитым голосом мужчине, что просто не находила себе места, если он пропал, хотя бы на сутки. Борис стал раздражать её. Ей неприятна была близость с ним, которую он требовал, изредка приходя к ней. Он это делал, без каких либо чувств. Совершая свою потребность, мог говорить на деловую тему.

– Я подобрал тебе небольшое помещение для работы.

– Ты другого времени не нашёл сообщить мне об этом?

– Приятное с полезным, время, время, дорогая деньги. Да, Галчонок, тридцать процентов от выручки мои.

Но став принимать нахлынувший поток жаждущих заговоров и гаданий в новом «офисе», как говорил Борис, они стали встречаться совсем редко. Это обстоятельство теперь очень радовало Галину, которая прикрываясь занятостью и усталостью, отказывалась от встреч с ним.

Галина летала на крыльях любви к Стасу. Впервые она познала это чувство. Правда, Стас просил не напрягать его, не спешить с оформлением их отношений. Боялся, что она не выдержит его тяжёлой беспросветной работы. Галину это настораживало, но не настолько, чтобы создавать трудности любимому. Она согласна была его ждать бесконечно.

Борис замечал изменения в поведении Галины. Ему было обидно терять её навсегда, в конце концов, он привык к ней за столько лет. Тем более с женой дела совсем не ладились. Она давно забросила учёбу, начала пить. У него появилась более молодая любовница, которая

заглушала все его обиды на неудавшуюся семейную жизнь. А Галина приносила ему, какую никакую лишнюю копейку. Да по большому счёту она одна была ему другом.

Как-то осенним утром ему доложили о задержании убийцы. Пьяный мужик убил свою тётку. Борис решил присутствовать на допросе. Ещё не протрезвевший горе убийца нёс какую-то околесицу о спрятанных у тётки золотых царских монетах, бриллиантах.

– Белочку поймал. Его жена сказала, что он уже неделю в запое, – доложил оперативник Борису.

– Моя жена! Да она та ещё жаба, сама с тёткой тюли мули разводила, думала, та её озолотит. Ага! Сейчас, мне родному племяннику, – мужик заплакал, размазывая по щекам пьяные слёзы.

– Проверяли? – спросил Борис у следователя.

– Конечно, всю квартиру перевернули, соседей расспрашивали, это белочка у него золотые орешки грызёт. Соседи говорят, бабуля жила ровно, скромно, на пенсию. Ничего у неё такого не замечали, она впускала соседей к себе. Квартира обыкновенная. А этот пьяным приходил иногда, слышали как он орал, деньги требовал. Однажды они вызвали милицию. Да и жена говорит, что неоткуда у бабки богатству появиться. Обыкновенно родственники жили. Только как старичок умер, так племянник и стал атаковать тётку. Что поделаться, пьянь.

– А муж старушки у нас кем был? – поинтересовался Борис.

– Вот именно, муж у неё кем был? – заголосил мужик, – часовщиком он был! Вот кем он был! Я знаю.

– Ну не стоматолог же, – заметил Борис и вышел с допросной.

Весь день у него из головы не выходил этот разговор.

– А ведь часовщик в былые времена был, что ныне стоматолог, – рассуждал он про себя. Борис набрал номер телефона Галины. К счастью она уже была дома.

– Галчонок, ты сегодня вечером свободна?

– Нет, Боря, я очень устала, сейчас поем и в койку, – скороговоркой ответила она ему.

– Галь, ты мне сегодня должна кое в чём помочь. Ты поешь, конечно, отдохни, а после полуночи я зайду к тебе. Хорошо?

– Ты не понял, Боря, после полуночи я буду спать, как убитая.

– Это ты не поняла. Я не секса у тебя прошу, не переживай. Просто своего кавалера сегодня не оставляй у себя.

– Какого кавалера... – испугано спросила Галя.

– Тебе виднее какого, я тебя не собираюсь контролировать. Будь другом, в двенадцать спустись к подъезду, я буду в машине.

– Хорошо, – с облегчением вздохнула Галя.

– Только теплей оденься, брючки там, курточка с капюшоном, ночи холодные уже.

– Ты чего меня на ограбление приглашаешь, – ухмыляясь, спросила Галина.

– Ну, да, вроде того. Только никому не говори о нашей встрече. Это очень серьёзно и важно для меня. Галя я прошу, ни с кем не откровенничай.

– Ладно, не переживай.

Галина даже не подумала отменить очередное свидание со Стасом. Они и так не виделись два дня. Он был на каком-то убийстве, не до свиданий было. Приготовив ужин и надев новый пеньюар, она с наслаждением кормила своего любимого.

– Я ночью отойду на пол часика.

– Не понял, – удивился Стас.

– Мне один ритуал надо сделать. Именно сегодня в полнолуние. Это не долго. Ты же устал, всё равно будешь спать. И провожать меня нельзя.

В двенадцать, как было договорено, Галя вышла из подъезда. Стас из-за прикрытой шторы наблюдал за Галиной. Он видел, как стоящий поодаль от подъезда автомобиль моргнул

фарами. Когда Галина села рядом с водителем и машина тронулась с места, Стас узнал автомобиль Бориса.

– И куда интересно они среди ночи поехали?

– Галя мне нужно, чтобы ты подъехала со мной в одно место, – Борис завел автомобиль.

– Ты, что, всерьёз меня на ограбление вытащил? – усмехнулась Галина.

– Ну, скажем так, на несанкционированный обыск.

– Ты это серьёзно? Ночью обыск?

– Чего ты так переживаешь? Ты лучше возьми в бардачке фонарик, мы уже подъехали.

– Я никуда не пойду, пока ты мне не объяснишь, что ты задумал.

– Да ничего такого. Просто у нас задержан один мужик, он тётку свою убил по – пьяни и орёт целый день, что у неё дома сокровища несметные. Надо проверить врёт он или нет.

– Почему ночью?

– Да потому, что если он не врёт, надо их забрать.

– Куда забрать?

– Как куда? Себе.

– Ты сумасшедший?

– Я стану им, если они там останутся и их заберут другие, такие же, как и я. Ты что думаешь, их конфискуют в пользу государства? Сейчас! Поменяют на стекляшки, а брюлики разбазарят. Так почему они должны достаться им, а не мне?

– Ты как хочешь, я с тобой никуда не пойду. Я уже начинаю бояться тебя Боря. На почве денег ты уже с ума сходишь.

– Правильно делаешь подруга, бойся, – Борис больно ухватил Галину за шею и пристально посмотрел ей в глаза, – пошли, – тихо, но властно приказал он ей.

Они тихо вошли в подъезд дома и пешком поднялись на нужный этаж. Борис показал Галине на отклеенную бумажную опечатку в квартире.

– Стой здесь, – сказал он, а сам осторожно вошёл в открытую дверь квартиры. Тихо пройдя в большую комнату, он увидел около стола, стоявшего посередине комнаты чей-то силуэт. На столе лежал небольшой фонарик, его свет падал на горку украшений, которая в свете фонаря сияла разным цветом. Силуэт, почувствовав чьё-то присутствие, обернулся к Борису, но тут, же получил от него удар рукояткой пистолета по голове. Силуэт вскрикнул и, заливаясь кровью, грузно упал на пол. Борис взял фонарик и осветил на упавшего человека. Это была женщина, скорее всего жена арестованного мужика. Борис аккуратно подошёл к ней и потрогал пульс на сонной артерии.

– Пульса нет, – сказал он сам себе.

– Ты убил её? – в ужасе проговорила Галина, оказавшаяся в комнате.

– Зачем ты вошла? Откуда я знал кто это? Всё успокойся, пора уходить.

Борис быстро собрал и сложил все, что лежало на столе в матерчатый мешочек, в котором драгоценности и монеты лежали раньше, положил его во внутренний карман куртки, и почти вытолкнув Галину за дверь, приладил назад опечатку.

В машине окаменевшую до этого Галину затрясло, она еле выговаривала слова.

– Зачем ты это сделал? Зачем ты меня взял с собой?

– Ну, уж извини, не знал, что так получится. Знал бы, что она явится, так тебя не брал бы. Странно. Значит, она знала, где лежат драгоценности. Но при тётке она их взять не могла. Наверняка она подбила своего мужика убить её, а сама воспользовалась моментом. Интересно где же она их прятала. Ладно, теперь какая разница?

– Как ты можешь сейчас спокойно рассуждать? Ты же сейчас человека убил.

– Её всё равно бы вычислили и посадили на немалый срок. За соучастие накрутили бы точно. Думаешь, ей в тюрьме легче было бы век доживать, ей же наверняка полтинник стукнул.

– Ты страшный человек. Ты же не был таким.

– Хватит разглагольствовать. Был, не был. Все мы стали другими. Ты лучше скажи, у тебя сейчас точно никого нет дома?

– Что у меня хочешь остаться? Алиби себе хочешь состряпать?

– Дура ты, Галина. Просто свёрток оставлять в машине стрёмно, а домой забрать его я сейчас не могу. Моя пьяница протрезвеет, рыскать начнёт в поисках денег на выпивку, и найти может. Слушай, оставь на ночь у себя. А завтра я заберу его.

– Нет, ничего я не возьму.

– Возьмёшь, – Борис опять схватил её за шею, – и хватит меня раздражать.

Иди. Как войдёшь в квартиру, включи свет на кухне, чтобы я видел, что всё в порядке и ты дома.

Галина тихо вошла в квартиру. Включила свет и положила свёрток на кухонный стол. Заглянула в спальную комнату. Стас спал лёжа спиной к дверям. Она скинула с себя все вещи вошла в ванную. Стас видел, как подъехала машина, как Галина вышла из неё. Он думал, что расспросит её о ночном ритуале с Борисом. Но услышав шум воды в ванной, решил встретить Галину на кухне. Закурив сигарету, он увидел свёрток на столе. Развернув его, он заглянул в мешочек. Взяв салфетку, ею достал красивый большой перстень и пару золотых монет. Положил драгоценности в небольшой пакетик. Он всё понял.

– Обалдеть! А я-то думал, что это на нашей земле людей за безделушки жизни лишают? Теперь понятно. И в тех двух случаях, он тоже поживился таким же способом, заменяя драгоценности на месте преступления дешёвыми безделушками. Интересно, ничего не стоящие стекляшки Галина ему поставляет? Он их у неё прячет? Дела! Ничего, я думаю, он пальчики свои на них оставил. У меня есть знакомый криминалист... Теперь я вырою тебе ямку, Боренька, соломки не успеешь подстелить.

В памяти Стаса сразу всплыли два случая, когда в квартире одной очень старой бабули нашли кучу дешёвых, главное, современных безделушек. Но этому никто не придал значения, списав на старческий маразм старушки. Хотя соседи утверждали, что

бабулька была в здравом уме и иногда одевала не дешёвые украшения. Похожий случай произошёл и в другой раз.

Завернув мешочек, он положил перстень и две золотые монеты с изображением Николая второго к себе в барсетку.

– Ты не спишь? – испугано спросила Галина, увидев курящего у окна Стаса.

– Без тебя не спится. Переживал, мало ли что?

– Что это? – спросил он, увидев, что Галина взяла свёрток.

– Это земля заговорённая, – нашла она, что ему ответить.

– Ладно, колдунья пошли досыпать завтра рано на работу.

Утром Стас узнал, что в квартире убиенной старухи, соседи нашли чуть живую жену её племянника.

– Если бы не соседка, то женщина до утра не дожила бы. Соседка что-то почувствовав, подошла к двери и посмотрела в глазок как раз, когда из квартиры выходил мужик какой-то и подросток. Лиц их она конечно не рассмотрела. Темно в подъезде, да и подслеповата она. Но смекнула в чём дело, вызвала милицию. Патруль зашёл в квартиру и увидел раненную женщину. Вызвали машину «Скорой помощи» и нас. Она сейчас без сознания. Но будем надеяться на лучшее, – докладывал дежурный оперативник Борису.

– Хорошо, сказал он, задумчиво, – работайте. Проверьте всё ближнее окружение этой семейки.

Когда все сотрудники разошлись с оперативки, Борис достал из бара коньяк и налил себе небольшую металлическую рюмку.

– Я был в перчатках. Следов моих нет. В протоколе указана рана, нанесённая неизвестным тупым предметом. Это может быть что угодно. Безделушки сегодня я припрячу до луч-

ших времён. Баба меня не узнает, так как она меня не видела до удара. Потом она была без сознания, да и света мало. А от перчаток я избавлюсь.

Выпитый коньяк сделал своё расслабляющее действие, и Борис успокоился, занявшись повседневной рабочей текучкой. Но вечером сев в машину, он не обнаружил в ней своих кожаных перчаток, в которых был вчера в квартире. Он обыскал всю машину, но они словно испарились. Съездив к Галине и забрав у неё свёрток, он поинтересовался у неё, не брала ли вчера она его перчатки. Услышав отрицательный ответ, и не найдя перчатки дома, расстроенный Борис поехал на дачу, где спрятал драгоценности в хитром потайном сейфе, который был устроен в камине за отодвигающейся его изразцовой облицовкой.

Глава 11

После этого происшествия Галина стала замечать изменения в отношении Стаса к ней. Несколько раз он как-то таинственно спрашивал её о том, не хочет ли она о чём-то поделиться с ним. Услышав от Галины отрицательный ответ, он почему-то всегда становился хмурым и неприветливым. Но Галина не придавала этим вопросам большого значения, думая, что Стасик просто ревнует её к Борису. Вскоре он перестал оставаться у неё на ночь, а потом стал всё реже и реже приходить к ней, что для Галины было трагедией.

Ей не хватало Катерины, которая вышла замуж за иностранца, уехала в Испанию и только изредка звонила ей, сообщая о своей прекрасной жизни за границей. А Гале очень хотелось с кем-то поделиться, конечно, не об отношениях с Борисом и общих делах с ним, а о том, как вести себя со Стасом. И когда прозвучал телефонный звонок от Марины, которая сообщила ей о дате приезда в Москву, Галина искренне обрадовалась.

В назначенный день они со Стасом встретили Марину на Казанском вокзале. Галя накрыла стол, и встретила подругу, как принято встречать дорогих гостей. Стас в этот день был на удивление весёлым и общительным. Посекретничав с подругой, Марина одобрила её переезд в новый салон.

– Завидую я тебе Галинка белой завистью. Хорошо у тебя жизнь сложилась. И свадьбу сыграете. И будет у вас всё хорошо. А ребёночка можно и из детского дома взять. Стас у тебя хороший, согласится, – успокаивала подругу Марина.

– А ты не завидуй, вот завтра выйдешь ко мне на работу. Поработаешь пока со мной. Будешь секретарём, а то мне одной уже тяжело справляться. Народ, как взбесился, все хотят узнать своё будущее. А потом, как вольёшься в столичную жизнь, так сама свою дорожку найдёшь.

Так и закрутились дни. Завертелась жизнь. Марина и дома за домработницу управлялась и в «Салоне магии», как назвала своё предприятие Галина, успевала ей помочь. Но что-то изменилось в отношениях всех троих, а что Галина никак понять не могла. Она чувствовала всем сердцем приближение беды, только угадать не могла какой. И карты ей показывали измену, но нельзя самой на себя раскладывать, поэтому и не верила им Галина. Не хотела верить ничему плохому потому, как полюбила Стаса очень. А любовь всегда глаза застилает, очевидного не замечает.

Новый девяносто третий год решено было встретить втроём у Галины дома. То ли шампанское подействовало на Марину и Стаса, но заметила Галина, слишком уж откровенные их взгляды друг на друга. А потом застала обоих целующимися на кухне.

– Хватит из меня дуру делать! Я-то наивная думала, что мне всё это кажется, что глазки они друг другу стоят. А они у меня за спиной!

– Галя прости, – Марина подошла к подруге и получила хлёсткую пощёчину от неё.

– Не смей! Слышишь, не смей, её трогать, – Стас перехватил руку Галины, не дав ударить её ещё раз.

– Собирайся и сейчас пойдёшь ко мне! Кому я сказал, собирай вещи, – приказал он Марине.

– За что вы так со мной? – прошептала Галина присев на кухонный диванчик.

– Да ни за что, Галя, любовь не спрашивает, кого любить, а кого нет. Так бывает. Не держи зла, – миролюбиво говорил Стас.

– Прости Галя, но у нас со Стасом ребёночек будет. Я боялась раньше тебе сказать, – Марина заплакала.

– Боялась? Правильно, что боялась, – глядя в одну точку, тихо проговорила Галина.

– Что? Что ты сказала? – Стас в бешенстве нагнулся к лицу Галины, – а ну иди вниз, воздухом подыши, – опять требовательно приказал он Марине.

– Так что ты сказала? – спросил он у неподвижно сидевшей женщины, – молчишь? Тогда послушай, что я тебе скажу. Ты хорошо помнишь тот день, когда решила ночью ритуал исполнить? При луне, – Стас зло ухмыльнулся, – а свёрток помнишь, который ты принесла? Земельку принесла? Так знай, я вам не лох. Кое-что понимаю. И что ты прятала, знаю. Так, что, запомни, то дело об убитой старухе ещё лежит в архиве. Но его всегда можно поднять и возобновить. Если тебе всё понятно, оставь нас в покое, ясно?

– Ясно, – безразлично ответила ему Галина, – уходи, уходи отсюда! – вдруг истерически закричала она ему, – будьте вы прокляты и пусть будет проклят плод ваш и семя ваше! – кричала она в исступлении. Стас с сожалением махнул рукой и с силой захлопнул за собой дверь.

Несколько дней Галина отрешённо лежала в кровати, где когда-то ей так хорошо было со Стасом. Воспоминания вызывали у неё не слёзы, а злость и ненависть. Она хотела мести.

– Стас меня никогда не любил, раз знал обо всём, да ещё улики собрал и приберёт для подходящего момента и момент нашёл. Подлец. Я отомщу тебе. Теперь вы все и всему меня научили. Нельзя в этом мире быть добренькой. Моя доброта к вам переполняла меня, она выплёскивалась наружу, я всем вам желала только добра. А вы? Вы своей подлостью убиваете меня медленно и мучительно, разрезая моё сердце на кусочки.

Галина налила себе бокал коньяка и залпом выпила его. Потом ещё налила. Сколько прошло времени, она не помнила, но разбудила её долгая трель дверного звонка. Пробудившись и не понимая, какое время суток, почему она в одежде лежит в кровати, Галина еле добралась до двери.

– Боря! Боренька пришёл. Мой единственный и настоящий друг. Да Боренька? – она обессилено положила голову на его грудь, но ноги не держали её. Борис подхватил сильно охмелевшую женщину и усадил на диванчик на кухне.

– Ну, ты мать, даёшь! Я впервые тебя такой вижу!

– А! Ты меня впервые видишь? И ты туда же? Предатель! Да и ты предатель и Стасик твой тоже предатель и Маринка та ещё тварь! Вы все меня предавали, каждый использовал, как хотел, а потом – всё, не нужна я вам!

Борис стал уговаривать Галину пройти в спальню.

– Ни за что! Ни один предатель отныне не переступит порога моей спальни, – пьяно говорила она, – и ты пошёл вон, рожа твоя пре-да-тель-ская.

– Не ругайся, – Борис отобрал у неё рюмку с коньяком, – давай в ванну и спать, а я завтра к тебе вернусь, и ты мне всё расскажешь, кто тебя предал.

– Зачем завтра ждать? Ты, что думаешь, я того? Ничего не понимаю, не помню? Напилась тут с горя. Да! Напилась! Ну и что? Но я всё помню и понимаю! Понимаешь? Это ты первый меня предал. Ты что, думал, я ничего не узнаю? А я знала! Все эти годы знала. Ты специально! Ты сволочь знал, что этот старый бурдюк придёт ко мне, к девочке. Скажи, тебе меня тогда не жалко было? Нет, не жалко! Ты ждал, когда он надо мной поиздевается! Не пожалел. Нет, не пожалел. Тебе бумажечки нужны были. Тебе деньги, деньги, одни деньги нужны были!

– Замолчи, я пошёл, не люблю пьяных баб.

– Нет, ты постой! А ты в принципе любить можешь? – Галина вцепилась в руку Бориса, но он, погасив в себе негодование, решил её успокоить.

– Успокойся, Галочка, ну что ты говоришь, мы столько лет вместе.

– Вместе? Ты со своей женой вместе, а меня ты предал. Слушай, а где тот подполковник на чьё место тебя взяли? А? Нет, ты ответь, где? Не знаешь? А я знаю! Ты его тоже предал или сначала он тебя? Вы все друг друга жрёте. Кто почувствует себя чуть сильнее, тот и нападает,

тот и сжирает. Вам не нужна была моя любовь, дружба. Ну и не надо. Жрите меня! Ненавижу вас.

Борис прижал её голову к себе и стал с раздражением убаюкивать, как совсем маленькую девочку.

– Всё! Баю-бай глупышка, надо спать, а не ротик открывать, а кто много будет говорить...

– Ага, дальше знаю. Придушишь, да? Да, кстати! Знать! А ты знаешь, что Стас знает, что я знаю, что в том мешочке было?

– Каком таком мешочке?

– В таком! Золотом мешочке!

– Так, так? – посерьёзnel Борис, – а откуда он узнал? Значит, тогда у тебя он всё-таки был? А ты мне наврала? Да? Наврала? Эх, ты подружка! А ещё о предательстве говоришь.

Борис отвёл Галину в комнату и уложил в кровать, а сам решил остаться и расположился на ночь в большой комнате.

Утром Галину разбудил вкусный аромат заваренного кофе. Накинув халат, она вышла в кухню. Борис колдовал над завтраком.

– А ты как здесь оказался? – и было видно, что она совсем не помнила, что произошло с ней вчера.

– Ты так сопьёшься, дорогая. Первый признак алкоголизма – провалы в памяти. Иди, прими душ, легче станет.

Контрастный душ привёл память Галины в относительный порядок. Она вспомнила о разговоре со Стасом, о беременности Маринки. Ей стало обидно за себя, за свою не сложившуюся жизнь. Её рыдания не заглушил шум воды. Вскоре она вышла из ванны распаренная с чалмой из полотенца на мокрой голове. Глядя на неё Борису стало жаль эту молодую ещё женщину. Он подошёл к ней нежно обнял за плечи и стал целовать её в румяные от пара щёки в красные от слёз глаза в пухлые, как у девочки губы. Она не сопротивлялась этим по новому чувственным ласкам и послушно двигалась вместе с ним к дивану в зале. Что-то страстное нашло на обоих, и они слились в своих объятьях как, никогда не желая, оторваться друг от друга.

Спустился вечер. Громко трезвонил телефон, пока Галина не вырвала шнур из розетки. Они лежали и молча, думали каждый о своём. Первым пришёл в себя Борис.

– Мне пора, – тихо сказал он.

Галя послушно встала молча, накинула на себя халат и проводила Бориса до выхода. Только у дверей, он так же тихо произнёс:

– Значит, тогда у тебя был Стас, и он всё знает.

Она, молча, смотрела на него, дав Борису понять, что именно так всё и было.

– Ну, я пошёл, – бросил Борис и ушел, чтобы не появляться у Галины до весны.

Зима для Гали пролетела быстро. Свою ненависть к Стасу и Марине она старалась заглушить работой. Погрузившись в рассказы чужих людей о своих бедах и желаниях, она понекому успокоилась. Обида, нанесённая ей, притупилась, но всё-таки сидела в её сердце и колола острой ядовитой иглой. С Борисом они не встречались, общались только по телефону. За конвертом с деньгами он присылал своего водителя Ивана. Дружба, дружбой, а деньги Боря любил. Галина ни о чём не спрашивала Ивана, просто отдавала, молча ему конверт для Бориса с процентами от выручки. Вот и настала весна. Галина собиралась идти в салон, но её остановил телефонный звонок.

– Не бросай, пожалуйста, трубку, – Галина услышала тревожный голос Марины.

– Это ты? Что тебе ещё надо от меня, – у Гали заколотилось сердце.

– Можно мне встретиться с тобой? Галочка, мне не к кому больше обратиться. Я здесь совершенно одна.

– Почему ты одна. А как же твой любимый?

– А ты что не знаешь? Стаса нет. Я приеду и всё расскажу тебе.

– Что, прошла любовь? Ладно, приезжай в салон. Я там буду тебя ждать.

Когда Марина зашла в салон, Галина увидела измученную, даже немного постаревшую подругу. Та не отказалась пообедать в одиночестве, пока Галина занималась с последними клиентами. Уединившись в маленькой комнате, насытившись и успокоившись, она прилегла на диван и проспала до конца приёма посетителей.

– Что-то ты плохо выглядишь, подруга? Не в масть любовь твоя пошла? Значит правда, что ворованного счастья не бывает?

– Зачем ты так, Галя, – тихо отвечала ей Марина, – мы со Стасиком любили друг друга.

– Ну, да, я забыла. А со мной он так, не по любви, а ради баловства. Ладно. Рассказывай.

– Стаса убили. Приехала его родня на похороны и выгнали меня из его квартиры.

– Как убили? Как выгнали? Подожди, давай по порядку. Кто убил? Как всё это произошло?

– Не знаю. Тогда ночью ему позвонили по телефону. Он мне сказал, что надо по работе отъехать. Больше Стаса я не видела. А потом пришли к нам домой с обыском и нашли перстень и несколько золотых царских монет. Сказали, что он причастен к убийству какой-то старухи и похищению из её квартиры какого-то тайника с драгоценностями. Я не верю! Как это у него могло оказаться? Ты же знаешь, он был честным. Потом мне сообщили, что нашли его убитым за городом. Вроде он встречался со своим осведомителем. Я ничего не понимаю, что произошло. Я не верю, что Стас мог похищать, подменять вещдоки, быть убийцей. Да и все, кто знал его в шоке.

– Ну, уж о его честности не мне слушать, – перебила её Галина, – ладно, милиции виднее. А вообще, у них у всех рыльце в пуху, – говорила Галина, а сама думала, – ну и Борька. Наверняка это его проделки. Всё на ус намотал. И монетки, наверняка подбросил, а может, это монеты Стаса были? Например, от бабушки достались? – спросила она у Марины.

– Нет, какая бабушка? Ему приписали убийство старушки, нападение на её родственницу и похищение всех драгоценностей. Эта родственница узнала и кольцо и монеты. А теперь и милиция допытывается, где я прячу всё похищенное Стасом. И его родственники от меня требуют монеты и драгоценности. Но я ничего не знаю, Галя! Они выгнали меня из квартиры. Мне жить негде. Куда я такая домой поеду. Да даже на дорогу денег нет. На работу меня никто не берет. Что мне делать, Галя?

– Да! Что же тебе делать? – задумчиво ответила Галина, – когда тебе рожать?

– В конце августа, начале сентября.

Галина с ненавистью смотрела на бывшую подругу. Внутри её клокотало радостное чувство от того, что Стас получил по заслугам. Ей доставляло удовольствие то, что Марина испытывает страх перед своим будущим и будущим ещё не рождённого ребёнка. Что она чувствует боль потери. В душе Галина злорадствовала. Она даже отвернулась от плачущей Марины и отошла к окну, чтобы бывшая подруга не увидела её глаз полных ненависти и злобы. Губ, скривившихся в хищной ухмылке.

– Моё слово верное, – думала про себя Галина, – что не задумаю, так и будет, – ладно, оставайся у меня. Куда тебя деть, – предложила она Марине, не зная, для чего она это делает, но будучи уверенной, что она и Маринке отомстит за свою не сложившуюся любовь, – так он что не прописал тебя в квартире?

– Не успел. Мы хотели на майские расписаться и прописаться. Но не успели, – Марина заплакала.

– Так ты что и в консультации ещё не стоишь на учёте? Как же ты рожать собралась?

– Галь, я ничего сейчас не знаю, – рыдая, говорила Марина.

И тут Галину осенило. Нет, милочка, ты ответишь мне за всё! Ты лишила меня счастья, надежды. Ребёнка захотела? – крутилось у неё в голове.

– Ладно, успокойся, не реви. Дома отойдёшь, а то на человека непохожа, потом всё наладим. Только Марина давай без обид. Прописывать тебя я, конечно, не буду, но наблюдаться в консультации тебе необходимо. Возьми ключи, не забыла где моя квартира? Я пока задержусь здесь.

Проводив Марину, она набрала рабочий номер Бориса.

– Боря ты совсем пропал. Скоро при встрече я не узнаю тебя. Есть разговор. Буду тебя ждать в салоне.

– Это тебя не узнать, Галчонок, – за несколько месяцев ты так изменилась, –делал ей комплименты подъехавший в салон Борис.

– Ты мне зубы не заговаривай, а лучше расскажи, что произошло со Стасом? – А ты не в курсе? Я думал, ты знаешь, даже по телевизору о его разоблачении говорили. Представляешь, оказался оборотнем в погонах.

– Кто? Стас?

– Стас, милая! Стасик твой горячо любимый. Или тебе подробности нужны. Так читай газеты. Жёлтая пресса подробно писала о его разоблачении.

– Понятно.

– А я знал, что ты понятливая у меня. Ты для этого меня звала?

– И для этого тоже. Маринка ко мне приехала. Её выгнали из квартиры.

– Что квартира ей нужна? Деньги у мадам есть? Значит, будет и квартира.

– Нет. Мне надо поставить её на учёт в женской консультации, но по моему паспорту.

– Не понял. Зачем тебе это нужно?

– Нужно чтобы она попала в роддом и родила по моим документам.

– Так, так! Не догоняю, это что ты задумала?

– Боря! Я, конечно, сама могу всё это устроить, но лучше я тебе заплачу, потому, что с твоими погонами это дело проверить будет безопасней.

– Нет проблем. За ваши деньги, любой каприз. А ты в курсе, что я в Академию МВД поступил? Скажи, что я молодец.

– Молодец! Боря, ты большой молодец.

До родов Марины Галина старалась больше времени проводить в салоне. Она физически не могла выносить присутствия подруги. Её раздражал её вид с округлившимся животом. Наконец наступил день окончания её мучений. В начале сентября Галина отвезла Марину в роддом. Ей сделали кесарево.

В этот же день Галине позвонила заведующая родильным отделением.

– Галочка, как договаривались. Родилась девочка, но роженице сказали, что родился мёртвый мальчик. Всё так? Тогда быстрее решайте что-то с ребёнком. Или забирайте или пишите отказ.

Галина приехала забирать Марину и поднялась в кабинет к врачу.

Увидев малютку, она расчувствовалась. Но проскочившую мысль оставить младенца себе, отогнала от себя сразу. Написав отказ от девочки, и расплатившись, она ждала Марину в своём автомобиле. Марина скованная ещё неосмысленным в полную силу горем, еле дошла до автомобиля.

– Ты знаешь, а мне по секрету рассказали, что ребёнок был жив. Он кричал.

– Не тереби свою душу. Смысл им обманывать.

– Я слышала, что детей воруют в роддомах. Продают на органы, – Марина отрешённо смотрела в одну точку и еле выдавливала из себя слова.

– Только не в нашем случае. Ты же знаешь, что Борис договаривался с руководством роддома. Мёртвый ребёночек, это результат твоих переживаний. Конечно, перенести смерть любимого, похороны, потом эта родня его, сколько тебе нервов потрепала. Ладно. Ещё родишь.

– Нет, Галочка, у меня больше не будет детей. Врач сказала, что что-то там произошло во время родов, я так ничего и не поняла, поэтому не будет у меня больше детишек. Хоть бы похоронить дали маленького, – Марина разрыдалась.

– Похоронить? Ты забыла, что рожала по моим документам? Это тебе не станица, а столица. Раньше вам со Стасом надо было думать о последствиях. Ладно, не реви. Не ты первая, не ты последняя. Я же живу как-то без детей. И ты проживёшь, – зло отчеканила Галина, а сама подумала, – зря я деньги, что ли такие отвалила, получай по полной. Мстить, так уж до конца.

Глава 12

Галина не дала Марине прийти в себя после всего случившегося и вскоре посоветовала ей вернуться домой в станицу. А она и не сопротивлялась. Как послушная кукла Марина молча, собрала свои вещи и так же молча всю дорогу, до вокзала сидела в автомобиле и лишь у вагона кивнула на прощание Галине.

– Как придёшь в себя, возвращайся, – без энтузиазма сказала ей Галина.

Всю дорогу до дома Галя ловила себя на мысли, что она сделала подлость.

– Что со мной стало? Я такой не была раньше. В чём виновата передо мной Маринка, в том, что влюбилась? Я же чувствовала, что не нужна Стасу. Какая разница к кому бы он ушёл. Закостенела я. Закрутилась, запуталась. Не надо было так жестоко мстить Маринке. Девочка, это всё, что осталось от Стаса, а я её материнской любви лишила.

Через несколько дней, Галина набрала номер телефона заведующей родильным отделением. Узнав от неё, что девочка будет удочерена состоятельной семейной парой, немного успокоилась.

– Удочерили. Продали наверняка. Что за время такое бандитское, всё за деньги делается и плохое и хорошее. Ну и ладно. Теперь-то ничего не сделать, хорошо, что не в детский дом попала девочка, – успокоила она себя.

Через несколько дней совесть Галины немного успокоилась. А через несколько месяцев она совсем забыла о девочке и старалась не вспоминать ни Стаса, ни Марину, и ничего такого, чтобы напоминало ей обо всём произошедшем.

Марина вернулась домой вся опустошённая. Скупно рассказав, матери обо всём, что с ней случилось, она старалась в дальнейшем не возвращаться к этой теме. Но у матери к этому времени участились приступы шизофрении. Она стала чаще разговаривать сама с собой. Потом в её больном воображении появился какой-то ненавистный ей собеседник. Она постоянно пыталась ему что-то доказать, почти непрерывно с ним разговаривая. Дальше становилось ещё хуже. Мать стала часто возвращаться к разговорам о смерти младенца, которым не было конца. Сама, домысливая события, произошедшие с дочерью, она доводила себя до исступления проклятиями, посылаемыми в адрес семейства Галины. Марина оказалась на грани нервного срыва.

Как-то после её возвращения, к ним в дом зашла Галина мама. Хотела узнать о жизни своей дочери в Москве, но поговорить не дала мать Марины. Так и пришлось уйти женщине ни с чем под громкий крик и оскорбления.

– Это вы во всём виноваты! Колдуны, гадалки проклятые! Небось себе забрала ваша Галка нашего мальчика! Она же у вас пустая! У! Изверги! Не будет вам покоя на этом свете, – изощрялась она в своих проклятиях.

– Мариночка, ты зайди к нам, мама моя совсем уже не ходит, но очень хотела повидаться с тобой, – уходя, только и сказала соседка.

Через несколько дней, встревоженная мать Галины опять появилась во дворе Маринино дома.

– Мариночка, – кричала она, – быстрее беги к нам, мама умирает!

Вбежавшая в дом Марина не сразу узнала Галину бабуку. От дородной женщины остался один скелет. Мутным взглядом она посмотрела на вошедшую подругу внучки.

– Я знаю, я всё знаю, – еле шевелила она беззубым ртом, – жива твоя девочка. И встретишь ее, и счастье тебе наступит. А Галка наша распутная, – она закашлялась, пыталась ещё что-то сказать, но сильный кашель забирал у неё последние силы.

– А! Я знала ведьма, что сойдёт на тебя кара небесная! – с порога стала кричать вошедшая в дом мать Марины.

– Не проклинай Галку Марина, от обиды она так поступила, – еле говорила умирающая. – Что вы говорите? Галя совсем не причём. Почему я должна её проклинать? Это я ей больно сделала.

– Дочь, дочь у тебя. Ищи, найдёшь раньше... – голова старушки упала на подушку и она замолчала уже навсегда.

– Вы ошиблись, у меня сыночек родился мёртвенький, – рыдая, шептала Марина.

Галине отослали телеграмму, но она и не ответила и не приехала.

– Почему она так с нами поступает? – мать Галины не могла понять молчание дочери.

– Да не в ней дело, время такое. На почте работать некому, в Москве такой сейчас беспорядок, страшно, – защищала подругу Марина.

Галина приехала после сороковин с решимостью забрать мать к себе в Москву. Но после её категоричного отказа, помогла Марине госпитализировать её мать, совсем потерявшую разум которая, как только увидела Галю, так и зашлась в проклятиях. – Отдай нашего мальчика, – кричала безумная женщина, – украла нашего ребёнка!

– Марина, почему ты не хочешь вернуться в Москву? – обратилась к подруге смущающаяся правдивых обвинений безумной женщины Галина.

– Зачем? Что мне там делать без Стаса? Нет, я лучше дома буду. Да и мама моя не всё время в больнице будет. Как я её оставлю. В больнице не сахар, подлечат, заберу назад.

Договорившись с ней о том, что Марина будет присматривать и за её матерью и домом, Галина покинула родные пенаты.

Так Марина и осталась в родном селении. Со временем она стала более замкнутой, неразговорчивой, набожной. Вместе с матерью подруги стала часто ездить в район посещать Храм, где батюшка после её исповеди посоветовал ей больше молиться и помогать нуждающимся пусть не материально, но своим участием. Что Марина и делала так и оставшись названным доктором в своей станице.

Пролетал год за годом. В жизни Марины ничего не менялось. Ещё раз она встретилась с Галиной на похоронах её матери. Галя хотела продать свой дом, но подруга её отговорила.

– За бесценок отдашь, потом не купишь. Мало ли захочется в старости, когда никогда навестить родные края. Всё-таки у нас воздух, красота, какая вокруг!

Подумав, Галина согласилась и вернулась в свою беспокойную московскую круговерть.

В Москве у Галины жизнь не стояла на месте. За прошедшие почти двадцать лет много чего изменилось. Борис, будучи давно разведённым с прежней женой, успел опять жениться на дочери одного генерала из МВД. Он усердно добивался генеральского звания и мечтал о должности в структуре министерства. Он изменился и внешне и внутренне. Стал осторожным. Следил за каждым своим и чужим сказанным о нём словом. Старался реже общаться с Галиной, она стала раздражать его тем, что много чего неблагоприятного знала о нём. Но будучи очень суеверным, всё-таки иногда обращался к ней за предсказаниями. Опытная в таких делах Галина, теперь точно знала, что и как посоветовать своему давнему другу и всячески поддерживала его карьерные планы своими гаданиями и предсказаниями.

То ли от её настроения, а Галина в это время была вся наэлектризована, настолько, что казалось, только искры от неё не сыпались, но как-то верно она угадывала то, что надо было сказать этим несчастным людям, толпившимся у её салона. Металлическая рамка в её руках носилась вокруг голов клиентов так, что приводила их в трепет и восторг. Она сама не понимала, что с ней происходит. Толи планета наша вошла в зону какого-то магнетизма, что даже телевизор трещал от репортажей о людях с повышенной магнетической чувствительностью.

Галя решила применить с пользой дела на себе этот фокус. Попробовала и действительно на её груди и на лбу поместились чуть ли не все вилки с ножами, которые были в доме. Решив украсить само действо предсказаний, Галина вспомнила о своём тайнике. Она достала на антресоли коробку из-под обуви в ней она хранила перчатки Бориса, которые тогда он искал.

В ту ночь, она их взяла машинально, вместе со свёртком. А увидев на них кровь, хотела сначала почистить и отдать их ему. Но немного поразмыслив, решила их запаковать в целлофан и спрятать, сама не зная для чего. Галина достала плотно упакованную вещицу. Это был большой сантиметров десять кулон в виде ромба с красными рубинами.

В тот день, проводив Стаса и зная, что скоро к ней нагрянет Борис, она решила посмотреть, из-за чего он убил, как она думала женщину. Высыпав содержимое из холщового мешочка, она не могла оторвать глаз от кулона, который сразу заворожил её своей красотой. Помешкав, она сложила кольца, монеты и жемчуга обратно в мешочек, а кулон спрятала вместе с перчатками и только временами вытаскивала и любовалась им. Игра камней завораживала её, а красота старинного ювелирного изделия дарило ей какое-то умиротворение. Но открыто носить его она не решалась, хотя прошло уже столько времени. Всё произошедшее давно забылось. Женщина оказалась жива. Скорее всего, их пути никогда не пересекутся. Галина подошла к зеркалу и приложила кулон ко лбу выше переносицы.

– Здорово, как приклеился.

Галина давно изменила свой имидж. Теперь её вид стал притягательно завораживающим. Прекрасив волосы в светло каштановый цвет, который на свету играл золотым оттенком с рубинами над переносицей браслеты и множество украшений на шее и руках придавали ей действительно завораживающий колдовской вид. А то, что рубиновое украшение находилось у Гали на лбу без всякой поддержки, а она специально для усиления впечатления одевала его при очередном посетителе, проделывая с ним некоторые ритуальные па, производило на клиентов неизгладимое завораживающее впечатление. Изменила она и обстановку в салоне.

Однажды к ней на сеанс пришла молодая девушка.

– Кого ищешь? Что знать хочешь? – пристально глядя ей в глаза спросила Галя, – вижу, что жизнь твоя была не сладкой. Детдомовка?

– Да.

– Хочешь найти своих родителей? – Галина взяла подсвечник, стоявший посередине стола, и поднесла его ближе к лицу девушки. Кого-то она ей напоминала, – ты хочешь узнать, кто твоя мать, жива ли она?

Девушка посмотрела в глаза гадалке, которая, словно чего-то, испугавшись, резко откинулась, всё ещё держа подсвечник в руках, на спинку высокого, как трон, кресла. Галине показалось, что на неё внимательно смотрел Стас. Она справилась с минутным испугом, поставила свечи на место и стала более пристально всматриваться в лицо девушки.

– Ты ищешь свою кровную мать? – осторожно спросила она её.

– Да.

– А как же приёмные родители?

– Мои приёмные родители были бизнесмены. Им в машину подложили взрывное устройство, – тихо ответила девушка.

Сердце Галины словно свернулось, отдав болью от пришедшего предположения. Она ещё раз внимательно посмотрела на девчонку, ещё раз приблизив подсвечник ближе к её лицу. И вдруг поняла, что девушка чем-то напоминает толи Маринку, толи Стаса. Галя опять резко отшатнулась, да так, что от её движения потухла свеча. Девушка испугано смотрела на гадалку.

– Да, вы правы, я хочу найти свою настоящую маму.

– Откуда ты узнала, что ты приёмная дочь?

– Моя приёмная мама сказала, почти совсем перед взрывом. Она видно чувствовала беду. Только она не знала, кто моя мама.

– Молчи! Знаю! – Галина закрыла глаза. Дотронувшись пальцами с красивым маникюром до переносицы, на которой сверкали, отражая свет свечей, тёмные рубины, Галина медленно говорила, – тебе весной исполнилось восемнадцать лет. Знаю, что тебя им отдали прямо после родов из больницы. А почему тебе негде жить? После родителей ничего не осталось?

– Осталась квартира, мебель и дача была. Только директор детского дома стала моим опекуном и каким-то образом оформила всё на своего сына. Но это давняя история, я уже с этим свыклась, тем более у меня, ни документов, ни доказательств никаких.

– Так, где ты сейчас живёшь?

– С большим трудом устроилась в Дом малютки, там и живу и работаю.

– Понятно. Как тебя звать?

– Марианна.

Галя взяла веер со стола и стала быстро им обмахиваться.

– Марина, значит?

– Да, родители очень любили море, мы каждый год ездили... Вам плохо?

– Ничего, ничего...

– Так вы мне скажите, как мне найти мать?

Галина сидела в большом, похожем на трон кресле с закрытыми глазами, обмахивая себя красивым чёрным веером, и старалась придумать, как ей поступить с этой девушкой.

– Значит так, Марианна. Ты сейчас езжай к себе, увольняйся, забирай все документы и что там у тебя. А завтра возвращайся назад. Мне нужна помощница. Ты пойдёшь ко мне в помощницы?

– Пойду, – Галя заметила в глазах новой знакомой радостные искорки. Ей показалось, что девушка ждала этого предложения, но тут, же она отбросила эту мысль, списав её на своё утомление.

– А вы, правда, возьмёте меня на работу, и я смогу снять небольшую комнатку?

– Не переживай, я найду где тебе жить. Скорее всего, остановишься у меня.

Но думаю, это ненадолго. У меня есть рычаги и знакомства, через которые мы постараемся вернуть тебе назад и квартиру и дачу.

Отправив радостную девицу, Галя вышла в ванную и умылась холодной водой.

– Так не бывает, такие совпадения не реальны. Надо же сама нашлась. Это уж точно Маринка вымолила у Бога свою дочь. Может во имя спасения моей грешной души?

Галина заплакала. В её душе творился кавардак. Жалость к себе и зависть к Маринке, у которой несмотря ни на что, всё-таки есть ребёнок. Есть память о любимом, которую она сохранила и которую бережёт. А у неё, у Галины, по большому счёту нет ничего. Ни мужа, ни достойного любовника, ни детей, ни подруг.

– Скучное моё будущее. А у Маринки счастливое. У неё будут внуки. Вон, какая красавица вымахала. Волосы, как у Маринки тёмно-русые. Скромная вся в мать. Хорошая девочка и не скурвилась в такие-то лихие годы. А могла бы.

На следующий день Марианна пришла в салон, и Галя поселила её в своей квартире, сделав её своей правой рукой в гадальном бизнесе. Она договорилась с Борисом, и тот свёл её с нужными адвокатами, с которыми они начали судебное разбирательство по передаче Марианне квартиры приёмных родителей.

– Возможно, придётся судиться длительное время. Но за своё можно повоевать. Так Марианна? – говорил ей Борис, – кого-то ты мне напоминаешь? – но Галина не давала ему сильно напрягать память, переводя разговоры в другое русло.

Две тысячи четырнадцатый год выдался богатым на юбилеи. Марианне исполнилось двадцать лет. Бориса ожидал юбилей – пятьдесят пять. Ещё обрадовала Катя, которая позвонила из своей далёкой Испании и предупредила, что свои шестьдесят пять она встретит в Москве с Галиной.

Вскоре Катерина приехала и навестила подругу в её салоне.

– Да у тебя здесь прямо дворец колдуньи. В фойе лицензии, дипломы, грамоты. Молодец Галка, грамотно поставила на поток своё дело.

– Да всё это мишура. А вот твои уроки Катюша, я усвоила на всю жизнь. Ты расскажи как ты? Надолго к нам вернулась?

– Галочка, вот от мечу с тобой мой юбилей, продам квартиру и вернусь обратно в Испанию. Прижилась я там.

– Всё-таки решила продавать квартиру. Зачем?

– Галчонок мне уже шестьдесят пять. Любовь свою я похоронила. Его дети разобрали по частям всё его имущество. Хорошо, что мы купили небольшой домик у моря и муж оформил его на меня. Не придраться, моя собственность. Но дом требует вложений. Сейчас и в Испании сложности. Всё подорожало. Налоги душат. Боюсь, что и денег, вырученных от продажи моей квартиры, мне хватит ненадолго. Ладно, об этом потом. Как ты? Смотрю, помощница у тебя появилась. Кстати, а Борис как? Стас?

– Наговоримся ещё, успеется. Как хорошо, что ты приехала. Слушай, пойдём ко мне, ты же не видела мою новую квартиру.

– Что в трёхкомнатную перебралась? А салон как же?

– Марина подежурит, посидит на записи, – Марианна кивнула в знак согласия.

– Кстати, девочка чем-то напоминает твою подругу. Мариной, кажется, её звали? – Галина смутилась, увидев заинтересованный взгляд Марианны.

– Пошли, пошли, всё потом.

– А Борис твой как?

Дома, после многочисленных расспросов и рассказов друг другу о подробностях их жизни, утолив своё любопытство, а желудок хорошим коньяком и закуской, Катя подробно расспросила подругу о жизни и работе Бориса. По задумчивому взгляду Катерины, Галина поняла, что цыганка что-то задумала.

– Катька не дури! Чувствую, что ты приехала не просто так. Зачем тебе Борис?

– Да есть на нём грешок один. Ты же понимаешь, что я не по большой любви из России уехала, – Катя налила в бокал вино, – ты же помнишь, что творилось в девяностых? Помнишь, я скрылась на некоторое время из города? Меня мой сводный брат заказал. Моя квартира ему покоя не давала. В том месте, где я скрывалась от него, на меня тоже наехали. Тогда Борька и предложил решить проблему с братом. Галя я не хотела, чтобы он его убивал, клянусь тебе, вот крест даю. В общем, Боря решил эту проблему кардинально, пришёл потом ко мне довольный и рассказал, что да как. Представляешь, он до такой степени жадный был, что сам его убил. А у меня в квартире мои знакомые опера, ты их не помнишь, установили списанную видеокамеру. Не бесплатно конечно. Знаешь, меня грабили несколько раз. Ладно, это не важно. Выяснилось тогда, что свой и грабил. А камера к тому времени стояла. Кстати, она и сейчас стоит, только новая миниатюрная с флэшкой. Тогда Борька столько денег с меня вытянул. Что мне поневоле пришлось уехать насовсем. А время подошло, в Испании я перенесла всё со старой камеры на флэшку. Так и появилась у меня запись того нашего разговора с Борисом.

– Катя, я поняла тебя, не вздумай! Наварить денег на Борьке хочешь? Умоляю, не делай этого. На нём столько грехов, что сейчас он не перед чем не остановится.

– Ты о чём? – Катя сделал вид, будто не понимает, что имеет в виду Галина.

– Ты мне-то не крути. Я-то знаю, денег решила напоследок срубить? Он сейчас совсем другой. У него мечта на пенсию генералом уйти. До мечты осталось два шага. Он на всё пойдёт, чтобы уничтожить и тебя и твой компромат.

– Да брось, подруга, я тебе об этом рассказывала, чтобы ты его остерегалась.

– Я стараюсь быть с ним осторожна, но он заходит иногда, звонит, по мелочи помогает. Но о прошлом мы с ним молчим оба.

– Ладно, выпьем и забудем, – предложила Катя, но Галя поняла, что она не оставит свою затею и попытается вытащить деньги у Бориса за компромат на него, – Галчонок ты лучше

расскажи, откуда у тебя появилась такая симпотяга помощница? – На мне тоже Катя грех несмываемый.

Галина то ли от выпитого спиртного расслабилась, то ли душа устала носить никому не высказанный грех, но со слезами и рыданиями она рассказала Кате всё и о Стасе и о Марине. И о гибели Стаса и её подозрениях по поводу его гибели.

Женщины молча сидели за столом, долго не в силах встать и включить свет. Первая опомнилась Галина.

– Что-то долго Марианны нет, – гадалка включила свет в кухне, прошла в ванную умылась, – наверное, как всегда в магазин зашла, знает, что я сладкожка балует меня. Катя она такая девочка хорошая. Я привыкла к ней, как к своей дочери, – говорила Галина, ставя чайник на газ, – как я ей скажу, что знаю её мать. Мне надо было сразу ей сказать, отвезти к Маринке. Но как я объясню всё и ей и Марине? – Галина заметила странный взгляд Катерины но, не поняв его значения, продолжала, – а может она просто похоже на Марину и Стаса? Бывает же так...

Галя осеклась, увидев Марианну в дверях кухни с тортом в руках. Глаза девушки были полны удивления. Галя растерянно смотрела на неё. Катя взяла коробку с тортом и усадила Марину за стол.

– Спокойно красавица, всё хорошо. Галя ты же собиралась отвезти девушку к родной матери? Галина, очнись!

– Да, конечно, Марианночка. Ты не думай, я весной хотела тебе всё рассказать и поехать в станицу.

– А почему вы не признались мне тогда, когда я к вам пришла, я-то думала, что это вы моя мама.

– А я и буду твоей мамой. Крёстной, хочешь? А почему сразу не сказала, что знаю твою маму... В том и дело, что сложности есть. Марину надо подготовить, у неё большое сердце. Да ещё проблемы с твоей бабушкой. Она тоже не здорова. Она очень старенькая, болеет. Потом я думала, что надо подождать, когда закончатся все разборательства по твоей квартире. Но я тебе обещаю, даже если не закончатся, мы с тобой всё равно поедем к ней.

– Вы меня простите, я сегодня не буду у вас ночевать, – сказала обескураженная девушка.

– Как это, куда ты? – забеспокоилась Галина.

– Я потом, завтра приду, – сказала Марианна и вышла из квартиры.

Катя успокоила Галину, сказав, что девочке, действительно надо обдумать всё, ведь она решила, что Галина её мать и ждала от неё этого признания.

– Слушай Галка, – задумчиво сказала Екатерина, – а с чего она решила, что ты её мать? Откуда узнала твой адрес салона и вообще о тебе, откуда она узнала?

– Обо мне она могла знать только от заведующей роддомом, в котором она родилась. Но прошло двадцать лет. Жива ли она вообще?

Решив, что позже они хорошенько расспросят Марианну, женщины успокоились, поняв, что Марианна услышала только то, что и должна была услышать, тем самым освободив в дальнейшем Галину от разговоров на эту тему. Только под утро они разбрелись по постелям.

Наступила весна. Катя, распродав всё, что можно было распродать, упаковав в багаж живописный портрет своей матери и дорогие ей, как память о родителях вещи, позвонила Галине.

– Галка знаешь, что-то сон мне сегодня нехороший приснился. Родители меня с собой забрали. И я пошла с ними, не сопротивляясь и даже ни разу назад не оглянулась, – перебив успокоительную тираду Галины, Катя спросила её, – ты одна?

– Что случилось? Я к тебе сейчас приеду.

– Нет. Ни в коем случае. Послушай меня. Помнишь, я тебе говорила, что у меня в квартире установлена видекамера? Я её сейчас включу. А о флэшке помнишь? Она будет лежать в правом ящике комода.

– Так всё-таки ты не послушала меня? Когда у тебя встреча с ним? Где?

– Всё Галочка не могу времени нет, – Катерина отключила мобильник.

Сделав несколько звонков Кате и не получив ответа, Галя оставив растерянную Марианну за себя, вызвала такси и через некоторое время вошла в её квартиру.

Проведя манипуляции перед лицом Бориса, Галина приказала ему:

– Дверь хлопнет, и ты очнёшься. Забрав флэшки, по дороге к двери она продолжала громко отчитывать до одиннадцати, потом резко хлопнула дверью, закрыв её на английский замок и вскочила в лифт на её счастье стоящий на этаже. Через полчаса она была в салоне и продолжила приём посетителей.

Борис очнулся и некоторое время ничего не мог понять. Почему он находится в квартире Кати, почему она лежит мертвой на полу. Но память постепенно стала к нему возвращаться. Он вспомнил, что пришёл за флэшкой. Эта цыганка совсем страх потеряла и решила шантажировать его старой историей. Он огляделся вокруг. Его деньги, которые он принёс за выкуп флэшки, лежали на столе. А вот самой штучки с компроматом нигде не было. Он обыскал всю квартиру, но так ничего не нашёл. На столе лежал мобильный телефон Катерины. Сунув его в карман, он тихо открыл дверь и зашёл в кабинку лифта.

– Странно и дверь была закрыта. Деньги целы. Флэшки никакой я не нашёл. Как голова болит. Может, и не было никакого компромата. Что-то здесь не так. Если не было флэшки, зачем я придушил эту бабу и выложил деньги? – он остановил автомобиль и достал телефон Кати, – так, Катя звонила Галине. Интересно зачем. А вот следом несколько раз звонила ей Галина.

Борис развернул автомобиль и поехал в салон Галины. В фойе, несмотря на вечер, ещё сидело несколько человек, ожидающих своей очереди. Не слушая Марианну, пытавшуюся остановить его, он зашёл в комнату, в которой Галя проводила сеанс с очередным клиентом.

– Что случилось? – спросила на удивление спокойная Галина.

Борис растерянно смотрел на женщину, не зная, что спросить. Он не рассчитывал увидеть её здесь. У него ужасно болела голова.

– Голова болит. Ты не могла бы мне снять боль? – спросил он.

– Извините, – Галя обратилась к сидящей перед ней женщине, – можно я на пять минут отвлекусь, – и, усадив Бориса в своё кресло, она стала делать руками над его головой какие-то пасы, чем привела в восторг наблюдавшую за происходящим посетительницу.

Через несколько минут Борис и, правда, почувствовал облегчение.

– А куда Катерина пропала, ты не в курсе? – спросил он Галину.

– В курсе. Дома, собирается к поездке, – спокойно посмотрела ему в глаза Галина, – она мне звонила из дома, но я не могла с ней говорить, перезвонила, но что-то телефон у неё отключён, наверное. Скорее всего, разрядился. А что? Она тебе нужна?

Галина старалась быть спокойной, но видела, как напряжён Борис, как пристально, изучающее он смотрит на неё.

– Борь, ты за этим приехал? Меня люди ждут. Если тебе легче, подожди в моём кабинете, потом поговорим.

– Мне легче, я пойду. Созвонимся потом.

После его ухода, Галина, взяв себя в руки, отправила Марианну домой, сама закончила приём посетителей. И только потом села за компьютер и просмотрела обе флэшки. Одну из них она аккуратно поместила в «Молитвослов», доставшийся ей от бабушки. А вторую с компроматом, она спрятала в большой металлический подсвечник с крестом и распятием между двух свечей.

На похоронах Кати Галя решила пойти ва-банк и в лоб спросила у Бориса.

– Боря странно. Оказывается Катю убили в тот день, когда ты ко мне заезжал.

– Видишь, не у одной тебя есть предчувствия. Наверное, поэтому у меня тогда и болела так сильно голова, – ответил он, пристально глядя ей в глаза.

Прошло ещё некоторое время. В этот день, как обычно, Галя прикрепила «своим магнетизмом» на лоб кулон и пригласила на сеанс очередную посетительницу. Очень пожилая женщина стала скороговоркой рассказывать Галине свои проблемы. Но когда по обыкновению Галина взяла подсвечник с распятием и поднесла его ближе к лицу посетительницы, зная какое магическое действие, производит на клиенток блеск драгоценных камней, сверкающих у неё во лбу та отшатнулась как от испуга, а потом, указывая на лоб гадалки заверещала:

– Это наша драгоценность! Такой кулон был у нашей тётки!

Галина растерялась. Но поставив подсвечник на стол, взяла себя в руки и тихо, но убедительно стала говорить женщине:

– Это не ваша вещица. Она мне досталась от моей бабушки. Это не кулон, а элемент диадемы.

– Врёшь ты всё! Я всё помню. Этот кулон и в списке значится. В нём все рубины, а один гранат. Его ещё вставили до революции. Ишь, какая! Досталось ей!

Галине опять пришлось с помощью гипноза успокоить посетительницу и выпроводить её, уже забывшей о случившемся из кабинета.

– Всё, надо закрывать лавочку. В Москве оставаться опасно. Я не надеюсь на силу своего гипноза. Скорее всего, память вернётся и к Борису, если уже не вернулась и к этой тётке. Через неделю они с Марианной были в родной станице Галины.

Глава 13

– Эта растуды её в качель гипертония! – ругалась я, от измучившей меня головной боли и тошноты, то ли от давления, то ли от противных таблеток, которые все врачи советуют принимать постоянно, и по часам и о которых я сразу забываю, почувствовав хотя бы небольшое облегчение.

– Может гипертония тебя сваха, дома удержит, – бурчал на меня сват, – а то дождёшься, в следующий раз так тебя шандарахнут по макушке, потом гипертонией не отвертишься! Бегает по ночам по станице, как лунатик!

– Что ты наседаешь на гостью, тем более больную? – вступилась за меня Раиса.

– Вот сваха, что твоё тлетворное влияние делает с женой. Была раньше тише воды, а сейчас, ты смотри на неё! Туда же! Раскудахталась, да ещё на вылазки ночные с тобой бегают! – смеясь, подтрунивал жену Николай.

– Да и иди уже Бога ради, работай!

– Ты поговори мне ещё! Я вот кнут принесу, да охаживать вас обоих буду, чтобы по ночам не шалались незнамо, где и зачем. А то сидят в засадах, понимаешь ли! Пинкертоны! Эх, девки, дождётесь вы у меня, – шутливо ругаясь, Николай убежал по своим делам.

– Ну, что сваха, может опять Маринку позвать? Пусть кольнёт тебя? Смотреть же на тебя страшно, – всё причитала сердобольная Раиса.

Но я уже не могла находиться в помещении, лежать в кровати тем более. Мягкая, тёплая осень гнала меня из дома.

– Всё! – я скинула с себя одеяло, – надо расхаживаться.

– Ага, тебя только выпусти на волю! Ты расходишься, потом костей не собрать! Ладно, ладно. Давай так, я сейчас сбегаю на работу, а то мы совсем разоримся. Управлюсь с делами и сразу вернусь. Вместе ходим, погуляем. Лады?

– Значит, Раечка делать будем так. Идёшь и спокойно работаешь. А я беру шприцы и ампулы и иду к Марине на укол. Это дело долгое, пока отлежусь у неё после инъекции, пока пройду туда-сюда, заодно и на воздухе побуду и разомнусь. Погодка шепчет, рай тут у вас! Красота!

Еле успокоив сваху и выпроводив её вслед за Николаем, я набрала телефон Марины. Договорившись с ней о визите, я медленно шла, любуясь осенними красотоми на другой конец станицы.

Марина встретила меня у калитки. Увидев у небольшого заборчика лавочку, я присела на неё.

– Марин, посидим немного? Вашим чудным воздухом подышу.

– Да воздух у нас замечательный. Целебный. И вылечит и успокоит, не то, что в Москве, – задумчиво ответила она.

– А вы были в Москве? – я пыталась скрыть, что этот факт мне известен.

Марина посмотрела на меня и улыбнулась, – вы же знаете, что была. Жила у Галины. У нас здесь такие подробности трудно скрыть. Сама не скажешь, так доложат и ещё такого насочиняют.

Мне всё больше и больше нравилась эта женщина лет на десять младше меня. Открытое лицо, красивое своей естественностью. Чистый взгляд. Приятный, какой-то завораживающий тихий, мягкий голос. Вся она была какая-то умиротворённая, спокойная.

– Да, здесь не город. Ничего скрыть не получается, – я подставила лицо, тёплым ласкающим лучам солнца, облокотив голову на заборчик и закрыла глаза.

– А мне и скрывать нечего. Вы же не просто так, решили прийти ко мне?

– Не просто, – ответила я машинально и спохватилась, что сразу раскрыла весь свой замысел.

– Не стоит так волноваться Маргарита, пройдёмте, я утолю ваше любопытство, а заодно и подлечимся.

Обстановка дома Марины была такая же непритязательная, как и в доме Галины. Старая мебель, где можно покрытая вязаными салфетками. Несколько статуэток ещё годов пятидесятих. Я подошла к старому большому комоду явно довоенных лет накрытому красивой вязанной большой салфеткой, на котором стояло несколько статуэток, и взяла фигурку изящной балерины.

– Марина у вас настоящий Клондайк для коллекционеров. Статуэтки в отличном состоянии. Родители собирали?

– Это Галиной бабушке дарили посетители. А они передаривали моей маме. Почему-то статуэтки её успокаивают.

– Я её понимаю. Я давно собираю фарфор, да и дарят мне разные фарфоровые вещицы. Когда мне плохо лицезрение этого богатства отлично восстанавливает мою нервную систему

– Вот и она часами смотрит, гладит их, пыль тщательно вытирает.

– Кстати Марина, а где сейчас ваша мама?

– Я отвезла её в больницу. На плановую госпитализацию.

– Что так серьёзно?

– Да, болезнь прогрессирует с возрастом и прибавляет другие болезни. Она доводит себя до сердечных приступов. Так что сейчас я одна.

– Понятно, а не страшно? – расспрашивала я Марину, пока она меня готовила к уколу.

– А кого мне бояться?

– Неизвестного, который убил вашу подругу, – я рассматривала комнату и обратила внимание на иконостас над небольшим столиком, на котором стояло несколько подсвечников. Среди них выделялся массивный бронзовый подсвечник с небольшим распятием посередине.

– Вы хотите меня спросить, знаю ли я, кто это мог быть?

– Да, нет. Вас опрашивала полиция, знали бы, сказали. Вы говорили, что в Москве жили у Галины. А почему вы вернулись назад? Что-то между вами произошло?

– Между нами, нет. Вы лежите, лежите. Полчаса хотя бы надо полежать. Потом давление измерим. Между нами ничего не произошло. В прочем, произошло. Получается, что я у неё отбила любимого мужчину. Получается, я предала нашу дружбу.

Марина села рядом со мной, но взгляд её был отрешён, наверное, она вспоминала своё прошлое.

– Мне Стасик понравился сразу, как только я его увидела. Я заметила, что и я ему симпатична. К тому времени, у них с Галиной уже намечался разрыв. Понимаете, мы ко времени встречи были уже далеко не дети. Стас хотел детишек, а Галя не могла их иметь. Когда она приехала в Москву с ней произошла трагедия. Но это сейчас не важно. Она не любила говорить об этом. Мы со Стасом не могли скрыть отношения друг к другу, и я вскоре забеременела. Так, что я виновата перед Галей. Мы должны были расписаться, и Стасик хотел прописать меня у себя, наметили день свадьбы. Но его убили, – Марина заплакала, потом немного успокоившись, продолжила свой рассказ, – после похорон приехала его родня и меня попросили освободить квартиру. Так я опять вернулась к Гале. Потом кесарево. На следующий день мне сообщили, что мой мальчик родился мёртвым.

– Простите меня Марина, вам тяжело вспоминать, – я положила свою руку на холодную ладонь Марины.

– Я догадывалась, что у вас были дружеские отношения с подругой. А почему она покинула Москву?

– Она приехала, ради меня. Такая история. Перед смертью бабушка Галины

постоянно говорила мне, что у меня родилась дочка, а не сын и чтобы я не проклинала Галю. Я так и не поняла за что и почему дочка, когда, в роддоме точно сказали, что я родила мальчика. Но Галя приехала и рассказала, что недавно выяснилось, что у меня действительно родилась дочь. А в роддоме работала заведующая отделением, которая воспользовалась тем, что у меня не было московской прописки и тем, что я рожала по документам Гали, скрыла от меня рождение дочери, а потом продала мою девочку богатой паре. Вот так. Марианночке с приёмными родителями жилось очень хорошо. Её мама почти перед гибелью открыла девочке тайну удочерения, боялась, узнает от других и изменит к ним отношение. Сказала, что знала от заведующей, вроде я отказалась от неё.

– Что с ними стало?

– Им под автомобиль подложили взрывное устройство. По счастливой случайности дочери не оказалось с ними. Потом её поместили в детский дом.

– Каким образом она вас нашла?

– Дело случая. Не поверила бы, если бы случилось не со мной. Марианна пришла к Гале на сеанс, хотела узнать, найдёт ли она меня или нет. Галя заметила сходство со мной и Стасиком. И вот теперь я понимаю просьбы бабушки не проклинать Галину. Марианна два года жила у Гали, и она привыкла и полюбила мою девочку, как собственную дочь. Всё это время Галя не открывала ей тайну и скрывала от меня нахождение у неё Марианны. И вот решилась.

– Так Галина познакомила вас с дочерью? Поймите, эта помощница и есть ваша дочь?

– Да. Галя плакала, просила прощения за свой грех. Ну, какой это грех? Это радость. А то, что раньше не рассказала мне о дочери, так я её понимаю. Она очень хотела иметь детей, как можно за это проклинать? – Марина прослезилась.

– Так где же Марианна?

– Она уехала в Москву. У неё судебный процесс с бывшей директрисой детского дома об изъятии у неё квартиры приёмных родителей. Я говорила, Бог с этой квартирой, нам и здесь места хватит. Но Галя рассудила, что Марианне учиться надо, жизнь свою налаживать. Да и то, правда, что она здесь будет делать?

– Ну и как судебный процесс окончился в её пользу?

– Не знаю. Телефон отключён. И я даже не знаю, как мне узнать, что с девочкой. Может, что с ней случилось?

– Марина, а Галя вам не рассказывала, может у неё что-то произошло в Москве. Знаете, может кому-то не то нагадала?

– Нет, ничего она мне не говорила по этому поводу.

– А вы знали, с кем она общалась, дружила? Может она что-то передала вам на хранение?

– Нет, ничего такого.

– Интересно, а слухи ходят, что видели помощницу в день убийства и её машину.

– Да, то ж слухи. Как на селе и без них? Нет, Марианночке незачем было убивать Галю, она после того, как узнала всю правду, Галю крестной матерью называла.

– А вас вызывал следователь Андрей? Он не показывал вам одно видео?

– Да, он нас подвозил с мамой в больницу в районе, а потом мы с ним к ним в Управление поехали. Нет, на видео я не узнала этого мужчину. Его лицо плохо видно, а я с друзьями Гали двадцать лет назад общалась. Все изменились. Нет, я его не знаю.

– А с кем она общалась тогда, когда вы жили у неё?

– В основном со Стасиком. Катя, которую убили, к тому времени уехала в Испанию, я её плохо знала. Да ещё был у неё один друг. Он тоже работал в органах, кажется, был начальником Стаса. Борис. Как раз он и помогал Гале во всём. Но я с ним редко встречалась, да и к тому времени из-за любви к Стасу Галя с ним не очень-то общалась.

– Марина, не могли бы вы написать мне московский адрес Гали. Где она раньше жила, адрес её салона. В общем, всё, что вспомните. Я назад в Москву собираюсь, постараюсь узнать,

где Марианна и почему она пропала. Фамилию её напишите, я в суд съезжу, там разузнаю и вам сообщу. Будем созваниваться с вами.

Раньше, когда мне приходилось слышать фразу, без него дом пустой я понимала, что человеку плохо без любимого, но не ощущала это на себе так явственно и не понимала её значения, так как сейчас вернувшись в родительский дом. Эта фраза буквально проникла в каждый сантиметр двора, дома, сада. При жизни папы дом казался выше, шире, новее. А сейчас, мне казалось, он съёжился, то ли от осеннего ветра, то ли от грусти по папе. Поблекшие виноградные листья, неубранная листва во дворе, серая, промозглая погода с нудным дождём и завыванием ветра всё навевало грусть, которая поселилась в самом доме.

Заскрипела входная дверь, но мама не вышла мне на встречу. Бросив сумки у порога, я кинулась внутрь дома. Маму я нашла в папином большом кресле. Она сидела, укутавшись шалью, глаза её были закрыты и, чуть заметная улыбка застыла на её бледном лице. Страх сковал меня. Медленно протянув руку, я дотронулась до её сухощавой ладошки, она была холодной. От испуга я окаменела.

– Доченька вернулась? – с меня будто свалилось сто пудов. Я присела с ней рядом, – а я специально оставила калитку и дверь открытой, что-то слабость сегодня какая-то.

– Ты бы полежала, мама. Что ты, прямо поселилась в кабинете отца, – я обняла маму за узенькие плечи. Она мне показалась такой маленькой, худенькой.

– Мне здесь хорошо. Серёжа любил свой кабинет, часами здесь просиживал. Вот мне и кажется, что его душа где-то здесь обитает. И я, вроде как с ним рядом. Ты знаешь, мне кажется, что он иногда обнимает меня и мне так тепло, хорошо становится.

– Мам, папа не одобрил бы твоё угасание. Ты таешь, как свеча. Пойдём подарки от сватов распаковывать. Они думают, что мы здесь с голоду умираем. Таксист еле перенёс всё на терраску.

– Забыла тебе сказать. У меня же новость хорошая, Маргоша! – говорила мне порозовевшая от горячего чая мама, когда управившись с делами, мы сидели с ней за нашим большим обеденным столом.

С каждым днём, я всё больше и больше убеждаюсь в том, что мысль материальна. Несмотря на все события, которые происходили со мной после смерти папы, я постоянно думала о своём китайском брате. О том, с чего мне надо начать его поиски. По возвращении к маме, я собиралась ещё раз пересмотреть весь папин архив, его заметки, в которых он постоянно что-то записывал. И вот мама мне сообщает, что ей звонила женщина из далёкой Австралии. Уму непостижимо! Где мы и где Австралия.

– Она представилась Марией. Сказала, что они с мужем китайцем служили вместе с Серёжей в Китае во время войны в Корее. Она просила сообщить Серёже, что у него был сын. Он погиб. Но у него есть дочка, моя внучка Яночка, – мама заплакала, – ей двадцать два года, она скрипачка и сейчас находится в Москве. Она участвовала в конкурсе им. Чайковского. Потом у неё был запланированный тур по Европе, а теперь она вернулась в Москву с большим концертом. Эта Мария сказала, что если мы хотим встретиться с ней, вот её все данные и как её можно будет найти, – мама протянула мне листок с телефоном.

– Да, поворотики. А как же с ней разговаривать?

– Маргоша, она такая умница, она знает русский. Ты привези её к нам, Маргош. Серёжина душа должна успокоиться. А с моего сердца сойдёт этот невыносимый груз.

Уже через неделю я была в своей московской квартире. В Домодедово за мной приехала Маша, хотела меня сразу отвезти на дачу к нашим милым старушкам. Но узнав, что у меня в Москве неотложные дела и что меня ожидает встреча с китайской племянницей, только заметила, что моя семья с каждым годом увеличивается не только численно, но и ареал проживания родственников и друзей разрастается.

– И что, теперь в Австралию полетите? – Машка смеялась надо мной. А я заметила, как она изменилась за этот год. Какой она стала счастливой.

– Всё возможно. Мне двигаться полезно.

Дома меня ожидал порядок, политые цветы и вкусный праздничный обед в честь возвращения, приготовленный заботливой дочерью моей покойной подруги Евгенией. Хорошо, когда тебя окружают любящие родные, верные друзья. Весь вечер мы рассказывали друг другу последние новости.

Весь следующий день, оставшись одна, я никуда не выходила, соскучившись по своим родным стенам, по масштабному виду из окна на любимый мегаполис. По красочному рассвету. Но рассвета не случилось. С утра за окошком стояла серость, лил, не переставая дождь. Я целый день расхаживала в ночном халате, пила кофе и валялась на диване с пультом в руке. Бывает такое безвоздушное пространство в настроении, перед предстоящей бурей событий и эмоций.

Эмоции не заставили себя долго ждать. Нажав на пульте кнопку канала «Культура» я попала на беседу ведущей какой-то музыкальной программы с девушкой китайкой.

– Так не бывает, – мелькнула у меня пессимистическая мысль, – но это не вероятно, но факт.

На экране ведущая спрашивала Янлин о её творческих планах. С акцентом, но вполне понятно, девушка приглашала зрителей на свой концерт в зал Московской филармонии. На вопрос, откуда она знает русский язык, ответила, что её бабушка русский, как и женщина, заменившая маму, после её смерти, поэтому она в этот свой приезд, намерена встретиться со своими русскими родственниками.

– Моя ж ты хорошая. Интересно, мама сказала, что брат погиб, а его жена тоже выходит, умерла? Да, жизнь полна неожиданностей. Пусть бы таких неожиданностей, как встречи с хорошими людьми было больше. Мне ещё предстоит разыскать дочь Марины Марианну.

– С нами делилась своими планами, лауреат Конкурса им. Чайковского, скрипачка из Австралии Мэй Янлинь.

Через день я была на концерте Янлинь, в конце которого, я преподнесла ей красивую корзину с прекрасными цветами. Поднявшись на сцену, я поставила корзину перед ней и сказала:

– Янлинь, эти цветы от твоего родного дедушки Сергея. А я его дочь и твоя тётя.

Было трогательно, когда Янлинь кинулась мне на шею, держа в одной руке скрипку, в другой смычок. Мы обнялись. Худенькая, красивая, как китайская фарфоровая статуэтка Янлинь, подвела меня к микрофону и сказала:

– Исполнилась мечта моего папы. Я в России, в Москве, я стою на этой сцене. Рядом со мной моя родная тётя. А эти цветы от моего русского дедушки! Мы нашли друг друга!

Мы обнялись и обе заплакали под аплодисменты зрителей. Через несколько часов мы с китайской племянницей сидели в моей квартире и делились рассказами о своих семьях. Янлинь достала несколько семейных фотографий, фото приёмных родителей Марии и Жонга.

– Папу нашли убитым. Он умер страшной смертью. Ему перерезали горло, когда мне было десять лет. Тогда мне мало что объясняли, но после смерти мамы, а это было совсем недавно, два года назад Мария, это моя вторая мама, которая знала папу ещё с Корейской войны, рассказала, что его нашли люди из Китая. Ему отомстил бывший, как

по-русски, начальник папы. Мой отец очень любил маму. Она была талантливым музыкантом. Имела много учеников. Так что любовь к скрипке у меня с детства.

– А что с твоей мамой случилось?

– Сердце. У неё было больное сердце. А я дала себе слово обязательно участвовать на конкурсе им. Чайковского и найти дедушку, как хотел папа.

Янлин достала из сумочки небольшую бархатную коробочку.

– Это мне передала бабушка после смерти отца. Она умерла вскоре после его похорон. Она надеялась, что мне удастся встретиться с русской семьёй и передать этот кулон бабушке.

В коробочке лежал кулон на цепочке. Два летящих навстречу друг к другу журавля. Мы договорились с Янлин встретиться после её возвращения из Петербурга и вместе вылететь в Ростов. А в голове у меня весь день звучала любимая мелодия отца.

«Ясным утром в день весенний, с песней счастья и любви. К старым гнездам над рекою вновь вернуться журавли».

Глава 14

Борис не знал, что думать и как ему поступить дальше. В МВД идут большие изменения. Постоянно кого-то увольняют, отправляют на пенсию. А тут ещё эта цыганка оказалась на его пути.

– Не вовремя. Всё не вовремя, – размышлял Борис над произошедшим, – да ещё Галина куда-то пропала, на звонки не отвечает.

Борис остановил автомобиль у салона Галины. Подёргав безрезультатно за дверную ручку салона, он нажал на звонок.

– Сбежала гадина, – услышал он за спиной злой женский голос, – убийца сбежала! Поняла, что я её узнала. Да ещё загипнотизировать меня хотела, представляете! Считать стала. Ага! Меня никакой гипноз не берёт! Узнала я её. Через двадцать лет, но узнала!

Борис медленно повернулся в сторону говорившей женщины. Он тоже узнал её. Эта была выжившая от его удара по голове родственница старухи. Постаревшая, подобревшая пожилая женщина, но это была она.

– Кто убийца? О ком вы говорите?

– О гадалке. О ком ещё? Представляете, прихожу я к ней на днях, а у неё во лбу кулон моей родственницы из похищенных сокровищ. Я ей, конечно, всё высказала, что это наша родословная вещица из похищенных драгоценностей. Отдавай, говорю всё остальное.

– Может и у неё такой же кулон был.

– Конечно, такой не может быть. Я сразу увидела, наш это кулон. Его с другим не спутаешь, там вместо одного рубина вставлен гранат.

– И что потом?

– Что? Эта убийца стала передо мной руками водить и считать. Один, два...

После этих слов у Бориса закружилась голова. Он закрыл глаза и чётко увидел картину. Галина держит перед его глазами брелок и методично считает. Один, два, три...

– Вам плохо мужчина?

– Нет, нет, всё нормально, – пытаюсь скрыть волнение, произнёс Борис.

– И так считала, считала... – хотела продолжить женщина, но Борис прервал её воспоминания.

– Простите, мне и, правда, что-то стало нехорошо.

Покачиваясь от появившегося головокружения, с помощью собеседницы Борис сел в автомобиль. Откинулся на водительское сидение и закрыл глаза. Перед ним предстала чёткая картинка гипноза.

– Меня здесь ты не видел, – он слышал голос Галины, – на звук закрываемой двери ты очнёшься....

Открыв глаза, он замотал головой, словно сгоняя себя последствия действий Галины. Вдруг он отчётливо вспомнил, как он вошёл к Катерине, как она передала ему флэшку, которую он положил в свой карман плаща.

– От Галины можно всего ожидать.

Борис ударил руками по рулю. Придя в себя, он завёл мотор автомобиля.

– Значит, флэшка у Галины. А на ней запись нашего разговора с цыганкой об убийстве её брата и получении мной денег. Но эта запись для меня не смертельна. Всё можно свалить на обыкновенное мошенничество. Доказательств явных никаких, а косвенные доказательства, моё признание заказчице, убийство самой цыганки, это совпадение, давность лет... ну пришлось бы выйти на пенсию. А я так, понимаю, мне и так придётся забыть о мечтах и по-тихому уйти на заслуженный отдых. На безбедную жизнь хватит. Убийство Катки на меня не повесят. Галка в свидетели никогда не пойдёт. Если только... Болван, какой я болван! Если тогда

в допотопные времена у цыганки была камера в квартире... нет, не болван, идиот. Поэтому Галина и скрылась от меня. Надо срочно её разыскать. Завтра же подам рапорт о выходе на пенсию и... там решу, что и как, а пока её надо срочно разыскать.

Дома я проанализировала все имеющиеся у меня факты. А фактов, которые дали бы мне подсказку, где может быть Марианна и кто стрелял в Галину, у меня было совсем мало. Вернее их вовсе не было. Если не считать исписанный Мариной листочек знакомых ей адресов. Я ещё раз внимательно прочитала его.

«Однажды мы с Галей ходили в гости к одной женщине. Она уже в преклонном возрасте и ближе Галины у неё, я так поняла, никого не было. Галя опекала её. Я знаю, что эта женщина была комендантом в общежитии, где раньше жила Галя. Кажется, её звали Валентина Ильинична, фамилию её я не знаю. Улицу помню...»

Вот с неё-то я и начну свой розыск. Раз её гадалка опекала, может быть ей что-то известно и об их с Марианной побеге. Только, как мне разыскать эту женщину? Может быть, она уже давно, прости Господи, на том свете отдыхает? Был бы сейчас в Москве мой внук Илюшка, он нашёл бы подходящий диск с нужными мне адресами и данными. А я, к сожалению, ещё не так хорошо владею компьютером, как научилась владеть своим автомобилем. Поэтому я решила пойти проторенной дорогой и обратиться к знакомому всезнайке, с которым достаточно давно познакомил меня мой верный друг полковник полиции Вадим Петрович.

– Да, если бы Вадим Петрович сейчас не пас зайцев и медведей в своей тайге, то непременно я получила бы много чего за свои изыскания. Но всё равно он бы мне помог и узнал всё об этих человечках.

Набрав номер телефона Кости, он правда, уже давно Константин Петрович и носит звание майора, я передала ему, все данные, которые я почерпнула из записки Марины и услышала в ответ от него почти то, что услышала бы и от Вадима. Только Костя был более галантен и поэтому его слова в мой адрес были почти вежливыми. Но в конце разговора, он все, же пообещал настучать на меня своему учителю.

– А, пусть стучит, – решила я, – может, не выдержит и приедет.

Костя на удивление быстро выслал мне по СМС адрес бывшего коменданта общежития и на следующий день я с гостинцами к чаю, стучалась в нужную мне дверь.

Услышав, что я пришла по поводу Галины, сначала осторожно встретившая меня Валентина Ильинична радушно пригласила пройти в квартиру. На вид женщине было лет семьдесят. В комнате пахло лекарством вся обстановка говорила о том, что женщина ведёт одинокий, замкнутый образ жизни.

– Как там Галочка? Она давно звонила мне. Марианка, тут забежала, до их отъезда, продуктов принесла, деньги, обещала ещё забежать, да что-то так и не появилась больше. Как у неё с квартирой?

Суется, накрывая на стол к чаю, женщина, соскучившаяся по общению, всё задавала и задавала мне вопросы. Я растерялась, потому, что совсем не учла, что Валентина Ильинична могла не знать о смерти Галины. Теперь стало ясно, что и об исчезновении Марианны она не знала. Мне предстояло объявить ей об этом. Видно я изменилась в лице, потому, что Валентина Ильинична села и настороженно сказала мне,

– Говори, что случилось?

Она казалось, застыла на всё время моего рассказа о произошедшем. Лицо женщины стало белым, как мел. Я испугалось, что мне ещё придётся вызывать её «скорую».

– Вам плохо? Может вам капель накапать? – не зная, что делать, спросила я.

Но, она медленно встала со стула, подошла к старенькой, но ухоженной стенке и достала бутылку коньяка. Молча разлив, коньяк прямо в приготовленные для чая чашки, она еле проговорила:

– Помянем, – и быстро выпила одним глотком хорошую порцию коньяка.

– Я на машине, – робко проговорила я, отодвинув от себя чашку с таким же количеством коньяка.

– Пей, – придвинула она ко мне чашку, – это Борька её застрелил. Она столько о нём знала! Я подозревала, что этим всё закончится.

– Борька? Это тот, кто помогал ей, когда она приехала в Москву? – я вспомнила это имя. О нём упоминала и Марина.

– Пей, помяни бедную девочку, – ради того, чтобы узнать подробности жизни Галины и выяснить, кто же это такой Борька, я отпила глоток содержимого чашки.

– Он и Марианнку выкрал. Больше некому. Его рук дело, – Валентина Ильинична встала, достала из холодильника фасованную нарезку, выложила её на тарелки, порезала хлеб. На столе появились рюмки и минеральная вода, покупные солёные огурцы в банке, из чего я сделала вывод, что разговор предстоит долгий.

И действительно, рассказывать о жизни Гали и её похождениях она перестала, когда стемнело на улице.

– Ты понимаешь, она сразу попала не в ту струю. Сначала Катька, со своими учениями, Царство ей Небесное, конечно. А! Мне терять уже нечего, всё равно одной ногой стою на том свете. Какая мне теперь жизнь одной? У меня же кроме Гали, а потом и Маришки никого. Ни родни, ни близкой, ни далёкой. Ты говоришь, что на видео этом мужик был, которого Галя загипнотизировала? Так сто пудов, это Борька! Больше некому. Если, что пусть меня вызывают, я посмотрю, опознаю.

– А не боитесь, что и вас такая участь может ждать? Вдруг он и до вас доберётся?

– Нет, не боюсь. Он не знает, что Галя со мной поддерживала контакт. Как ушёл из участков, а я квартиру эту получила, так мы виделись всего раз-два и то, случайно. Нет, Галину я ему не прощу. Так вы же понимаете, Галя наверняка со мной не всем делилась, но его боялась. Чувствовала она, что между ними дружба просто так не закончится. Она даже принесла мне перед отъездом свёрток. Попросила спрятать до поры до времени.

Валентина Ильинична порылась в своей стенке и положила на стол пакет. В пакете лежала небольшая коробка из-под обуви. Я открыла её. В коробке в прозрачном пакете лежали мужские тонкие кожаные перчатки, в другом маленьком пакетице засверкала рубиновым светом красивая золотая штучковина, толи брошь, толи кулон.

– Знаете что, Валентина Ильинична, это похоже на улики. Если вы мне доверяете, то давайте я это возьму с собой. Мне есть, кому показать это. Возможно, эти вещи повлияют на раскрытие Галиного убийства. Вот вам моя визитка. Вы звоните мне. Мало ли, что вам понадобится, я помогу, чем смогу.

Уже за полночь я вызвала «пьяного водителя», пока он добирался по адресу, я записывала в свой блокнот всё, что в какой-то степени могло мне пригодиться. Валентина Ильинична только после того, как напуганная Галя перед отъездом пришла к ней, узнала и об убийстве цыганки и появлении родственницы убитой старушки, чьи драгоценности Галина с Борисом похитили.

– Адрес этой женщины можно узнать в салоне Галины. Марианна переписывала данные всех клиентов в специальный журнал, – подсказала мне женщина. От неё я узнала и данные Бориса. Им оказался работник МВД Борис Юрьевич Рокотов.

Утром я решила подъехать к салону Галины, чтобы оценить обстановку и понять, как самой проникнуть внутрь помещения. За салоном Галины я наблюдала уже около получаса, когда увидела остановившийся около его дверей автомобиль «Шевроле». На всякий случай, уже по своей привычке, как бы сказал Вадим, пинкертоновской привычке, я сфоткала и автомобиль и женщину, которая вышла из него.

Пожилая, но бойкая женщина стала яростно пинать ногой в дверь, нажимать на кнопку звонка но, не добившись результата, кому-то угрожая и крича: – Я найду на тебя управу, – вер-

нулась к поджидавшему её автомобилю. Старенький «Шевроле», тронулся с места, а я, записав его номер, почему-то решила проследовать за ним. «Шевроле» остановился у старой двенадцатиэтажной «свечки» и, высадив женщину, быстро покинул двор. Я тоже прыткая, поэтому последовала вслед за ним. К своему сожалению на пересечении Кольцевой автодороги с выездом на областное шоссе, я потеряла его из виду, и мне пришлось прервать своё преследование незнакомца.

– Придётся мне опять воспользоваться услугами нашей доблестной полиции, – подумала я, решив ещё раз обратиться к Косте.

Наверное, чтобы скорее отвязаться от меня, Костя на следующий день выслал СМСкой данные на владельца «Шевроле» и Рокотова Бориса Юрьевича.

– Не вздумайте следить ещё и за ним. Это сотрудник МВД заместитель начальника очень ответственного отдела. И сами влипните в историю и меня подставите, – строго предупредил он меня.

Вняв его предупреждениям, я решила сначала прокатиться к дому мужчины владельца «Шевроле».

Уже знакомый мне автомобиль я увидела напротив одного из подъездов дома по адресу, который дал мне Константин. Оставив свой «Форд Мондео» поодаль, я вышла из машины и оглянулась. Не заметив по близости скучающих всё знающих старушек соседок, я устремила свой взор на детскую площадку, где играла шумная ватага малышей. На одной из скамеек сидела пожилая женщина.

– Добрый день, – обратилась я к ней.

– Да неплохой. Погодка вроде, как разгулялась. А то так этот дождь надоел.

– Не говорите. Вот, наверное, из-за этого дождя в мою машину вчера въехал молодой человек. Представляет, парковался у магазина и всю бочину мне раскрыл. Я выхожу с сумками, а его и след простыл. Хорошо, охранники помогли, один из них номер машины его записал.

– Нашли?

– Нашла. Вон его «Шевроле» стоит. Вот думаю, сейчас выйдет, я к нему подойду, а он ещё и мне отметин понаставит. Не знаете, что за тип такой хозяин этой машины?

– Знаю. Надо же. Может, не заметил. Вообще-то тихий, вежливый малый, не то, что отец его был. Вот тот накоматылял бы точно.

– А этот малый с отцом живёт? Может в машине этот буйный папаша и находился?

– Да, что вы! Он уже давно на том свете грехи замаливает. Или в аду горит.

– Надо же, что такой грешный был?

– Убийца. Родную тётку убил, хотел ограбить. Да видно, не нашёл тайник. Раньше в этой квартире моя соседка жила, – женщина явно вошла в словесный азарт. Она развернулась ко мне лицом, и я видела её нестерпимое желание поделиться воспоминаниями, – старушка одинокая. Своих детей у неё не было, так она своего племянника и его семью всё опекала. Муж у неё в советское время знаменитым часовщиком был. Не знаю, откуда у часовщика большие деньги, но деньги у них были. Вот благодарность какая. Он к тётке с дядькой, как за зарплатой ходил, а когда Сидор Моисеевич, сосед наш умер, так он постоянно стал к тётке бегать. А потом взял и убил её. Вот так-то!

– А что за тайник? Или всё-таки не было никакого тайника так, одни разговоры?

– Был, был. Когда убитую увезли в морг, этой же ночью, я слышу что-то какой-то шум подозрительный, смотрю в глазок, а из квартиры убитой выходит один здоровенный такой в капюшоне и мальчишка какой-то. А вот теперь думаю, может не мальчишка подросток, а женщина это была? Кто их разберёт?

– И кто же это был?

– Кто? Грабители и убийцы.

– Так соседку уже убили.

– Так эти видно выследили Надьку, жену племянника. Муж за решёткой, а она, видно знала, где тётка мужа клад хранила.

– Как так племянник не знал, а его жена знала?

– А чего нет? Племянник пил, а Надька приходила к Ильиничне. То в магазин, то в поликлинику с ней, то приберётся. Но дело в том, что я, когда эту парочку засекала в глазок, сразу милицию вызвала. Те пока приехали, конечно, их и след простыл. Да только когда милиция зашла в квартиру, а там Надька с разбитым черепом. Лежит, из головы кровь хлещет. Ужас!

– Это, что эти двое её?

– Выходит так. А потом, мужа её осудили. А когда она немного очухалась, то рассказала, что тётка ей давно показала, где хранит свои сокровища. Она ей показывала их, поэтому Надька хорошо запомнила, что прятала убиенная.

– Так эти двое драгоценности с собой забрали?

– А я что говорю. Они думали, убили Надьку, а она вреднучая, поэтому и живучая.

– Понятно. Интересная история. Да только, как в этой квартире мой обидчик оказался.

– Володька? Так это сын Надьки. Нет, он не в отца. Спокойный, тихий мальчик. Вежливый, всегда поздороваётся, сумку до квартиры донесёт, а то и подвезёт на своей колымаге. Хороший мальчик.

– Хороший мальчик, а машину-то мне поцарапал и того, дёру дал, тихий ваш.

– А может охранники напутали? Или знаешь, сами поцарапали, а на другого свалить хотят.

– Может и так. А Володька ваш женат?

– Нет ещё. Всё собирается с невестой расписаться, да что-то никак не распишутся. Она за городом живёт, он у неё часто там и пропадает.

Распровавшись с собеседницей меня, обрадовало то, что старушка вдоволь наговорила. Но вскоре, проанализировав рассказ соседки и связав его с тем, что я узнала от Валентины Ильиничны, я поняла, что мать тихого Володи, это и есть та женщина, которая угрожала Галине и вероятней всего, которую я видела у салона. А если это так, то она не имеет никакого отношения к убийству гадалки. Поэтому и ходит к салону, ждёт его открытия, чтобы ещё раз встретиться с Галиной. Об убийстве гадалки, получается ей ничего не известно. Да, тогда, права Ильинична, всё сходится на Борисе.

А тут ещё пришла эсэмэска от Кости. Он мне напоминал, чтобы по адресу Рокотова Б.Ю, я даже не думала соваться. Интересно, что случилось, что он так обеспокоен.

Но интересней было другое. Около моего дома меня подждал сам Костя.

– Началось, то меня Вадим опекал, теперь настала очередь его бывших подчинённых, – что случилось, Костя? С Вадимом Петровичем всё в порядке?

– Здравствуйте Маргарита Сергеевна. Наверное. Я давно с ним не общался, – обрадовал меня своим ответом Костя, потому что, не сообщая Вадиму о моих изысканиях, сберёт полковнику немного нервов, – вы получили мою эсэмэску?

– Да. А что он на самом деле такая важная птица?

– Опасная птица. Надеюсь, вы ещё за ним не следили? Не общались?

– Господи! Костя он что маньяк? Оборотень в погонах?

– Не знаю ещё кто он точно, возможно и то и другое. Он сейчас находится под разработкой Службы собственной безопасности МВД. Но вы же понимаете, что это секрет. Чего вы от него хотели?

– Я молчок! Он был знакомым одной убитой при мне гадалки.

– Ну, вы даёте, Маргарита Сергеевна! На вас Вадим Петровича нет. Опять вы куда-то влипли! Опять вас на расследования потянуло? Рассказывайте подробно, что случилось.

Подняться ко мне в квартиру он не захотел, поэтому, мне пришлось рассказывать всю историю, которая со мной произошла, прямо в машине.

– Понимаешь и вот эта девочка Марианна исчезла. Там мать её с ума сходит. Только нашла дочь и опять потеряла.

Заверив меня, что постарается узнать о деле расследования убийства Галины по своим каналам и, взяв данные Марианны, он ещё раз попросил не следить и не приближаться к Борису.

– Что, получается? – размышляла я, укутавшись в плед и наблюдая за жизнью столицы с высоты своего этажа, – неинтересное кино получается. Борис, конечно, мог раскусить манипуляции Гали, приехать в станицу и убить её. Но скорее всего, у него не получилось бы, приехать, убить и уехать незамеченным. Борис, конечно преступник, но что-то мне подсказывает, что в Галю стрелял не он.

Глава 15

Вычеркнув в блокноте имена подозреваемых мною в убийстве гадалки Бориса и Надежду я решила заняться поисками Марианны. Я вспомнила прослезившуюся Марину, когда она рассказывала о первой встрече со своей дочерью. И тут меня посетила провокационная мысль. А является ли на самом деле эта девочка, хотя, какая она уже девочка совсем взрослая девица со своей жизнью и мировоззрением дочерью Марины?

Мало ли случайных людей похожих друг на друга. И вообще, что известно об этой девушке? Почему она зашла именно в салон Галины? Почему искать свою мать начала не как делают обычно обиженные на своих родителей брошенные дети не в более раннем возрасте, а именно после совершеннолетия? Обиженные дети... Возможно всё так, но возможно, что обида толкнула девчонку на убийство.

Бывает так, что обида, засевавшая глубоко в сердце со временем становится настоящим смертельным оружием. А переживание несбывшихся ожиданий и разочарование даёт выход эмоции дающей энергию для появления ненависти. Вполне возможно, что вынашиваемая лелеянная годами обида маленькой девочки переросла в маниакально навязчивую идею мести.

Ведь доподлинно неизвестно, что произошло между этой троицей: Галиной, Марианной и Мариной. А в душе каждой из них наверняка, сидела давняя обида друг на друга. И кто знает, какую реакцию мог выдать мозг человека. Особенно если в его душе взорвалась обида. К каким непредсказуемым последствиям мог привести этот взрыв? Но что-то могло спровоцировать Марианну и как результат подтолкнуть её на убийство? А ещё случается и так, что глубоко обиженный человек, не получивший удовлетворений в виде извинений, искупления вины в нанесении ему обиды со временем становится сам обидчиком.

Как бы там не было, я решила пойти на квартиру бывших приёмных родителей Марианны. Идти в суд для того чтобы узнать о решении суда бесполезно. Мне никто не даст никаких справок по этому делу.

– Так что пройдуся я по местности, – решила я, – лучший друг сыщика, соседи. Может, что и разнюхаю.

На соседней мне как всегда повезло. Представившись уполномоченной по правам детдомовских детей женщиной, сидевшим в небольшом сквере перед домом, я нашла для себя нужных мне собеседниц.

– В детстве мы очень дружили с Марианной, – поделилась воспоминаниями молодая женщина, качивающая малыша в коляске, – и родителей её я хорошо помню. Добрые они были люди. А потом, после трагедии Марианна пропала. Сказали, что её в детский дом поместили. Так мы больше с ней не виделись.

– Куда тебе видется, ты в то время под стол пешком ходила. Это вам надо к Николаевне зайти, – включилась подошедшая к нам женщина с сумками, – она работала помощницей у родителей девочки, потом навещала её в детском доме. Пойдёмте, мне всё равно домой пора отведу вас к Николаевне.

Николаевной оказалась пожилая, но ухоженная женщина. Вот обожаю я таких пожилых дам, которые, несмотря на свой возраст, не дают старости поглотить всю себя разом, а делают это постепенно малыми дозами с большим почтением к собственному «я». Седина в причёске Евдокии Николаевны только облагораживала весь её облик. Несмотря на то, что она находилась одна в квартире и на то, что был будний день, ресницы её, были чуть подкрашены. Тени в тон кожи лица чуть нанесены на веки. На ухоженных руках свежий маникюр, а поверх красивого, но простого и строго платья надет симпатичный передник, который она поспешила снять, пригласив нас пройти в квартиру. Она прошла вперёд, оставляя после себя колыхания чуть уловимого аромата чудесных духов.

Разобравшись в чём дело, Евдокия Николаевна попросила мою провожатую пройти с ней на кухню. Оттуда послышались благодарственные оханьки и аханьки в обмен на свежеспечённые сдобы хозяйки. Проводив соседку, хозяйка зашла в комнату с подносом, на котором стояли красивые чашки с горячим ароматным чаем и ещё горячими булочками.

– После того, что случилось с родителями Марианочки, я долго добивалась опекуна над ней. Я мотивировала это тем, что смотрела за ней с самого раннего возраста. Но получила отказ. Потом я поняла, что мой возраст не был этому причиной, когда в квартире, которая осталась в наследство Марианне поселилась семья родственников директора детского дома, в который поместили девочку. Я ходила, добивалась выселения, но всё напрасно. Начало нулевых годов ничем не отличались от девяностых. Тот же беспредел. Представляете, они подслали ко мне молодчиков, которые пригрозили и меня выкинуть из собственной квартиры. Пришлось забыть о справедливости ради того чтобы посещать и иногда забирать Марианночку к себе на выходные и каникулы. Я одна. Муж рано умер. Детей у нас не было. Одна радость у меня это Мариночка. Она не забывала, заходила ко мне и после того, как познакомилась с Галиной.

– А когда вы её видели в последний раз?

– Перед скоропалительным её отъездом с гадалкой, знакомиться с родной матерью.

– А где она может быть сейчас, вы не в курсе?

– Я сама не нахожу себе места. Жду её каждый день. Вот булочек её любимых напекла, а её нет. Вдруг придёт. Понимаете, она мне позвонила из станицы и сказала, что с аэропорта поедет прямо в суд. А уже после заседания приедет ко мне. Но пропала. Я в полицию ходила, там даже слушать меня не захотели. Да, я забыла, через три дня после заседания суда, мне пришла смс, прочтите, – она протянула мне мобильный телефон.

– Евдокия Николаевна, я проиграла суд, возвращаюсь назад. Марианна, – прочла я, – да, но и назад Марианна не вернулась, это я точно знаю, – сказала я.

– С девочкой произошло ужасное. Я чувствую, нет, я точно знаю, – Евдокия Николаевна приложила кружевной носовой платок к прослезившимся глазам.

– Будем надеяться на лучшее, – я пыталась успокоить её.

– Я думаю, если эту смс писала она, то это знак, что с ней что-то случилось.

– Знак?

– Да. Понимаете, она меня никогда не называла по имени и отчеству. Только Евочка. Только так и никак иначе.

– Евочка?

– Да, производное от Евдокия. Ева. В детстве так ей было легче меня называть, вот она и придумала, так и осталось. Но так называет меня только она, понимаете?

– Понимаю, но могла эсэмску отослать совсем не Марианна, а кто-то другой.

– Наконец! Я вас к этому и виду. Понимаете, Марианночку похитили!

– Похоже, но смысл? Кому нужна бедная детдомовка без двора и кола?

– Вот, вот... А вы не подумали, что если вдруг, Марианне удалось, всё же выиграть процесс? – Евдокия Николаевна выглядела очень обеспокоенной судьбой своей подопечной.

– Да, а что с квартирой? С дачей?

– Всё имущество арестовано до окончания расследования.

– Тем более смысл её кому-то похищать? – удивилась я.

– Не знаю, я уже теряюсь в своих предположениях! Не знаю, что и думать.

– Евдокия Николаевна, с кем она ещё общалась? У неё были друзья, подруги? Может молодой человек?

– Была у неё подруга. Я, конечно, не могла запретить ей дружить с этой девочкой, и когда они были в детском доме, иногда забирала к себе обоих, но всегда говорила Марианне, чтобы она не очень доверяла своей подруге.

– А что были на то основания? – спросила я встревоженную женщину.

– Да вроде определённых оснований не было. Но что-то настораживало меня в характере этой девочке, а потом и девушке. Впрочем, возможно то, что Марианна во всём слушалась её.

Узнав адрес нахождения дачи детского дома, в котором раньше находилась Марианна я как могла, успокоив Евдокию Николаевну, покинула её гостеприимный дом, оставив свою визитку.

– Значит, всё-таки Марианна приезжала на суд. Думаю не реально убить Галину, а потом явиться на судебное заседание, защищая свои интересы, зная, что тебя будут разыскивать по подозрению в убийстве. Да, явно девчонка попала в плохую ситуацию, наверняка ей требуется помощь. И вероятнее всего, она даже не подозревает о смерти Галины. Ладно. Разберёмся, как сказал бы мой лучший друг полковник Вадим Петрович. Лишь бы только она была жива, остальное выясним, – размышляла я, по дороге домой.

Дома, в своём блокноте, я вычеркнула Марианну из подозреваемых в убийстве Галины. Вечером мне позвонила из станицы Марина с расспросами о поисках дочери. Я не стала расстраивать и без того обеспокоенную женщину ответила что мне пока ничего не известно. На мой вопрос, что нового в станице, Марина ответила, что всё тихо, всё по-старому. Правда, заходил на днях участковый, интересовался моей персоной.

– А ему, какое дело, что со мной? – спросила я её.

– Он просто, между прочим, поинтересовался. Я сама не знаю, зачем вам это сказала. Он приходил давление себе измерить, вот и спросил, где вы сейчас в Ростове или в Москве.

– Ну и как?

– Что как?

– Давление, говорю, у него как?

– Нормальное.

– И у меня нормальное. Интересуется он, – сердито пробурчала я.

После того как Борис понял что Галина скрылась не просто так, а с компроматом на него он впервые почувствовал себя неуверенно. Словно пелена сошла с его глаз. Он чувствовал себя неловко от того, что ему постоянно казалось, что за ним кто-то наблюдает. Хотя видимых причин чтобы за ним следили, не было, но это чувство не покидало его. Чувство самосохранения предостерегло его отказаться от очень приличной взятки, хотя соблазн был большим. Но в последний момент что-то подсказало выставить просителя из кабинета с гневной речью и словесно выместить на нём всю злость, которая у него накопилась за последнее время.

– Да, оказывается во мне бездна талантов. Обескураженным ушёл этот проситель. Ничего! Бережённому, как говорят... Всех денег не заработать. Надо подумать, как перевести последний транш в Испанию и всё! Заслуженный отдых мне обеспечен.

Но мысли о Галине не покидали его. Он никак не мог понять, почему она предала его. Она, которой он всегда помогал, пусть не бесплатно, но даже несмотря на денежные взаимоотношения их, связывала долгая близкая дружба.

– С какой целью она взяла флэшки? Хочет пойти по стопам цыганки и начать шантажировать меня? Галка хитрая. Моя школа. У себя компромат она хранить не будет. У неё здесь никого из близких родственников нет. Из знакомых кому она могла бы доверить что-то на хранение, тоже кажется, нет.

Борис долго перебирал общих и не общих знакомых, кого он знал, пока не вспомнил Валентину.

– А что, если всё это время Галина поддерживала связь с Ильиничной?

Вскоре он узнал новый адрес бывшей комендантши общежития бывшего строительного управления.

Когда Ильинична открыла дверь, она поняла, в чём дело. Борис же сразу не узнал пожилую женщину.

- Валентина Ильинична здесь проживает? – спросил он её.
- Здесь, Боря, здесь, проходи, – пропустила она мужчину вперёд себя.
- Так это ты Валентина?
- Да, Боря! Время не стоит на месте. С возрастом, к сожалению, мы не молодеем.

Борис окинул комнату взглядом и сразу заметил фотографию на комод, где Галина стояла в обнимку с Марианной. Он понял, что не ошибся в своих догадках.

Задав ей ради вежливости несколько вопросов, прямо спросил её, куда уехала Галина. Оставляла ли она перед отъездом предназначенное ему?

- А что она должна была оставить, тем более для тебя? – ответила Ильинична.
- Не крути Валентина! Мы не малые дети.
- Зачем ты приехал? Зачем задаёшь вопросы, на которые сам знаешь ответы?
- Не понял, ты это о чём?
- О том, что Галю убили.
- Убили? Кто? Когда? За что?
- Я думаю, что эти вопросы ты должен задать себе.
- Ничего не понимаю. Почему себе?
- Потому, что это же ты её убил?
- Ты с ума сошла?
- Боря кому как не мне знать, как ты любишь деньги и как ты их добывал в своё время.

Или что-то изменилось? Я всё помню.

- Что ты говоришь? Что ты помнишь? – Борис побледнел.
- Всё, Боря! Всё помню. И Галя всё помнила и поэтому поплатилась жизнью.
- Валя твоя беда это твой язык. Давай по-хорошему верни то, что тебе не принадлежит, и расстанемся как прежде друзьями.
- Нет у меня ничего. А жалко. Я бы первая на тебя донесла. Галку убил, а Марианнку куда дел? Тоже убил?
- Что происходит? Причём здесь эта девчонка?
- Да всё притом, что ты из-за денег из-за карьеры совсем голову потерял! Сколько на тебе ещё трупов?
- Вот зачем ты? Я к тебе пришёл по-хорошему! А ты?

Сотрудники собственной безопасности давно наблюдали за генерал-майором, который пристроил в Министерство своего зятя, но вскоре поняли, что зять похлеще своего тестя. Пришлось взять и его в разработку. Когда зять решил выйти в отставку и стал оформлять соответствующие документы, была разработана операция со взяткой. Но со срывом операции стало понятно, что просто так этого прохиндея не взять. Было выявлено достаточно фактов противоправной деятельности ушлого зятя генерал майора, но не хотелось его брать на косвенных уликах и на делах прошлых лет. За Борисом установили негласную слежку.

Сегодня собираясь к Валентине, Борис внимательно оглядел округу. Он также внимательно смотрел и в зеркало заднего вида своего автомобиля, но ничего подозрительного не заметил. Поэтому в квартиру к комендантше он зашёл со спокойной душой. Известие о смерти Галины его даже как-то обрадовало и успокоило. Он решил, что последнюю проблему, а видно потерявшая разум Валентина и была ею, ему обязательно надо решить раз и навсегда.

Когда дверь квартиры захлопнулась за Борисом «наружка» только заскочила в подъезд. Рассредоточившись по этажам, они прислушивались, угадывая в какую квартиру, мог зайти их объект. Вдруг они услышали грохот разбиваемого стекла и отчаянный женский крик. Один из сотрудников с силой ударил ногой по двери, которая почему-то оказалась лишь прикрытой.

– Постарел я совсем, не учёл, что эта гримза предусмотрительно оставит дверь открытой, – увидев оперативника, который с пистолетом в руках влетел в комнату, подумал Борис.

Когда оперативники надевали ему наручники, Валентина Ильинична была уже мертва «от сильного удара тяжёлым предметом в висок», как было отражено в заключении медэкспертизы.

О смерти Валентины Ильиничны я узнала в Следственном Комитете, куда была вызвана на беседу по телефону. Выслушав приглашение в Следственный Комитет, я тут же набрала номер телефона Константина.

– Костя меня вызывают в Следственный Комитет. Ты не в курсе, по какому поводу?

– Маргарита Сергеевна, как сказал бы мой уважаемый учитель Вадим Петрович, допрыгались? Вы следили за Рокотовым?

– Костя мамой клянусь, нет. Зуб даю, – пыталась отшутиться я.

– У вас, я посмотрю, всё шуточки? Вот поезжайте завтра и выясняйте, по какому поводу вас вызывают. Я посмотрю, как вы там будете шутить.

Обиженный Костя отключил мобильник, но через несколько минут перезвонил.

– Не забудьте, завтра, как выйдете из комитета позвонить мне.

– Настоящий ученик моего дорогого полковника МВД, – подумала я, но не стала заострять на этом его внимание и ответила Косте, как положено, – будет исполнено!

Я конечно, не причисляю себя к людям робкого десятка, но и не настолько спокойна перед неизвестностью.

– Почему меня вызывают? Да ещё в такую службу, о которой, я толком ничего не знаю.

В нужном кабинете меня встретил молодой человек и спросил, знакома ли я с Валентиной. С убитой Валентиной Ильиничной. Он показал мне мою визитку, которую я оставила ей.

Это известие меня, конечно, выбило из колеи. Когда назвали её убийцу, я не особенно удивилась и рассказала всё, что мне было известно об этом человеке. Также я рассказала о том, что убитая передала мне на хранение свёрток, который принесла ей Галина.

– Но думаю, что он искал не этот свёрток, а флэшки. Одну, где он убивает цыганку, теперь я знаю, что звали её Екатерина, мы нашли. А вот должна быть ещё одна. Но где она и какую хранит информацию, я не знаю.

Я объяснила следователю, где ведётся дело об убийстве Галины.

– А, как и когда у вас можно забрать свёрток оставленный гадалкой?

– Так он у меня в машине так и остался лежать. Сейчас принесу его вам.

Пришлось ещё задержаться, подписывая бумаги о передаче улик и объяснений, как это добро попало ко мне. Одно хорошо, что следователь поделился со мной некоторой информацией и подтвердил моё мнение, что всё-таки Борис к убийству Галины не причастен. Так и остался висеть в воздухе для меня вопрос вопросов: так кто же убил гадалку?

Глава 16

Мои размышления по поводу, кто всё-таки убил гадалку прервал телефонный звонок Раисы.

– Что всё рыскаешь по Москве в поисках убийцы? А дочь Марины нашла? – забросала она меня вопросами.

– Нет, всё мимо. Главный подозреваемый уже арестован, но по другим своим похождениям и убийствам. К сожалению, к убийству Галины он не причастен.

– Ладно, так и быть. Присылаю тебе помощника в расследовании.

– Не поняла? Николай приезжает в командировку?

– Ой, не могу! Помощника нашла. Андрюха на поезде к тебе чухает. Но, если хочешь, он там остановится, где ему место забронировали.

– Обижаешь. Конечно, только у меня. А какие дела у него в Москве? – поинтересовалась я.

– Так он Галино дело везёт. Говорит, что Москва запросила. Хотел к тебе не заезжать, ему бы только вырваться. А я ему специально гостинцев наворачнула, чтобы тебе передать. Никуда теперь не денется. Жди гостя. Выпытывай последние новости по делу.

– Ну, спасибо тебе! Буду ждать.

– Ага, там твоя рыбка любимая.

– Раечка и за рыбку спасибо. И особенно за Андрея. Будем теперь в курсе всех событий.

– Ладно, ты меня тоже держи в курсе. Тут Маринка стала ко мне часто забегать, всё интересуется. Да! Ещё участковый наш Михалыч заглядывает, всё новостей от тебя выпрашивает.

– Вот и передай, что следствие близится к концу, а новостей никаких нет.

Передав всем привет, я решила дожидаться Андрея и после его приезда ко мне, поехать по адресу бывшей дачи приёмных родителей Марианны.

Приехавший вскоре Андрей соблюдал тайну следствия как мог. Выгрузив поклажу с гостинцами Раи, он на следующий день рано утром уехал по своим срочным делам. А я... Я никак и никуда не могла заставить себя ехать потому что, развернув пакет с рыбой, быстро принялась варить картошку. Снабдив её вкусным донским подсолнечным маслом и обсыпав свежей нарезанной зеленью с добавлением зубчика чеснока, я сначала принялась за большого прозрачного на свет, с икрой (!) чебака. Потом была сула, чехонька, ещё какая-то рыбка. В общем, я перепробовала всё! Пока до моего помутнённого вкусятиной сознания не дошло, что и Андрюше надо оставить донских гостинцев для товарищей. И я честно поделилась дарами с коллегами Андрея.

Вернувшись вечером и увидев внушительный свёрток для ребят, Андрей заметил:

– Спасибо за то, что вы поняли мужскую душу. У нас намечается пивной день. Только теперь я предполагаю, что мне придётся отрабатывать за эти дары природы?

– По мере возможности, – честно ответила я ему и ушла отпиваться несладким и некрепким зелёным чаем с лимоном, после рыбного изобилия.

Пока на выпавшие выходные Андрей обмывал свою командировку с московскими коллегами, я решила рвануть по намеченному маршруту.

Дача приёмных родителей Марианны оказалась в симпатичном местечке окруженном, как и мой дачный домик лесом. На участке стоял скромный по современным меркам домик похожий на шале. Невысокий забор открывал для взора любопытствующих всю площадь участка перед входом в дом. Дом казался необитаемым.

Я остановила свой автомобиль около соседнего участка. Он тоже казался безлюдным, но из-за забора слышался лай собаки и гомон кур в сарае потревоженных моим стуком в калитку.

– Иду, иду, – услышался женских голос, – здравствуйте, – ответила мне на приветствие женщина средних лет, – вы кого ищите?

– Никого, понимаете, мне сказали, что здесь сдаётся дом, – я не успела что-то придумать, потому что за меня всё придумала сама женщина.

– А! Так вам поселиться надо? Так вы это... проходите. Вам как, надолго или на время? Если надолго я могу вам предложить тёплый флигель со всеми удобствами. Правда, он однокомнатный, но уютный. Вы одна или с семьёй?

Она тараторила, не давая мне вставить и слово пока я не остановила её.

– Как вас зовут? – спросила я женщину.

– Ой, извините. Елена, Лена можно.

– Леночка, я хотела снять дом ваших соседей. Вы не знаете, как их найти?

Лена сразу обмякла, стала грустной.

– Так он не сдаётся.

– А что так?

– Да не что! Тут целая история. Не сдаётся и всё. И вообще, он какой-то странный стал этот дом. С приведениями.

Я не собиралась оставаться в этой местности надолго но, услышав о внезапно появившемся приведении, сразу изменила свои планы, решив, что приведения просто так не появляются.

– Да что вы говорите! Это здорово! Я писательница, – решила я импровизировать, – понимаете, приехала сюда в надежде на одиночество. Так сказать за вдохновением, а тут такая удача. Свободный дом, да ещё с приведениями.

– Да, какая же это удача? Дом-то всё равно не сдаётся.

– Как жаль. Симпатичный домик.

– А вам для того чтобы писать книжки хоромы нужны?

– Да, нет, просто уединение. Тишина, покой, – придумывала я, не зная, что ответить женщине.

– Дама, да я вам такой покой устрою! Что вы! У нас здесь полнейшая тишина вокруг. А я почти целый день одна, словом бывает перекинуться не с кем.

– Одна? А вы, не замужем?

– Да замужем! Только мой муж без работы сидеть не может. В соседнем районе у одного фермера работает. Дети все в городе живут. Внуков на лето присылают. Так и получается, что в зимние месяцы я одна.

– И не страшно? А соседи у вас как?

– Да, вы не переживайте. И соседи имеются. Или боитесь?

– Если приведение не страшное, тихое, то чего его бояться. Ладно, уговорили. Поживу я в вашем флигеле.

Через день я знала всё о прежних хозяевах и нынешних. Только мало что мне удалось выяснить о приведении.

– Тут, что получается. Раньше здесь жила молодая пара с девчужкой. Потом хозяев убили. Говорят, подорвали в машине. Ой, времена-то, какие были! Вы же помните? То одних убьют, то других. Поубивают друг дружку, а потом выясняется, что драка была за пять копеек. А стрельбы-то!

– Лена, так, что с этой парой? Их-то не за пять копеек взорвали.

– Вот чего не знаю, того не знаю. Знаю одно. Нормальные люди были. Жили без всякого шума, девочка у них была. Слышала, что после взрыва девочку в детский дом определили. Кажется, её Мариной звали. Да я мало, что о них знаю, сначала дом они строили. Приезжали сюда редко. Всё больше по морям разъезжали. А вот потом. Наш председатель говорил, что

опекунша Маринки, сдавала этот дом на лето, а деньги на счёт девочки шли. Ага, вы бы ту опекуншу видели! Сразу видно кому, что и куда шло.

– Так, а сейчас почему не сдаётся?

– Так опечатан он.

– Кем он опечатан?

– А я знаю? Председатель сказал, что девочка выросла, видно ума набралась и в суд на опекуншу подала. Да, тут сама Марина объявлялась, несколько раз приезжала.

– Кто? Марина? А откуда вы знаете, что это она была? Вы же её в детстве только видели и что, узнали?

– Откуда там узнала! Смотрю, подъехала машина. Вышли парень и девушка и стали с замком возиться. Я крикнула им. А девушка мне и сказала, что она Марина, что суд выиграла документы сейчас на оформлении, а она не вытерпела, решила посмотреть, что да как в доме.

– Так значит, она приезжает сюда?

– Раза два, а то и три в неделю парень приезжает. Иногда она с ним. Всё свёртки какие-то возит. Вещи, наверное, перевозит. Иногда они с Мариной ночуют в доме.

– А что за приведение?

– Да я сама не пойму, что за такое приведение. Калитка закрыта. Вроде дом необитаемый раньше был, и тихо всё было. А тут как-то, слышу среди ночи вой какой-то. Думала, собак у нас таких нет, чтобы, как человек выть. Жутко выходить на улицу, чтобы проверить, что это такое, всё-таки ночь. Потом стихло всё. Утром осмотрела всё, вроде на месте, тихо, спокойно. Наверное, всё же из лесу этот вой идёт. Я вот думаю, может волки появились в нашем лесу? Или вот говорят, да и читала я, что стаи бездомных одичалых собак рыскают по лесу. Страшно, Сергеевна, – напускала на меня страх Лена, – только странно воют около моего участка. Я соседей расспрашивала, они говорят, что мне кажется. А я иногда слышу.

Ничего больше интересного не выудив у нее, я собралась в пункт сосредоточения всех последних новостей и сплетен маленьких поселений, местный магазин. Здороваясь с редкими прохожими и осматривая окрестности по мере моего передвижения, я зашла в магазин и набрала всякой всячины. Осуществив любопытство скучающей продавщицы: зачем я прибыла и у кого поселилась и вообще кто я такая, я с пакетом в руках возвращалась назад. Проходя через небольшую площадь с неработающим колодцем посередине, я вдруг оторопела. Прямо на меня бежала большая чёрная собака. Я остановилась не зная что предпринять. Собака неслась ко мне на всей своей собачьей скорости, а её хозяин, ускоренно шедшей позади неё, даже не предпринимал никаких действий, что бы остановить своего питомца. Когда псина оказалась совсем рядом со мной, как спасение, мне вспомнилось единственное слово, которое я знаю из области дрессировки животных. Я громко, как можно строже заорала: – Фас!

Резко притормозив, собака вдруг присела около меня на своих мускулистых лапах и, пустая слюну склонив свою черно-коричневую голову набок, как то странно я бы даже сказала с удивлением, смотрела на меня. Притормозил и её хозяин. Он стоял поодаль и тоже с удивлением разглядывал меня.

– Ничего себе, какое впечатление я произвела на эту парочку, – подумала я.

Но тут собака повернула голову и посмотрела на своего хозяина, выведя этим его из стопора. Мужчина быстро подошёл к своему гладкошёрстному другу и, прикрепив поводок к ошейнику, обратился ко мне.

– Женщина вот вы даёте!

– Я? Это вы даёте! Такая собака и без поводка! А если бы она набросилась на меня?

– Так вот я и удивляюсь, почему она этого не сделала? Впрочем, мне кажется, она сама удивилась вашей команде. Это вас и спасло.

– Вы думаете? – удивилась я своей находчивости.

– Только в следующий раз, вы, просто молча, стойте и желательно не жестикулируйте руками. Такие собаки этого не любят.

– Стоять и ждать, когда ваш бульдог укусит меня? Я вообще-то боюсь укулов. Тем более от столбняка.

– Во-первых, мой Джек ротвейлер, а не бульдог. А во-вторых, вы до следующего раза выучите ещё одну команду – Фу! Она больше вам пригодится. А пока, я прошу у вас прощения, за то, что отпустил Джека без поводка. Мы не ожидали встретиться с незнакомцами. Здесь все знают Джека и не боятся его.

– Знаете, это не довод. Всё-таки вы владеете не болонкой, хотя и этой породы собаки кусаются.

– Мы с Джеком обещаем, неукоснительно выполнять все правила безопасности, – говорил мужчина, прилаживая поводок своему другу.

Я хотела уйти, но бывший военный, а то, что мужчина являлся таковым, я не сомневалась, остановил меня.

– Пойдите, пойдите, а познакомиться, прекрасная незнакомка? Вы у нас гостите или приобрели недвижимость?

– И не то и не другое, – я, медленно двинулась по направлению к дому Лены.

– Тогда, я попробую сам угадать, кто вы.

– А вы, что местный предсказатель?

– Немного. Вы писательница. Приехали за вдохновением и зовут вас Маргарита.

– Понятно, уже отоварились в местном магазине, а заодно узнали последние новости.

– Точное попадание. Разрешите представиться, Леонид Александрович. Можно просто Леонид.

Пока мы медленно шествовали по пустынной улице, Леонид подтвердил моё предположение. Он оказался военным пенсионером, к тому же вдовцом. Оставив сыну квартиру в Москве, сам перебрался в небольшой домик, где проживал со своей собакой, занимаясь охотой, рыбалкой.

– Строю понемногу. Вернее достраиваю. Хочется, чтобы сын с семьёй чаще приезжал. Только они всё по Турциям, Испаниям разъезжают. Им море подавай.

– Не переживайте так. Они молодые. Должны везде побывать, многое видеть. А дачу на закуску оставят, когда года подойдут, накаются и сюда их потянет. Я бы тоже от моря не отказалась. Правда, от нашего.

Пообещав моему новому знакомому сходить на рыбалку, я попрощалась с ним и под многозначительные взгляды и улыбочки Лены стала собирать вещи, чтобы рано утром поехать в Москву. За вечерним чаем, мне долго пришлось переубеждать Лену в её предположениях по поводу моего знакомства с Леонидом. Когда мне это удалось, часы показывали далеко за полночь. Я собралась идти в свой флигель, но вдруг послышался чей-то отдаленный, то ли плачь, то ли вой.

– Слышала? – Лена испугано посмотрела на меня.

– Слышала. Слушай, пошли, посмотрим, что или кто это там воет.

– Куда пошли? В лес? А если это волки или собаки дикие? Я боюсь.

– Ладно, ты сиди тут, а я пойду, посмотрю, – сказала я Лене, надевая куртку.

Увидев лежащий на подоконнике старый фонарь, я взяла его с собой, – работает? – спросила я хозяйку.

– Ещё как! – ответила она и тоже стала собираться идти со мной.

Пока Лена натягивала на себя новенькую телогрейку, я проверила фонарь. Выйдя из дома, мы ещё раз услышали эти странные звуки. Я пошла к калитке, но Лена остановила меня.

– Нет, пошли за мной. У нас за огородом выход в лес, а у соседней есть задняя калитка.

Калитка соседей, выходящая в лес, была закрыта прикрученной к ней проволокой. Мне с трудом, но удалось размотать непослушную проволоку и мы вошли в соседский двор. Нас окружала тишина и непроглядная тьма. Мы зашли на террасу, даже подёргали дверь, но ничего подозрительного нам не удалось услышать. Уже уходя, прикручивая проволоку на прежнее место, послышался незлобивый глухой лай собаки.

– Это у Леонида. Джек просится пустить его в дом.

– Здрасьте, так может это Джек и воет по ночам? А мы тут лазаем по чужим дворам, – возмутилась я.

– А кто его знает, может и он, – тихо ответила мне Лена, – но только раньше он не выл.

Чтобы не стоять в пробках на дороге и не чухать несчастных двадцать километров до моего дома по Кольцевой дороге в утренний «час пик», я решила выехать из посёлка в тихий промежуток. Надо успеть вернуться назад до вечернего «часа пик». Я позвонила Андрею, который сообщил, что уже подъезжает к аэропорту отправляясь домой.

– Молодец, Андрюша, на тихую хотел удрать? – я не очень расстроилась, потому, что и так понятно, что Андрей ничего нового мне не рассказал бы. Борис, скорее всего не причастен к убийству Галины. Ему и так есть, за что отвечать перед законом. Но, всё-таки Андрей должен был подтвердить мою правоту.

– Маргарита Сергеевна я на службе, а не в отпуске. Ключи я оставил вашей бдительной соседке из трёхкомнатной квартиры. А сказать мне вам нечего. Вы были правы. Думаю, что скоро мы с вами встретимся у нас дома. Вы же ещё приедете в Ростов со своей новой китайской племянницей. Ждём вас в станице.

Тепло попрощаться с Андреем я не успела. Выезжая на трассу, я вдруг заметила автомобиль «Шевроле» со знакомыми мне номерами.

– Интересно, интересно это же автомобиль Володи. Сына племянника убитой старушки, – я достала свой блокнот с записями и проверила номер автомобиля, – и куда он направился, что делает именно здесь?

Развернув автомобиль, благо это мне удалось, несмотря на некоторую нервозность ехавших за мной водителей, я проследовала за знакомой машиной.

Через некоторое время мне стало ясно, куда он движется. За рулём сидел сам Владимир и его пассажирка.

– Неужели с ним Марина?

Выждав некоторое время, я въехала во двор Лены. Ко мне выбежала хозяйка.

– Маргарита Сергеевна передумали ехать?

– Да что-то с машиной случилось, боюсь не доеду.

– Вы представляете, а Маринка-то приехала.

– Да, интересно. Ты бы к ним сходила, спросила, что там у них за приведение бродит по ночам.

– Так мы же не знаем точно у них или нет, этот вой. Но схожу, хоть поздороваюсь.

– Сходи Лен, а я схожу к Леониду узнаю, может это он свою собаку мучает. Слушай, а у него автомобиль имеется?

– Вот те на! Что заполнить его хочешь? Иди, иди, есть у него машина.

Предположения моей хозяйки, конечно преждевременны, но у меня созрел план, который я планировала осуществить с помощью Леонида.

Леонид с Джеком встретил меня радушно в своём по-холостяцки обустроенном жилище. От чая я отказалась.

– Вы по ночам, случайно не слышите странные звуки? – спросила я его.

– Я нет, но слух о таких звуках слышал. А что, действительно собаки дикие объявились?

– Не думаю. Мне кажется, что они исходят из соседского дома.

– Так Марина приедет и надо у неё спросить, чего или кого она прячет в доме. Вы же на это намекаете?

– А если она действительно кого-то прячет, что так прямо вам и скажет об этом? Кстати, она приехала. А вы не могли бы после её отъезда, обследовать дом? – огласила я свою просьбу.

– Вы предлагаете мне без разрешения хозяев вскрыть дом. Не легче ли пригласить участкового, или председателя и вместе с ними его обследовать?

– Не легче, я сейчас не могу вам всего рассказать, а потом зачем народу давать повод для новых слухов и сплетен. Никого там не окажется и хорошо.

– Ладно, – немного подумав, согласился он, – приходите после её отъезда.

– Леонид дело в том, что я не смогу пойти с вами. Скажу честно, я хочу проследить за Мариной.

– Так, – Леонид посуровел, – я выполню вашу просьбу, если вы мне объясните, в чём дело, – он усадил меня за стол и налил чашку ароматного чая.

Пообещав ему, что по возвращении я расскажу всё в подробностях, мне пришлось вкратце изложить историю убийства Галины и высказать мои предположения о похищении Марианны – Марины, как жители посёлка называют свою соседку.

– Знаете, что? Я еду с вами, – выслушав меня, решил Леонид, а я почему-то не стала ему возражать.

Глава 17

Прошло достаточно времени после приезда Марианны и Владимира на дачу. Я успела предупредить Лену о выезде в Москву и, попросив её ночью прислушиваться, но никаких действий без меня не принимать, вернулась к Леониду, который предусмотрительно закрыл Джека в доме и подготовил свой автомобиль к поездке.

– Леонид они уже дом закрывают, кажется, собираются уезжать, – заметила я, глядя в окно.

– Тогда поехали. В целях конспирации мы подъедем к трассе первыми. А так пока будем двигаться по нашей дороге, они нас сразу срисуют. Дорога-то одна.

– Вам виднее, – ответила я ему и села на заднее сидение.

– Вы боитесь рядом со мной сидеть? – улыбнулся Леонид.

– Нет. Просто конспирация мне не помешает, ещё успеем с парочкой познакомиться. Что-то не понятно с этой Мариной. По словам её родной матери и няни, она наивная открытая девушка. Тогда какой смысл этой девушке с такой чистой душой скрываться от всех и даже ни разу не поинтересоваться о своих родных людях? Странные, на мой взгляд, сюрпризы. Что это такое получается? Приехала, как она написала в смс, проиграла процесс, хотя убитая Валентина Ильинична мне рассказывала, что Галина наняла очень хорошего адвоката, а Борис по своим каналам провёл разъяснительную работу с бывшей директрисой. Даже проиграв процесс Марианна, не повидав няню, уезжает обратно? Но ведь не уехала! И проиграть она не должна была. Как мне стало известно, директриса должна была оформить дарственную на квартиру и дачу, чтобы не поднимался вопрос о её бывшей деятельности и не трогали её сына, который, кстати, стал её приемником в детском доме. В этой истории одни вопросы.

– А вы не спешите Маргарита. Все вопросы надо решать по мере их поступления. Не надо ничего домысливать. Возможно девушка хорошая и наивная. Вот представьте, Марианна выиграла суд, раз она так сказала соседке по даче Елене. Теперь она оформляет все документы на себя, а это та ещё волокита. А как оформит, сделает сюрприз своим родным, – пытался успокоить меня Леонид.

– Глупости вы говорите. Во-первых, в этом деле не до таких сюрпризов. Она, имея документы на руках и согласие ответчика освободить квартиру, первым делом занялась бы её освоением. Вы только представьте вернуться в стены, где прошло счастливое детство. Где напротив её квартиры живёт и здравствует любимая няня. И потом, найти родную биологическую мать и ни разу с ней не связаться после возвращения в Москву? Нет, здесь что-то не так.

– Так вы сказали, что они с гадалкой скрывались. Вот она и прячется. Может её друг этот Володя на «Шевроле» её прячет.

– Вот, вот. Володя. Это и есть ещё большая странность. Получается, она встречается с человеком, из-за матери которого им с Галиной пришлось убежать? Нет, опять что-то не складывается. Как долго они едут. Куда интересно?

Пока мы с Леонидом рассуждали о поступках Марианны, автомобиль Владимира свернул с Кольцевой автодороги и вскоре мы въехали в небольшой подмосковный городок. «Шевроле» остановился около стандартной кирпичной пятиэтажки. Парочка, поздоровавшись с соседками, скупающими на лавке, вошла в подъезд дома. Мы наблюдали за происходящим, не выходя из автомобиля.

– Надеюсь, они не останутся здесь ночевать? – мне совсем не хотелось оставшийся вечер проводить в чужом автомобиле. На моё счастье, минут через сорок, парочка вышла из подъезда. До нас донёсся вопрос, который Марианне адресовала одна из соседок.

– На работу? – спросила она.

– Да, сегодня моё дежурство, – ответила ей Марианна.

«Шевроле» вырулило из двора, мы последовали следом за ним.

– Так она ещё и работает? Интересно где и когда она успела устроиться, главное кем? – я не переставала удивляться.

Но проехав некоторое расстояние, Владимир остановил свой автомобиль у ворот городской больницы. Распрощавшись с поцелуями, парень поехал дальше, а Марианна вошла на территорию больницы.

– Что делать будем? – спросил Леонид.

– Вы остаётесь здесь и ждёте меня. А я пойду за Марианной.

Ускорив свой шаг, я вошла в корпус одного из зданий больницы.

– Вход по пропускам, – остановил меня охранник.

– Я с Марианной, просто она быстро ходит, – пыталась я схитрить.

– С какой Марианной? У нас таких нет. В прочем всё равно вам нужен пропуск.

– То есть, как таких нет? А кто это прошёл, вот уже в лифт садится, мне с ней надо поговорить.

– Раз садится, значит, вы ей не нужны. Тем более что эта девушка никакая не Марианна.

– Здравые! Как это? – если честно, я растерялась.

– До свидания.

– Наверное, я перепутала. А её как зовут?

– Это наша медсестра Татьяна.

– Правда, что ли? Выходит, ошиблась, не за той гналась? – я действительно была ошарашена его сообщением, – вы уж извините меня, – как могла выкручивалась я.

– Бывает, – ответил охранник и занялся другими посетителями.

– Что случилось? – спросил Леонид, увидев растерянность на моём лице.

– Что? Выходит то, что правы, подтверждаются мои самые грустные предположения. Девушку эту зовут Татьяной, и работает она медсестрой в этой больнице.

– Может она сама себя так стала называть. Знаете, девочки верят в судьбу во всякие предзнаменования. Подумала, что с изменением имени изменится и судьба.

– Она может и верит, а я нет. Знаете, поедem к дому, от которого они уезжали.

Нам посчастливилось. На лавочке у подъезда ещё сидела та женщина, которая разговаривала недавно с Марианной. Я подошла к ней.

– Здравствуйте, а вы не подскажите, в какой квартире живёт Марианна?

– Марианна? А у нас такой не только в подъезде, во всём доме нет.

– Как это нет? Я знаю, что при выходе из детского дома, Марианна получила квартиру в этом доме.

– Так вы что-то напутали, дамочка. У нас живёт детдомовка, так её не таким чудным именем зовут. Придумаете тоже, Марианна. Её Татьяной кличут. Получила она квартиру на втором этаже. Там раньше пьянчуга Валька жил, да помер. Такое после себя оставил, а Танечка всё убрала, ремонт сама сделала.

– Таня? Так значит, её Таней зовут.

– Да, только она сейчас на работе. А что вы хотели? Я передам. Таня только завтра вернётся, дежурство у неё.

– Я повидаться хотела. Мы с ней недавно отдыхали вместе на юге. Она приезжала в наш город. Родственники у неё нашлись у нас.

– Что-то вы гражданка напутали. Адрес тот? Таня никуда не выезжала и никто у неё не находился. Я бы первая об этом узнала. Ошиблись вы.

– Может и ошиблась. Ладно, простите.

– Ну, что Леонид? Это точно не Марианна, а зовут её точно Татьяна. Тогда, что произошло с настоящей Марианной? А не съездить повстречаться ли ещё раз с няней Марианны? Она что-то говорила о какой-то подруге. Ева забирала обоих из детского дома.

– Куда прикажете ехать? – подхватил мою идею Леонид.

Преодолевая вечерние заторы, мы оказались на Кольцевой дороге только с сумерками. Решив, что пока доедем до дома Евы, Москву окутает ночь, Леонид высадил меня у моего подъезда, а сам ещё пару часов добирался до квартиры своих детей. Но уже ранним утром следующего дня мы продолжили свои поиски.

Поднявшись на нужный этаж, я увидела, что квартира Евы опечатана. Я позвонила в двери соседской квартиры. На звонок вышла женщина средних лет.

– Вы не в курсе, что произошло? Почему квартира Евдокии Николаевны опечатана? – спросила я её.

– Потому, что она умерла.

– Как умерла? Я на днях с ней беседовала, она отлично выглядела, – меня, словно кипятком ошпарили, так шокировало меня это известие.

– Может вам водички? – испугано предложила она.

– Нет, нет, спасибо. Скажите, что произошло?

– Сердце. Это я вызвала милицию. Когда Евдокия Николаевна куда-то отъезжала, она меня всегда предупреждала. У меня и ключи её запасные были. Пожилой человек, мало ли что. Мы с мужем на выходные на дачу ездили. Приехали, я хотела ей гостинцы отдать, грибов мы много насобирали. Последние грибы, уже больше не будет. Звоню в дверь, никто не открывает, к телефону она не подходит. Я открыла дверь своим ключом, а она там, на полу лежит, уже холодная, – женщина заплакала.

– Как же так? А вы не в курсе, Марианна к ней не приезжала? – почему то спросила я её.

– Нет, я не в курсе. Говорю, мы же на даче были.

Я села в автомобиль и ещё некоторое время не могла прийти в себя.

– Может, расскажите, что произошло?

– Ева мертва.

– Да. Дела, – только и мог произнести Леонид.

Я увидела, как к подъезду подошла, видно пришедшая из магазина, пожилая женщина. Поставив сумку с продуктами на лавочку, она села рядом и достав очки, стала внимательно изучать магазинный чек.

– Здравствуйте, – я подошла к старушке.

– Здравствуйте, коль не шутите. Вот, что делают, так и норовят обмануть. Забыла им напомнить о скидке, а сами не видят, что я пенсионер, мне скидка полагается до часу дня. Два процента, но все, же деньги. Ворюги!

– Да, да, безобразие, – я села рядом со старушкой.

– Вы к кому? Кого ищете?

– Да нет. Вот расстроилась. Приехала к Евдокии Николаевне, а тут такое известие, отойти никак не могу.

– Ой, жалко, жалко Евдокию. Хорошая женщина была, но что поделать, все там будем. Я вот тоже жду, когда меня приберут.

– Ну, что вы говорите. Живите и радуйтесь. Интересно Марианна знает, что её няня умерла.

– Не знаю. Может милиция и сообщила ей. Наверное, у Дуси телефон её дома записан. И что самое обидное, Маринка-то была у неё. А на следующий день Дуся умерла.

– И вы видели Марину?

– Видела, мы с ней на лестнице встретились. Правда, мельком. Я дверь свою ключом открывала, а она спускалась с лестницы. Я её сначала и не узнала, только потом, когда, она пробежала мимо меня, я подумала, что это, наверное, Маринка. Думаю, чего не поздоровалась со мной? Всегда такая вежливая девочка была. Может они поругались с Дусей? Да вроде всегда

между ними мир был. Была, была Маринка. А на следующий день, смотрю, Евдокию нашу выносят в чёрном пакете. Вот тебе жизнь и закончилась.

– У неё родственники есть? Хоронить, кто будет?

– Так Маринка, наверное, и будет. Больше у неё никого и не осталось.

Распрощавшись со старушкой, я решила попросить Леонида отвезти меня к детскому дому, в котором раньше находилась Марианна.

– Думаете, вас пустят туда?

– Знаете, Леонид, сможете изобразить моего мужа? На полчаса?

– Могу и больше, – отшутился он.

– Мне сейчас не до шуток. Но так нам легче будет пройти в детский дом.

– Начинаю догадываться. Только нам сразу откажут в усыновлении.

– Идея кошунственна, но другого выхода, для того, что бы без вопросов пройти в детский дом я не вижу.

– Я согласен. Да и чтобы потом не корить себя, за то, что могли попробовать, но не решились, надо использовать этот шанс. Только что вы там хотите узнать. И главное от кого?

– Найти того, кто ещё помнит Марианну и её подругу. Может, узнаем что-то полезное для розыска настоящей Марианны. Лучше, чтобы директора вообще не было на месте. Нам нужен персонал.

Через некоторое время мы звонили в дверь детского дома. Нам открыла дверь пожилая женщина.

– Нам нужно переговорить с директором вашего детского дома, – сказал ей Леонид.

– Его сегодня не будет. А по какому вопросу?

– Может, вы нас пропустите? – под вежливым натиском Леонида, женщина отошла в сторону, и мы вошли помещение.

– Так, что вы хотели? – удивилась женщина, – если по вопросу спонсорства, то это к Георгию Михайловичу, но его тоже нет сегодня.

– Мы по поводу усыновления, – заикнулась я.

Женщина окинула нас изучающим взглядом, потом с усмешкой спросила:

– А чего так рано спохватились? Вышли бы на пенсию, осталось-то недолго ждать? Тогда бы и усыновляли.

– Да вышло так, что раньше я не знал, что у меня есть племянница. Не думал, что у моего брата чернобыльца есть усыновлённая девочка, – я с удивлением посмотрела на Леонида. Оказывается, не одна я владею богатой фантазией, – понимаете, я долго жил за границей, вот мы с женой вернулись и всё узнали. Девочка уже взрослая, наверное, скоро должна войти во взрослую жизнь, вот мы и приехали познакомиться с ней.

– Так фамилия ее, какая? Я всех детей знаю, я столько лет здесь проработала, – заинтересовалась женщина.

– Марианна, – Леонид посмотрел на меня.

– Лемех её фамилия Лемех, – вклинилась я в разговор.

– Марианночка? Так она уже вышла от нас. Уже года два, как её здесь нет.

– А вы не могли бы дать её адрес? Как нам теперь её разыскать? Мы приехали туда, где раньше брат мой жил, но квартира опечатана.

– Вот с этим делом, – женщина посмотрела по сторонам, – сложно. Пойдёмте, пока никого нет, я вам расскажу.

Женщина оказалась кастеляншей. Она провела нас в свою кладовую, где на стеллажах лежало чистое постельное бельё и разные нужные в хозяйстве вещи.

– Садитесь, чаю хотите? Раз вы дядя Марины, только я вам ничего не говорила, – кастелянша рассказала уже известную нам историю присвоения наследства девочки, – но Мари-

анна каким-то образом разыскала свою кровную мать. Родную, понимаете? Я слышала, что она гадалка. Богатая. Теперь она ещё и квартиру с дачей отсудила у нашей директрисы.

– Отсудила, говорите, а от кого вам это известно? – спросила я её.

– Во-первых, я слышала, как директриса кричала кому-то по телефону. И ещё ходят слухи, что Маринка, хочет оформить квартиру и дачу на себя, а потом всё продать.

– Вы говорите о бывшей директрисе детского дома? Сейчас у вас же директором мужчина, – удивилась я.

– Мужчина, её сын. Фикция всё. Она как была здесь командиром, так и осталась, хотя оформлена замом по воспитательной работе, а сын её директором. Ой! Не спрашивайте.

– Так как же нам разыскать Марианну. Как бы там не было, хочется с ней повидаться, – включился в разговор Леонид.

– Не знаю даже... Вот может быть знает её подруга Таня. Кстати, она недавно объявлялась здесь. Слух шёл, что после суда, Марина прислала её к директрисе с предложением о покупке квартиры. Вроде, как Маринка всё равно хочет её продать, поэтому и предлагает ей первой купить. Вот и Таньку прислала, договориться по-хорошему.

– И как? Договорились?

– Нет, скандал получился. Так Танька и ушла ни с чем. Я вам сейчас принесу её адрес, скорее всего только она и знает, где искать вашу племянницу.

– А как выглядит Татьяна, может у вас и её фото есть? – спросила я её.

Вскоре она принесла уже знакомый нам адрес и выпускную фотографию.

– Вот Марианна, а это Татьяна. Они, Марианка с Татьяной так были похожи. Мы их, пока они у нас были, сестричками называли. Похожи, правда? Бывает же такое. Только характеры совсем разные.

– Интересно. У Марианны, что плохой характер?

– Что вы! Хорошая девочка. Тихая, приветливая, отзывчивая, полная противоположность Татьяне. Знаете, Танька ещё та штучка. Не знаю, что их могло связывать. С Танькой вечно проблемы были. Хитрая, изворотливая.

А девушки действительно были похожи. Если, конечно сильно не приглядываться. Бывает такое неуловимое сходство. Вроде сравниваешь людей, черты лица совершенно разные, но есть в них какая-то неуловимая схожесть.

– А можно у вас фотку на память взять? – спросила я её.

– Нет, я не могу, – заартачилась она, но когда Леонид протянул ей купюру, быстро согласилась, приговаривая, – только я ничего не знаю, я ничего вам не говорила.

– Всё, Леонид, едем на дачу. Всё же надо проникнуть внутрь дачи Марианны и убедиться, что там никого нет.

– Мне кажется, надо все ваши, то есть наши предположения рассказать полиции. А то это может плохо закончиться, знаете проникновение на чужую территорию.

– Какая полиция? Местная что ли? Что вы, Леонид! Когда полиция слушала бдительных граждан? Скажут, что у них своих дел по горло. Отошлют нас куда подальше. А если и согласятся, то пока согласуют, пока выделяют свободных людей, пока разберутся. А если Марианна в опасности? А вы не думаете, что Еву убили?

– У меня сейчас в голове такая каша, что мне тяжело думать, да ещё на голодный желудок. Я предлагаю остановиться и перекусить. Вот в том кафе делают отличный шашлык, вы как?

– Я? А я от нервов толстею. Когда нервничаю, ем всё подряд, так что и шашлык проглочу, не замечу.

Глава

18

Марианна очнулась и осмотрелась вокруг. Она блуждала взором по маленькой комнате и никак не могла понять, где находится.

– Куда они меня перевезли?

Марианна медленно поднялась со старого дивана. Тусклый свет лился из узкой прорези окошка встроенного почти под потолком небольшой комнаты. Ряд стеллажей вдоль кирпичной стены. Небольшой старый деревянный детский столик и приставленный к нему маленький стульчик, стоящие напротив дивана, всколыхнул у девушки позабытые детские образы. Память кружила воспоминания, медленно возвращая и расставляя последние события на свои места.

– Когда-то за таким столиком я читала первую свою книгу, подаренную папой в день поступления в школу. «Маленький принц» Антуана Сент-Экзюпери.

«Все мы родом из детства...», – фраза крутилась в голове, как и разноцветные круги перед глазами. От этого вращения её затошнило. Она села на диван, опустила голову и закрыла глаза.

– Где я? Почему я здесь? И как тут очутилась? Надо вспомнить всё по порядку. Я приехала на очередное заседание суда. К Евочке я не заезжала, хотела ей сделать сюрприз и приехать к ней уже с положительным результатом.

И вдруг, Марианна ясно и чётко вспомнила всё, что с ней произошло.

– Таня...

С Таней, Марианна подружилась в детском доме. Когда десятилетнюю заплаканную девочку после гибели родителей привезли в детский дом, первой к ней подошла Таня и воспитатели сразу отметили схожесть девочек. Они были похожи друг на друга. Так и стали их все называть сёстрами. Отличие у них было в одном. В характерах. Марианна тихая, спокойная и всегда вежливая. Татьяна, бойкая, острая на язык, упрямая, сразу стала иметь большое влияние на подругу, а домашняя скромная Марианна следовала всем советам властной подруги.

Она никогда не жаловалась на жизнь в детском доме. Да ей ещё повезло. Её часто забирала к себе домой на выходные няня Ева, от которой она всегда приходила с полными пакетами вкусной выпечки и сладостей. Повзрослев, Марианна многое поняла. Она видела, да и няня ей рассказала, что её квартира и дача сдаётся в аренду.

– Ходила я к вашей директрисе, Марианночка, хотела узнать у неё, собирает ли она деньги за сдачу квартиры и дачи на твою сберегательную книжку, так она меня, можно сказать, выставила из кабинета. Да ещё пригрозила тем, что я тебе никто и что, ещё одно моё слово, и она не будет тебя отпускать ко мне.

Вскоре директрисе беспредельные девяностые годы помогли найти способ прописать в квартиру своего сына. А когда Марианна покинула детский дом, то некоторое время жила у няни, пока Таня, однажды не надоумила её заняться поиском биологической матери.

– Имущество приёмных родителей тебе, конечно, не вернуть к гадалке не ходи. Слушай, а что, если на самом деле сходить к гадалке? Может она и подскажет, в каком направлении твою мать искать? Смотри, вот журнал, а вот и объявления.

Так Марианна совершенно случайно попала к Галине.

Татьяна всегда завидовала Маринке. Как червячок, сидящий в сердцевине здорового яблока и постепенно поедавшего его, так и в сердце маленького человечка, сидела заноза зависти. В детстве её раздражала зависть от того, что к подруге постоянно приходит бывшая нянька. Мало того, что она не забывала никогда свою воспитанницу, так она постоянно одаривала её подарками. Не приносило удовлетворение и то, что узнав о дружбе Марианны с Таней, Ева не обделяла вниманием и подругу. Иногда забирала обоих детей на выходные и тогда они посещали кино или музеи.

Не расстались подруги и после выхода из детского дома. Ева прописала Марину у себя, но девушке невыносимо было жить напротив квартиры её родителей, в которой прошло всё её детство и осознавать, что в ней проживают квартиранты. Знакомство с Галиной, работа у неё помощницей, новость о том, что всё-таки её настоящая, родная мать жива, подарили Марианне крылья. Она светилась от счастья, и это обстоятельство не давало Тане покоя.

После скандала в салоне с женщиной, обвиняющей Галину в похищении каких-то драгоценностей, Марианна по телефону сообщила подруге о своём срочном отъезде с гадалкой к своей нашедшейся биологической матери. Для Марианны многое было неясным. Она промолчала, не сказав Галине, что женщина, устроившая ей такой грандиозный скандал, была матерью парня, с которым уже длительное время встречалась её подруга Татьяна и является директором детского дома, в котором она провела детство.

Тихий «ботаник» Володя, как-то рассказал Тане, что его мать ищет настоящую гадалку.

– Но где её найти, понятно, что все они шарлатанки.

– Все, да не все. Есть такая гадалка, которой по наследству дар предвидения передался.

Да и карты разложит, утешит твою шумную мамашу.

Таня посоветовала ему дать матери адрес салона Галины. Но когда, Володя рассказал ей о произошедшем скандале в салоне между матерью и гадалкой и об истории с пропажей драгоценностей, а следом позвонила Марианна и сообщила о своём срочном отъезде из-за случившегося, Таня поняла, что надо осмыслить всю ситуацию.

– Так, Володя, из-за этих драгоценностей, которые по версии твоей матери, должны находиться у гадалки, твой отец убил старушку и сам загремел в тюрьму?

– Выходит так. Мама рассказывала, что следствие выяснило, грабил мужчина и подросток. Но мать считает, что тогда с нападавшим на неё мужиком был не подросток, а женщина.

– Всё может быть. Слушай Володя, а драгоценности стоящие были?

– Ещё с царских времён. Там один кулон, который гадалка себе на лоб цепляла, знаешь, сколько сейчас стоит? Вот не понимаю я этих родственничков. Мать рассказывала, что сами на всём сэкономили, а на таком богатстве сидели. Счастья своего не видели.

– Да, да, Володечка, как говорится, не гонись за счастьем, а найди то место, где оно водится, – задумчиво произнесла Таня.

– Ты чего ещё задумала?

А Татьяна действительно задумалась.

– Да что тут думать?

Володя обнял Татьяну.

– Танька, много ли для счастья надо?

– Тебе Володя и Маринке мало. Вам как в той песне поётся: был бы милый рядом. А мне надо много. Мне шалаша с тобой на двоих мало. Ты что решил, что я так и буду прозябать в этой дыре? Нет, Володя, я счастья хочу. Настоящего и по возможности большого счастья. С домом, дачей, машиной, с поездками на Канары. Я имею на это право?

– Танечка, конечно. Только знаешь, как в учебниках пишут? Счастье является «побочным продуктом» правильно организованной деятельности. А путь к нему – максимальное развитие всех своих способностей.

– Ага, ты пока теорией займись по теме: как стать счастливым, а я попрактикуюсь. Маринка скоро вернётся. Её дела в суде близятся к завершению. И я так понимаю, скоро она получит документы на оформление своего имущества.

– А ты за подругу переживаешь? А я подумал, что будешь разыскивать драгоценности.

– Дурачок ты Вовка, хотя и умный. Если драгоценности у гадалки, так она их увезла с собой. Зачем ей мелькать и ждать, когда твоя мамашка доконает её своими скандалами. А мне выгодно, чтобы она подольше не возвращалась в Москву.

– Ты рассчитываешь поселиться в квартире Марины?

– Да, но без неё.

– Это, каким образом?

– А ты никогда не замечал нашу схожесть с Маринкой?

– Замечал. Первое время я считал вас родственниками. Но ты красивее.

– Ты же помнишь, как нас в детском доме называл? Сёстрами! Поэтому хорошо бы использовать нашу похожесть. Но чтобы никто не заметила подмены, Марианну надо спрятать где-то на некоторое время, а потом решение само придёт, что дальше с ней делать.

– Что такое ты говоришь? Как это понимать – что дальше с ней делать?

– Тебе нужны разъяснения? Хорошо, я тебе объясню. Ты знаешь, что такое спать на казённой койке? Есть казённую пищу? Да что ты знаешь!

– Танюш, ты же помнишь, я часто приходил в ваш детский дом. Видел, конечно, не сахар.

– Не сахар? Видел он! Что ты мог видеть, директорский сынок? С такой мамашей, как твоя. Твой дом полная чаша за счёт нас.

Такой, парень ни разу не видел своей девушки. От нахлынувшей на неё обиды за несчастливое детство, казалась, она ненавидела всех, но гнев свой она обратила на Марианну.

– Таня, за что ты её так ненавидишь? Она же тоже детдомовка.

– Я её всегда ненавидела! Детдомовка говоришь? Скажи ещё сирота. Это я настоящая детдомовская, это я сирота. Её не успели оставить в роддоме, в этот же день удочерили. А я с младенчества с алкоголиками жила. Как ходить научилась так по дворам и ходила где кто, что поесть даст. А как от палёнки мои алкаши подошли, так полуголодной в детдоме жила. А сейчас что лучше? Денег ни на что не хватает. Или поесть купить или шмотку какую. А ей, пожалуйста. Нянька продукты таскала? К себе забирала. Деньги на мороженое давала. Пошла наугад к гадалке и на тебе! И тут в точку попала. Да ещё и мать жива. И дом у неё материн теперь есть и квартира в Москве, и дача в Подмоскovie! Всё ей да? А мне как жить?

От чего зависит, счастливым будет человек или нет? Понятно, что счастье каждый понимает по-своему. Но давно известно, что оно, эта человеческая счастливость, зависит от психологического климата той среды, в которой он находится в самом раннем детстве. От среды, в которой он взрослеет, живёт, от эмоционального багажа, накопленного в детские годы.

Татьяне не повезло со счастьем. Мало его было в младенчестве, совсем не было в детстве. И размышлять на эту тему она не любила, потому что ей становилось очень жалко ту маленькую девчущку, которая никогда никому не была нужна. И от этого, на душе у неё копилось злость, ненависть к тем, кто находил радость в жизни, кто был успешней, богаче, счастливее. Таня думала, решала, как всё так обустроить, чтобы поменяться местами с Маринкой. Но решение пришло, когда она увидела счастливую улыбающуюся Марианну, выходящей из здания аэропорта.

На следующий день, решив все вопросы в суде, переговорив с адвокатом, Марианна довольная исходом дела села в автомобиль Владимира. Вся компания отправилась в квартиру Татьяны. С этого момента, Марианна мало что помнила и понимала. Постоянно принимаемые таблетки, которыми они её пичкали, сыграли свою роль. Друзья сначала прятали ничего непонимающую Марианну в маленькой однокомнатной квартире Татьяны, которую ей выдали, как сироте. Потом на даче матери Владимира, благо она там давно не появлялась. А когда, Татьяна совсем удостоверилась, что её афера проходит, они ночью перевезли совсем ослабленную Марианну на отсуженную дачу.

– Что будем с ней делать? – спросил Владимир у Татьяны, глядя на исхудавшую с синяками под глазами Марианну, когда они поднялись по лестнице из подвального помещения, в котором располагался технический этаж и мастерская.

– Потом решим, сейчас, главное оформить все документы на Маринку. Я звонила адвокату. Хорошо, что его работу Галина оплатила заранее.

– Потом? Потом получу готовый пакет документов и избавлюсь от её няньки. Суёт нос, куда ей не следует. Бегаёт по милициям, всё разыскивает свою ненаглядную. Потом найдём покупателей на квартиру и этот домик, а на вырученные деньги купим новую квартиру и дачу. Ещё и на новую машину тебе останется. Со мной не пропадёшь!

– Тебе не кажется, что как-то легко у тебя всё получается на словах. Потом, потом... Что потом, Таня?

– Потом Володя счастливая обеспеченная жизнь.

– Таня, знаешь, есть такой анекдот: «Врач спрашивает у пациента: – Что вы сегодня принимали? Желаемое за действительное», – такой был ответ. И ты Таня, принимаешь ту же микстуру.

– Всё! Я поняла! Ты отказываешься помогать мне? Ладно.

– Я не отказываюсь. Я не одобряю твоих действий. Неужели ничего нельзя придумать, кроме ликвидации этой твоей несчастной подруги и её няньки. И вообще, зачем трогать эту старуху?

– Несчастливая? Я тебе уже рассказывала, какая она несчастная. Ненавижу, понимаешь, я её ненавижу. Старушку пожалел? А меня кто-то, когда-то жалел? Как я буду квартиру продавать? Она же опять в полицию побежит. Она же не успокоится, пока свою Марианночку не увидит.

– Так другие соседи увидят.

– Кто там определит, я это или Маринка? Если всё сделать тихо, спокойно, то всё у нас получится, – Таня успокоилась, обняла Владимира, – тебе ничего не придётся делать, только мне не мешай.

Марианна встала с дивана. Из-за сильного головокружения она чуть не упала на стеллажи со связанными в стопки книгами и лежащими рядом с ними старыми игрушками. Немного придя в себя, она открыла глаза. Прямо перед ней стояла стопка с детскими книжками. Машинально она прочла корешок на одной из книг. Это была сказка Экзюпери «Маленький принц». Слабыми руками Марина пыталась развязать узел бечёвки, но только поломала свои и без того слабые ногти. Немного передохнув, ей удалось расшатать стопку и вытащить книжку. Открыв её, она увидела надпись. В глазах Марианны потемнело от набежавших слёз. Она опустилась на диван и, всхлипывая, прочла: «Дорогой моей доченьке в день поступления в первый класс. Хорошо запомни то, о чём говорится в этой книге и, тогда ты вырастишь порядочным, хорошим человеком. Я тебя очень люблю. Твой папа».

Немного успокоившись, она решила осмотреться. Вскоре она поняла, что находится в подвальном помещении какого-то дома.

– Откуда могла здесь появиться моя книжка? – Марина точно знала, что именно эту книжку подарил ей отец. Она её узнала бы и через тысячу лет.

Марина прошлась по коридору, поднялась по невысокой лестнице. Постучала в металлическую дверь. Позвала на помощь.

– Глухо. Меня никто не слышит.

Она вернулась к дивану. Закуталась в лежавший плед и легла.

Марианна думала, почему с ней всё это произошло. Почему Татьяна, подруга которой она так доверяла, считала самым близким человеком, так низко предала её. Неужели Евочка была права? Недаром она недолюбливала Татьяну и относилась к ней с осторожностью.

– Сколько раз она мне говорила, – вспоминала Марианна, – Таня тебе завидует, ты уже взрослая, должна разбираться в людях. Сколько раз Евочка меня предупреждала остерегаться её. Но как она могла? За что?

Леонид остановил автомобиль у дорожного кафе. Пока он ждал, когда сделают шашлык, я наслаждалась вкусным рыбным стейком. А когда он принялся за мясо, я за чашкой зелёного чая попробовала обрисовать всю ситуацию, как я это вижу.

– То, что эта дружная парочка похитила Марианну, это сомнению не подлежит. И я подозреваю, что Ева умерла не своей смертью. Конечно, она им мешала, она-то сразу бы отличила Марианну от Татьяны.

– Маргарита вы уж совсем из них преступников сделали. Мне кажется, – убеждал меня Леонид, – что друзья вашей Марианны, обыкновенные мошенники, аферисты.

– Не будем спорить, вы лучше быстрее заканчивайте с обедом. Нам надо дотемна вернуться на дачи.

– Всё-таки хотите проверить соседскую дачу на наличие пленницы?

– Я вот, что думаю. Раз Ева мертва, логичнее всего предположить, что документы из суда уже у них на руках. Зачем им теперь Марианна? Продать недвижимость они и без неё смогут, воспользовавшись похожестью Марианны, а её подпись Татьяна наверняка, уже наострилась делать. Нет, сегодня ночью надо ждать гостей.

– Почему именно сегодня ночью?

– При свете дня они не будут выносить её труп или выводить её из дома.

– А почему именно сегодня ночью.

– А чего время зря терять. Татьяне надо быстрее покончить с этим делом. Она не дожётся, когда продаст и купит себе новую недвижимость. Тогда уже точно все концы в воду. Вы помните, что вчера она ушла на дежурство.

– Конечно.

– Ну, так сегодня и завтра она выходная.

Мы быстро доехали до места. Лена обрадовалась моему возвращению.

– Всё спокойно, тихо было. А что вы с Лёнкой задумали, я с вами пойду.

Мы с Леной вооружились, как могли.

– Лен, ты что? Топорик зачем? – улыбалась я её экипировке.

– А вдруг и правда, там дитя сидит, мучается, а её бандит, какой стережёт.

С топором сподручнее и не так страшно.

– Нет, Леночка, давай обойдёмся без кровопролитий, – успокаивала я её.

– Давай, пошли, там нас, наверное, Лёнка уже ждёт.

Леонид, действительно нас ждал у калитки соседей. Открыть её ему не составило труда. Мы тихо вошли во двор. Поколдовав несколько минут с замком от дома

Леонид вскоре, впустил нас внутрь, захлопнув дверь за собой. Освещая помещение фонарями, мы осмотрели первый этаж, который был пуст.

– Здесь должен быть подвал под домом. Надо найти вход. Долго искать не пришлось. Дверь в подвал оказалась при входе. Леонид осветил пространство коридорчика, где находился вход в подвал.

– А вот и ключ. Так, что ошибочка вышла с вашей версией Маргарита.

– Почему? – спросила я его.

– Если бы они кого-то прятали, зачем им ключ от двери тут же держать?

– Не зачем, а почему. Потому, что они уверены, что идут верным путём. Ничего, мы им сейчас хвост прижмём!

– А если они сегодня не приедут? – спросила Лена.

– Тогда мы их завтра задержим.

Дверь со скрипом открылась и, освещая себе дорогу большим и ярким фонарём Леонида, мы спустились в подвал.

– Марианна, Марианна, – звала я, но в подвале стояла тишина.

Но вдруг, я услышала какой-то шорох. В это время, Леонид осветил вход в нишу. На стареньком диване, накрывшись пледом, лежала Марианна.

Глава 19

– Марианна не пугайся, не бойся, я от твоей мамы, – я наклонилась над лежащей девушкой. Она чуть приподняла голову, но тут, же опустила её на диванную подушку, – слушайте, у неё обморок. Леонид, надо срочно вызвать скорую и полицию, а лучше, вы посветите сюда, я позвоню одному человеку, – от волнения у меня тряслись руки, я набрала номер телефона Кости, но мой мобильник безмолвствовал.

– Маргарита возьмите фонарь скажите, кому надо звонить я поднимусь наверх, с вашим мобильником там-то есть связь, – предложил мне Леонид.

– Правильно, а ты Лена, беги к себе и жди машины с полицией и скорой, если, что проводишь их сюда. Если появится эта ложная Марианна и её спутник, сиди, не вздумай выходить из дома к ним.

Выйдя из подвального помещения, Леонид дозвонился до Константина и объяснил ему всю ситуацию. С непривычки бывшему военному показалось странным услышать то, что он услышал с уст оперативника о наших изысканиях. На яростном перечислении Костей моих «достоинств», Леонид его прервал.

– Константин, разбор полётов вы можете сделать потом. Я вижу подъезжающую машину, скорее всего это они. Маргарита была права. Они вернулись и они опасны. Оружие? Я охотник у меня с собой «ижовочка» двенадцатого калибра пристрелянная. Так что не переживайте.

Выслушав все указания Кости, Леонид спрятался на большой террасе огибающей весь дом. Когда Татьяна с Владимиром зашли внутрь дома, улучшив момент, он юркнул вслед за ними. Парочка негромко, но эмоционально ругалась.

– Тюфяк, ботаник, мамочкин сынок, привык за материн подол держаться.

Нет, милый, теперь твоя очередь.

– Я не смогу убить человека!

– Что ты хочешь этим сказать, что я прирождённая убийца? Или ты думаешь, я с лёгкостью отпустила на тот свет эту старуху, Маринкину няньку? Я тоже не могла, но ради нашего с тобой будущего пошла на всё!

Татьяна решила сменить гнев на милость. Она обняла Владимира.

– Ты пойми. Если мы вместе, так и дело должны делать вместе, чтобы не получилось, что я останусь такой грязной вся, а ты чистеньким будешь пожинать наши плоды. Главное, ты успокойся. Она уже не человек, она трава. Я её так накачала за это время, что она уже мёртвая. Её осталось только закопать.

– А как ты собралась её в подвале закапывать, если дом собираешься продавать? Новые жильцы заметят.

– А ты думаешь, дом завтра сразу взяли и купили? Сейчас купить можно легко, продать тяжело. К этому времени пол зацементируешь, – грубо ответила она, – мне надоело тебя уговаривать.

Парочка долго ещё бы бранилась и ругалась но, естественно не ведая обо всём происходящем наверху я, не сумев привести Марианну в чувства, оставила фонарь на диване и подошла к столику, на котором стояла бутылка с водой, но по дороге на что-то наткнулась. По подвалу разнёсся грохот упавшего металлического ведра. Испугавшись шума, я схватила одну из бутылок и быстро вернулась к Марианне. В наступившей тишине я услышала какие-то крики, которые доносились из дома. Я быстро поднялась по лестнице вверх. Вдруг дверь подвала открылась, и я увидела Татьяну.

– Стоять, стрелять буду, – громко командовал Леонид, но Татьяна попыталась заскочить в подвал и ринулась на меня, – Марго дверь закрой! – крикнул Леонид.

Что я и сделала. И как мне кажется, от моего порыва резко захлопнуть дверь, Таня получила сильный удар по лбу. Закрыв дверь на щеколду, я спустилась к Марианне, навела на неё фонарь и заметила, что пленница очнулась. Взбрызнув её лицо водой, я опять повторила ей, кто я и откуда.

– Я думала, что это конец, – еле бормотала она, – а как мама, Галя? Они, наверное, совсем измучились от неизвестности. Надо ещё моей няне сообщить, что со мной всё в порядке, она переживает, у неё сердце большое, – тихо говорила Марианна.

Я старалась её успокоить. Но правду о смерти Гали и Евы решила пока не открывать уж очень слабой и измождённой показалась мне девушка.

Наконец, я услышала стук в дверь подвала.

– Маргарита, открывайте, это я, – послышался голос Леонида.

– Ну, вот и всё. Теперь всё будет хорошо, – старалась я успокоить совсем обессиленную девушку.

Я открыла дверь, пропустив в подвал медиков и сотрудника полиции. Вскоре появился Константин. От его гнева меня спасла просьба дознавателя дать объяснение.

Вовремя закончились мои поиски Марианны. Через пару дней отдыха в московской квартире, если приведение в порядок квартиры, поездка на дачу к друзьям, которые меня совсем потеряли из-за последних событий, многочасовых переговоров по телефону и скайпу с родственниками дальними и близкими, весь этот круговорот можно назвать отдыхом, я стала готовиться к поездке в Ростов.

Янлин сообщила мне о готовности ехать со мной в Ростов-на-Дону. Решив все вопросы с адвокатом Марианны, которая всё это время жила у меня, мы дружной компанией: я, Янлин и Марианна полетели и вскоре приземлились на донской земле.

Встречать нас приехала шумная компания в составе моего брата с женой и Раисой с Николаем. Дома нас встречали взволнованная мама и остальные многочисленные родственники.

– Внученька, Янлиночка, – со слезами на глазах, мама обняла растроганную девушку.

– Бабушка, не плачьте, – гладила по седой голове маму, Янлин.

Мы с Раисой заплакали. И это ничего. Я бы всё время плакала, пусть только все были бы живы и здоровы. К вечеру, оставив Янлин на попечение ростовских родственников, Николай отвёз нас с Раисой и Марианной в станицу.

– Всё Раиса, за последние дни столько всеми было пролито слёз, столько всего произошло, – говорила я свахе, после того, как мы оставили Марианну со своей матерью одних, – буду у тебя отлёживаться, отсыпаться и гулять на свежем воздухе.

– Ага, гулёна, сейчас я тебя так и отпустила на гулянки, – возразила мне сваха, – знаю я тебя, учёная уже, убийцу-то Галины, так и не нашли. Тебя выпусти, опять или тонуть будешь или по голове получишь. Нет, сваха, давай уж без меня из ворот никуда не выходи.

Выйти мне не удалось, как и выспаться. С утра нас разбудил Андрей, приехавший из района. За завтраком от его расспросов у меня гудела голова.

– Андрей, шумный ты. Лучше скажи, как дела с расследованием убийства Галины, – спросила я его.

– Да никак. Не удалось выяснить. Пока никаких зацепок. Проверили всех её клиентов, думали, возможно, месть чья-то. Но всё впустую. Думали на Марианну, но теперь с вашей помощью и эта версия отпала.

– Да, странно. Но искать-то надо. Убийца получается, на свободе разгуливает.

– Вы правы Маргарита Сергеевна, только неизвестно где он разгуливает, по Москве или здесь рядом.

– Ты молодец, давай нас пугай, – разошлась Рая, – чем вы там только занимаетесь в своей полиции.

– Вот только я вас прошу тётушки, давайте без ваших поисков обойдёмся во избежание различных несчастных случаев. Отдыхайте, воздухом дышите, особенно это вас касается, Маргарита Сергеевна.

– Покомандуй тут у меня! Иди, работай, – Раиса, шутя, стала выпроваживать Андрея из дома, – чего задумалась? – обратилась она ко мне, вернувшись на кухню.

А подумать было над чем. Во-первых мы не нашли вторую флэшку. Во вторых, не в моих правилах оставлять что-то невыясненным, неизвестным. Последняя точка должна быть поставлена. Так что опять пора приступить к выяснению! Приказала я себе.

– Понимаешь Рая, что-то я упустила из виду. Что-то пропустила.

– Ладно тебе, пойдём по воздуху пройдемся. Мне в магазин надо зайти.

Мы медленно шли по пустынной улице, наслаждаясь терпким от лежалой листвы воздухом смешанным небольшим ветерком, словно миксером с вкусным запахом реки. Из магазина навстречу нам, вышел угрюмый мужчина. Небрежно кивнув Рае на её приветствие, он быстро пошёл прочь.

– Чего это участковый наш угрюмый такой? Еле здороваётся? – спросила Рая у продавщицы?

– Сама удивляюсь, – ответила она ей, – запил чего-то опять.

– Да не чего-то, – затараторила подошедшая к этому времени пожилая женщина, – чего же ему не пить. Жена-то его так и ушла к другому.

– Да вы что? – удивилась Рая, – так жили вроде дружно. Я слышала, что его жена бросила, так думала, что опять наши бабы брешут. Поехала Анька к сестре в Ленинград, то есть, как он теперь Петербург. Значит, бросила? И уехала? Навсегда?

– Так я тебе чего толкую. Просто так мужик не запьёт. Бросила. Точно говорю, – щебетала старушка.

– Да вернётся, куда денется. Столько лет прожили, – добавила продавщица.

– Не, не вернётся, – настаивала старушка.

– Да ладно вам, баба Настя, всё вы про всех знаете, – не успокаивалась молодая продавщица.

– Просто так не скажу! Знаю, что Анька больше не вернётся. Мы с ней перед её отъездом у Галины гадалки были. Мне о своём надо было кое-что узнать, а Анька вперёд меня вошла к Гальке, царствие ей небесное. А когда вышла, так и сказала:

– Всё больше не могу, заканчивать эту карусель надо, – а я у неё спрашиваю, что Аня, что за карусель, чего тебе нагадали? Правду сказала гадалка? – а Анька мне и отвечает, говорит, ещё какую правду! Всё, говорит, баба Настя, начинаю новую жизнь. К сестре поеду. Я говорю ей, нужна ты больно на новом месте. Где родился, там и пригодился. Так она мне отвечает, что нужна, даже уже давно нужна, ждут её там. Не успела спросить, кто её ждёт, сестра что ли? Потом Галя меня позвала. А Анька, видно на следующий день и укатила. А потом, вот гадалку нашу убили. Так я что говорю, вот с того времени и стал наш участковый темней тучи. Видно Анька сказала ему, что бросает его. А теперь видишь, что делается? Пить стал. А всё почему? Потому, что жена к нему больше не вернётся! Вот так скажу.

– Так к сестре поехала Анна, а вы говорите к другому, – уточняла Рая.

– Раис, ты, прям, как дитя малое. Ну, к сестре-то поехала, только вопрос, нужна она ей? К мужику сорвалась баба, точно говорю. Недаром она каждый год туда ездила. Вот и доездилась.

Весь день не выходил у меня из головы этот разговор.

– Причём здесь участковый? – мои размышления прервала Рая.

– Ох, сваха, неспроста ты такая молчаливая сегодня. Колись, чего надумала, – пристала она ко мне с расспросами.

– Рай, я вот всё вспоминаю тот злосчастный день убийства. Что-то мы с тобой тогда пропустили.

– Опять, двадцать пять. Чего нам с тобой было пропускать, если Галина была одна. Ты разговаривала с ней. Потом я услышала выстрел, зашёл Михалыч, наш участковый.

– Вот! – мне показалось, что я нашла упущенный пунктик, – Рая, как быстро он вошёл?

– То есть? – Рая задумалась, – выстрел прозвучал, и он зашёл... – Рая с удивлением смотрела на меня.

– Вижу, что догоняешь. А что написано в протоколе? Что говорил Андрей о появлении на месте преступления участкового?

– Ничего.

– А мы его не спрашивали об этом. Но при таком раскладе, участковый должен был сказать, что во время выстрела находился вместе с тобой, Раиса. Надо спросить Андрея об этом.

– Так, что, я правильно догоняю, ты подозреваешь в убийстве Галины Михайлыча?

– Да. Смотри. Он зашёл в дом сразу после выстрела. Это раз. А если это так, но он не стрелял, то должен был видеть убийцу. Но он его не видел, потому, что стрелял он сам.

– Да, ладно! Ему-то зачем?

– Зачем? Тоже вопрос.

– Марго, а что, во-вторых?

– А то, что я его еле вытолкала на улицу, он видел, как толпа неслась к дому Гали, но ничего не предпринимал, чтобы остановить людей. И только, когда я на него накричала, он вышел и стал отгонять людей от места преступления. Но они успели потоптаться у окна. Ты помнишь, криминалист ругался, что посторонних следов много.

– А ему что с тех следов?

– Раечка, он свои следы затапывал, да и уж очень рассеян он был и напуган тогда. Надо нам с Андреем переговорить по этому поводу.

– Так какие проблемы, приедет сегодня он на выходные, вот и поговорим.

С трудом объяснив Андрею наши претензии к следствию, он согласился, что допустил оплошность и поверил участковому.

– Вы должны понять. Уж на кого, а на Михалыча, кто бы мог думать. Но, если это правда и он во время выстрела находился вне дома? Надо опросить его ещё раз.

– Да заодно спроси, где его жена сейчас находится, – требовательно предложила Андрею Раиса.

– А где она находится? И причём здесь его жена?

– Вот ты и узнай причём. В любом случае доброе дело сделаешь. Люди говорят, что уехала к сестре в Санкт-Петербург и пропала. А Михалыч после этого чернее тучи стал. Запил.

– Тётъ Рай, опять вы, люди говорят! Они наговорят, – возмутился Андрей.

– Вот ты и проверь. Просто так молва не ходит, а коль люди говорят, надо успокоить народ, да и человеку помочь не мешало бы. Чего смотреть, как совсем сопьётся? – выговаривала Рая племяннику.

Я напротив старалась успокоить возбуждённого от нового поворота событий Андрея, – ты не говори ничего Михалычу о наших подозрениях, пока сам не проверишь. Может и правда, его жена жива, здорова и гуляет по Питеру.

– Рай ты с Андреем, как с сыном, и он, смотрю, к тебе, как к родной матери относится, – меня давно интересовало, почему Андрей так близок с семьёй моих сватов.

– Ой, сваха. Никакой он нам не племянник. Дружила я с его матерью. Андрюха помладше моей Ланки будет. На свадьбе его родителей гуляли. А потом Света заболела, да и умерла вскоре. Андрею как раз пятнадцать лет исполнилось. Его отец долго не грустил, вскоре жену привёл в дом. Разбитная бабёнка попалась, ушлая. Хотела дом продать. Андрея в детский дом оформить. Да мы узнали, добились того, что Семён, отец Андрея, уехал с новой женой восво-

яси. А мальчишку мы к себе забрали. Коля его в училище сначала устроил, в общем, не дали мальцу пропасть. Потом Андрюха сам юрфак закончил. Теперь мы привыкли к нему, как родному. Ланка-то к тебе всё ближе, а мы с Колей одни. А Андрюшка, как отдушина наша, – Рая всплакнула.

– Вы молодцы с Колей. Хорошего парня на ноги поставили. Коля у тебя, конечно, настоящий мужик. Я так вас всех люблю, – я обняла Раю и сама чуть не разревелась от нахлынувших на меня чувств.

Скоро предстоял наш с Марианной отъезд в Ростов, где мы должны забрать Янлин и вместе с ней вернуться в Москву. У моей китайской племянницы заканчивалась виза. Андрей никак не мог вырваться в станицу, закрученный повседневной неотложной работой. Поэтому, я решила ускорить события.

– Рай, время идёт, а мы так и топчемся на месте.

– Слушай, Марго, я всё смотрю на тебя и думаю, почему ты в своё время не стала работать в милиции, а поступила в строительный? Сейчас занималась бы своим делом.

– Раечка, я очень любила и люблю свою работу, свою специальность. Не поверишь, пока не вышла на пенсию, со мной не происходило никаких криминальных историй. А может за суетой дней, я ничего вокруг не замечала.

– Зато теперь ты всё замечаешь, ввязываешься во всякие истории, наверное, детективными романами зачитывалась?

– Ну, вот мне ещё не хватает твои нотации выслушивать, – оборвала я Раю.

– Ладно, выкладывай свой план.

На следующий день, днём, Раиса пошла на станичную площадь. Некоторое время, поговорив о том, о сём с пожилыми женщинами, сидевшими у магазина, она увидела, приближающегося к ним шаткой походкой Михалыча.

– Опять с утра нажрался, – заметила одна из старушек.

– Да, нет, это у него со вчерашнего дня остатки, – включилась в разговор другая.

– Опохмеляться идёт, – решили обе.

– А что, жена Михалыча ещё не нашлась?

– Нет, – ответила одна из женщин, – ждёт, наверное, когда совсем мужик сопьётся.

– Не успеет, – ответила Раиса, – наш Андрейка не даст ему спиться, он запрос в Петербург сделал, свяжется с его женой. Всё напишет и попросит, чтобы она скорее приехала. Хватит ей отдыхать, а то и впрямь, жалко мужика, пропадёт, – Рая вошла в магазин.

Пока Михалыч добирался до спасительного прилавка, Раиса завела разговор с продавщицей магазина словоохотливой Марией об убийстве Галины.

– Представляешь, – говорила она ей, – вчера Маринка медсестра звонила моей свахе и сказала, что кое-что видела в день убийства Гали. Она сначала этому не придала значения, – Рая видела, как Михалыч, к этому времени вошедший в магазин, замер в ожидании услышать продолжение разговора, – так вот, – продолжала Рая, – уж, что она там заметила, мне не ведомо, но сегодня вечером, после шести, я точно что-то буду знать об этом убийстве.

– Ох, Раиса, ты прям, сыщиком заделалась! – улыбнулась Мария.

– Да, нет, просто интересно.

– А Андрейка у вас на что? Он то, наверняка всё знает, кто и за что её убил.

– Андрейка наш в командировке, сваха, говорит, пока он вернётся, я ему на блюде выложу. Только ты, Маша, это посерьёзней будь, болтай меньше, – тихо добавила она и повернувшись, обратилась к Михалычу, которого, вроде бы только что заметила.

– Доброго здоровьица, товарищ участковый. Миш, ты бы аккуратней с выпивкой, она к добру не приведёт, – сказала Рая мужчине и вышла из магазина.

– Я в отпуске, имею права отдохнуть, как хочу. Пивка дай мне, Мария, – попросил он продавщицу и поторопился на выход.

На ступеньках магазина участковый остановился, открыл бутылку с пивом и сделал несколько глотков.

– Миш, слышь? – к нему обратилась одна из станичниц, – ты бы завязывал пить, а то твоя скоро вернётся, задаст тебе трепака.

– С чего вы взяли, что она вернётся? – спросил он её, думая о чём-то своём.

– Ну, как же, Андрейка Раискин сказал, что послал петицию к ней, чтобы она вернулась, а то, пишет, сопьётся твой хозяин. Так, что смотри, может, сейчас ты придёшь в свой двор, а она тебя в хате дожидается.

Бросив пустую бутылку в мусорный ящик, Михалыч поспешил к своему дому.

– Смотри, смотри, побёг, сердешный.

– А вдруг, ты, Настён угадала?

– А то! Соскучился, – шутили женщины.

Предварительно созвонившись с Мариной и Марианной, я поспешила к ним. Объяснив Марине суть дела, мы стали устраиваться в засаде. Марианну мы закрыли в соседнем Галином доме. Сама я укрылась в спальне Марины, спрятавшись в большом шкафу, за висевшими в нём на вешалках блузках, платьях.

Рае была отведена главная роль в этом представлении. Сделать так, чтобы участковый, когда будет идти мимо двора Раисы, был уверен в том, что я ещё только собираюсь идти к Марине и пока нахожусь дома.

В половине шестого Раиса увидела шедшего мимо её двора участкового.

– Надо же, я сомневалась до последнего, – тихо сказала она, но громко крикнула, – сваха, что ты копаешься? Пойдём раньше, раньше вернёмся. Всё тебе некогда, ладно, задержимся, Маринка всё одно ждать нас будет. Ладно, жду тебя, жду, – громко сказала она вслед удаляющейся фигуре участкового.

Участковый Михалыч, с виду совсем ещё молодой мужчина, сейчас был похож на старика.

– Марина к тебе можно? – постучался он в двери дома Марины.

– Заходи, заходи, Михаил Михайлович. Что давление поднялось? Измерить надо? – пропуская его вперёд, говорила Марина.

– А ты что, одна? Где же дочка твоя?

– Да вчера с Андрейкой в район укатила.

– Так, гляди, Маринка, и свадьбу скоро играть будешь.

– Пока нельзя, пусть ещё погуляют. Только у них что-то слаживаться стало.

– Почему это нельзя, – оглядываясь, участковый прошёл в большую комнату.

– Так надо дождаться, когда год после смерти Гали будет. А тогда уже можно и свадьбу играть. Так, что давление будем измерять?

– Будем. Кстати о Гале. Ты мне Марина, вот что скажи. Чего это ты видела в тот день такого, что никто не увидел.

– Видела, Михал Михайлович, а вам, что за дело, – Марина стояла у большого стола, вытаскивая медицинский манометр из кожаной сумочки.

– Как чего, я тоже свидетель всего происходящего тогда, хочу сверить с моими показаниями. Так ли всё было, как я говорил, или тебе что-то померещилось с перепугу.

– Да, что такое с вами? – Марина медленно стала отходить от стола, пугаясь надвигающейся фигуры участкового и его злобного взгляда.

– Что же ты видела?

– Я видела, как вы входили в дом Галины, почти сразу после выстрела.

– Ладно тебе. Говорю же я, ты напутала что-то. Не сразу я вошёл. Не было меня у дома во время выстрела. Понимаешь?

– Не было, значит, не было, – от волнения у Марины дрожал голос, – успокойтесь, вам надо давление измерить.

– Успокойтесь? Это вас всех надо успокоить. Твари вы неблагодарные, – Марина сделала ещё шаг назад и села на диван.

– Вам плохо, сядьте, – сказала Марина, увидев, как участковый одной рукой схватился за сердце, другой облокотился на спинку стула.

– Сесть? Нет, в тюрьму я не сяду, – вдруг он схватил с дивана небольшую подушку, лежавшую рядом с Мариной и, накрыв ею, лицо бедной женщины сквозь зубы зашипел:

– Это всё ваша гадалка виновата! Из-за неё вся моя жизнь кубарем вниз полетела! Я её слышишь, я её убил! И не жалею об этом.

Я, услышав возню в большой комнате и слабые хрипы Марины, рванула из шкафа, но запуталась в вещах, зацепившись каким-то образом своим свитером за вешалку. Пока я выпутывалась из вещевых пут, Марина пыталась отчаянно сопротивляться. Вбежав в комнату, я увидела, уже обмякшую, беспомощную Марину. Мне хватило секунды, чтобы схватить что-то тяжёлое, что попало мне под руку. Этим предметом оказался медный подсвечник с распятием, который стоял под полочкой с иконами. Схватив его, я шмякнула по красному от напряжения затылку Михалыча.

– Господи Марго, ты же ему голову проломила, – закричала вбежавшая в комнату Рая.

Онемев от испуга, я не двигаясь, стояла, всё ещё держа в руках орудие усмирения. Рая подбежала к дивану и быстро передвинула сражённого мной участкового, который всем телом навалился на Марину.

– Мама, мамочка, – в комнату влетела Марианна, – она не дышит, вы видите, она не дышит!

От её крика я пришла в себя. Почему-то я положила подсвечник на стол плашмя, а не поставила его, как положено и кинулась к Марине.

– Рая, вызывай скорую помощь, – приказала я свахе, – Марина, я буду делать ей искусственное дыхание, а ты открой матери рот и воздух, ей воздух нужен! Чего стоишь, рот в рот быстро делай!

– Я вызвала «скорую», пока бежала, так и знала, что до смертоубийства дело дойдёт, а заодно и Андрея вызвала. Они с группой скоро приедут. А что это приклеено скотчем? – Рая показала на пустотелое дно подсвечника.

– Рая, это вторая флэшка. Всё верно! Вот и распятие, которое искать надо было не в доме Гали, а у тебя Мариночка.

– Маргарита Сергеевна, как вы думаете, что на ней? – спросила Марианна.

– Скорее всего, запись убитой Борисом цыганки Екатерины. Он же её брата убил, а потом её же и шантажировал. Всё денег ему мало было. Поэтому она переехала в Испанию. Но к сегодняшнему делу это не относится. Но эта флэшка прибавит к сроку Бориса ещё несколько трудных лет тюремного заключения, – ответила я ей.

Скорую и оперативную группу ждать пришлось достаточно долго. За это время мы смогли привести в чувства Марину, обработать рану и для безопасности привязать к стулу бельевой верёвкой участкового, немного прийти в себя и нагреть чайник, чтобы за чаем совсем успокоиться от перенесённого стресса.

– Михалыч, вот ты скажи, на кой ляд ты Галину застрелил?

Рая налила в чашку горячего чая и поставила рядом с участковым.

– Пейте Михаил Михайлович, – предложила ему еле говорившая и ещё не отошедшая от всего Марина.

– Маринка, ты прости меня, я не со зла на тебя кинулся, потемнение на меня нашло, вся жизнь верх дном перевернулась, – Михалыч закрыл лицо руками и заплакал. Немного успокоившись, он обратился к нам, – вы бы мне девчонки чего покрепче налили, когда теперь

мне выпить придётся. Зря вы меня к стулу привязали, я и так не убегу. Не могу больше с таким грузом жить. Лучше уж тюрьма, хотя до освобождения, я точно, не доживу.

– Ты Михалыч, даёшь! Доживёшь, ничего Аня твоя передачи носить тебе будет.

– Не, не доживу. Ну, дайте выпить, душа горит!

Марианна принесла небольшой графинчик с налитой в него водкой. Михалыч выпил залпом одну, потом следом ещё одну рюмку.

– Не принесёт, Рая. И не выйду, за двойное убийство и одно покушение пожизненное дадут, – он налил ещё рюмку водки.

– Господи, – от неожиданного признания Рая села на край дивана, – Михайлыч, да как же так? Ты же нормальным мужиком был? Что же ты наделал?

– Так всё-таки вы жену свою убили? – спросила я его, когда он опрокинул очередную рюмку.

– Получается, что убил.

– Ой, за что же это ты Аньку свою убил? Вы же душа в душу столько годков вместе прожили, – опять запрочитала Раиса.

– Прожили, не отрицаю. Нет, вы не думайте, я не хотел её убивать. Так получилось, – сейчас крепкий деревенский мужичок, привязанный нами к стулу верёвкой, казался маленьким, скорчившимся старичком. С давно небритым лицом, красными от выпивки, а возможно и из-за пролитых в одиночестве слёз глазами. С большим сердцем от осознания, что ничего назад уже не вернуть. Он совсем не походил на прежнего, всегда опрятного и строгого участкового.

– Как Анюта стала ездить к своей сестре в Питер, так изменения я стал в ней замечать. Приезжала от неё молчаливая, неразговорчивая. Я сразу понял, что она что-то скрывает от меня. А тут появилась Галина ваша. Она к ней пошла. Уж не знаю, что она ей там наговорила, только вернулась Аня от неё вся взбудораженная, с порога мне говорит, что всё разводиться будем. А завтра, говорит, первым автобусом в Ростов поеду, а там, на проходящий состав до Питера. Приеду на суд, а не приеду, нас и так разведут без меня. Я её стал уговаривать, а она призналась, что давно не любит меня. Раздражаю я её, видите ли. Выяснилось, что другого любит и будет жить у него в Питере в квартире. С ним не то, что со мной, навоз месить не надо. Ну, я... Вы девчонки не подумайте, я на неё в жизни руки не поднял, а тут такая злость меня взяла, я её схватил за шею, а опомнился, когда Аня моя уже посинела в моих руках.

Участковый выпил ещё рюмку водки.

– Вот девочки, так-то. Сначала сдать хотел, а потом подумал, представил себя в камере, жутко стало. Да вроде я не из трусливых всегда был. А вот ведь как вышло. Взял и закопал я Анечку свою. По станице слух пустил, что уехала Аня к сестре и возможно, больше не вернётся. Мол, к другому ушла. Потом подумал, что всё равно надо будет что-то предпринимать. От родни куда деться, искать будут. Придётся в розыск Аню объявлять, начнутся проверки. Дойдут до Галины, она и ляпнет, что надоумила её на развод подать и из станицы уехать, новую жизнь начать. Так дорожка ко мне приведёт. Помутнение на меня нашло. Достал я тогда дедовский пистолет наградной, а дальше вы всё знаете. Не видел я, что ты Рая с родственницей к ней пришла. Да особенно и не рассчитывал я. Да... Это волынка долго бы ещё длилась, пока запрос в Питер, туда, сюда, да вы стали шевелить это дело.

– Ну, вы задушили бы меня, и что это вам дало? – перебила его рассказ Марина.

Михалыч не успел ответить. К дому с шумом подъехала машина скорой помощи и полиции.

– Ну, вы женщины даёте? Вы как его связали? – удивлялись оперативники нашему ноухау.

Мы привязали участкового к стулу так, чтобы его руки были свободны.

– Ну а как же он бы чай пил? – стала объяснять Рая.

– По нему видно, что он опился вашего чая. А вы Маргарита Сергеевна, когда собираетесь назад в Москву? – обратился ко мне разгневанный Андрей.

– Вот такая благодарность за поимку преступника. Ладно, мы это уже проходили. Уеду в Ростов завтра же первым автобусом.

Как быстро несётся время. И никак не получается хотя бы на немного приостановить бег часовой стрелки, чтобы задержаться в этом беспокойном мире хотя бы на одну лишнюю секунду, на минуту. Но, даже остановив настенные часы, мы не обманем время. Стрелки наших биологических часов будут стучать внутри нас с тем же ритмом, без пауз, до того времени, когда сердце само не прикажет им остановиться, а разум не подскажет: вот теперь пора, время твоего существования в этом мире иссякло. И мы с сожалением или с радостью отпустим свою душу в новый неизведанный нам мир.

Интересно, думала я, лёжа в своей старенькой кровати, в своей маленькой комнате, которую выделили мне родители. Господи, я уже сама бабушка, а как же приятно ощущать, что в родительском доме есть твоя комнатка с кусочком твоего детства. У стенки стоит мой небольшой письменный стол. Над ним висит полочка, сделанная руками отца. На ней стоят, тесно прижавшись, друг к другу книги, которые я когда-то читала, учебники по которым я училась в институте, оставленными мамой «на память». История русского искусства, история архитектуры, теоретическая механика, сопромат. Как давно это было. Я и раньше по приезде, останавливалась в этой комнате, спала на этой скрипучей старенькой кровати. Но видела и воспринимала всё как-то совсем по-другому. А теперь у меня что-то больно защемило сердце. Я встала, подошла к окошку. Скоро наступит зима. Холодно. В Москве уже совсем холодно. Отодвинув занавеску, я увидела стоявшую на подоконнике шкатулку. Это первый подарок Олега, в те годы пока ещё моего будущего мужа. Мама сохранила. Как бережно она относится к памяти.

Как зачастую мы легкомысленно относимся к частичкам, фрагментам нашей жизни, не обращая внимания, не придавая значения тем или иным событиям. Мы забываем даты рождения своих предков, считая это не важным, их рассказы о своей жизни, думая, что наши воспоминания детям совсем не интересны. Мы не знаем своих родословных, мы забываем близких родственников. Мы теряем свои корни. Теряется связь поколений. К старости мы остаёмся одинокими.

И только память, выстраивая свои невидимые цепочки, скрепляя датами, событиями, любовью, приводит нас к своим корням. Память даёт нам возможность, как журавлям в небе вновь опять вернуться домой.

Тихо скрипнула дверь. Янлинь подошла и уткнулась головой в мою спину. Я обняла её за худенькие плечи и мы стояли молча, прижавшись друг к другу, как мои книги на полке, и молча смотрели в окно на планирующие с деревьев последние жёлтые листья, на дождевые капли медленно стекающие по стеклу.

– Мне хорошо у вас, – тихо с приятным акцентом сказала она. Я крепче прижала её к себе, – мне хорошо с вами, – продолжила она и тоже заплакала.

– Не плачь. Раз хорошо, значит, ты вернёшься сюда, в дом, где тебе всегда будут рады. Где тебя всегда будут ждать. Потому, что это теперь и твой дом, твоя семья. А значит, жизнь в доме твоего деда никогда не угаснет. Значит, будет её продолжение. Продолжение истории нашей семьи.